

ISSN 1993-1824

**ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ
УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ**

**СОЦИОЛОГИЯ.
ЭКОНОМИКА. ПОЛИТИКА**

1/2024

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Том 17, № 1

Январь – март 2024

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

СОЦИОЛОГИЯ. ЭКОНОМИКА. ПОЛИТИКА

Издается Тюменским индустриальным университетом с 2002 г.
Журнал «Региональные социальные процессы» сменил название на
«Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика» в 2008 г.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77–39119
выдано 11 марта 2010 года Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Учредитель журнала
Тюменский индустриальный университет

Соучредители журнала
Институт социально-политических исследований РАН
Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН
Российский университет дружбы народов

Аккредитован международным агентством научных журналов «Cabell» (США)

Главный редактор М. Л. Белоножко

Редакционная коллегия
Алексеенко А. Н., Барбаков О. М., Батырова Н. Т., Гаврилюк В. В., Гасанов Э. Л., Генин В.,
Голенкова З. Т., Данилов А. Н., Докторов Б. З., Енгоян А. П., Енсенев К. А., Зборовский Г. Е.,
Ильиных С. А., Левашов В. К., Максимова С. Г., Мартынов М. Ю., Нагымжанова К. М.,
Нарбут Н. П., Пленкина В. В., Рой О. М., Сартбекова Н. К., Силин А. Н., Тараданов А. А.,
Укубасова Г. С., Хайруллина Н. Г. (зам. гл. редактора), Янчаркова Ю.

Редакторы — О. С. Булдакова, А. С. Отто
Оператор электронной верстки, редактор — Н. В. Шуваева
Адрес редакции (издателя): 625000, Россия, г. Тюмень, ул. Володарского, 38
Тел./факс: 8 (3452) 28–30–76, <http://www.sep-tyuiu.ru>
E-mail: belonozhktml@tyuiu.ru

**Включен в перечень ВАК Министерства науки и высшего образования РФ
ведущих рецензируемых научных журналов и изданий**

ISSN 1993–1824

16 +

© Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тюменский индустриальный университет», 2024

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

Vol. 17, No. 1

January – March 2024

PROCEEDINGS OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS

**SOCIOLOGY.
ECONOMICS. POLITICS**

Published by Industrial University of Tyumen, Since 2002
In 2008 the Journal "Regional Social Processes" changed the title to "Proceedings from higher
educational institutions. Sociology. Economics. Politics"

**Registration Certificate of Mass Communication Media PI № FS 77–39119
Issued in March 11, 2010 the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Communications**

Founder
Industrial University of Tyumen

Co-Founders
Institute of Social and Political Research of the Russian Academy of Sciences Federal Center
of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
Peoples' Friendship University of Russia

*Accredited by "Cabell", the international publishing directory of journals
for professors and researchers (U.S.A.)*

Editor-in-Chief M. L. Belonozhko

Editorial Board
Alekseyenko A. N., Barbakov O. M., Batyrova N. T., Gavriulik V. V., Hasanov E. L., Genin V.,
Golenkova Z. T., Danilov A. N., Doctorov B. Z., Engoyan A. P., Yensenov K. A., Zborovsky G. E.,
Zvonnikov V. I., Iljinyh S. A., Levashov V. K., Maximova S. G., Martynov M. U., Nagymzhanova K. M.
Narbut N. P., Plenkina V. V., Roy O. M., Sartbekova N. K., Silin A. N., Taradanov A. A., Ukubasova G. S.
Khairullina N. G. (Deputy Editor-in-Chief), Jančárková Ju.

Editors — O. S. Buldakova, A. S. Otto
Computer design, editor — N. V. Shuvaeva
Address: 38, Volodarskogo St., Tyumen, Russia, 625000
Telephone/Fax: 8 (3452) 28–30–76, <http://www.sep-tyuiu.ru/>
E-mail: belonozhkoml@tyuiu.ru

**Included in the RF Ministry of Science and Higher Education SAC List
of leading reviewed scientific journals and publications**

ISSN 1993–1824

16 +

© Federal State Budget
Educational Institution of Higher Education
"Industrial University of Tyumen", 2024

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор Белоножка Марина Львовна

д. с. н., профессор, зав. кафедрой маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Зам. гл. редактора Хайруллина Нурсафа Гафуровна

д. с. н., профессор кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Алексеев Александр Николаевич

д. ист. н., профессор, директор НИЦ «Алтайтану» Восточно-Казахстанского государственного университета им. Сарсена Аманжолова (Казахстан)

Барбаков Олег Михайлович

д. с. н., профессор, зав. кафедрой бизнес-информатики и математики Тюменского индустриального университета

Батырова Назыгуль Турсынхановна

к. э. н., доцент программы «Государственное управление и региональное развитие» в Высшей школе «Государственного управления и экономики», Международном казахско-турецком университете имени Ходжа Ахмеда Ясави

Гаврилюк Вера Владимировна

д. с. н., профессор, консультант кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Гасанов Эльнур Лятиф оглу

PhD (доктор философии по истории), ученый секретарь Гянджинского отделения НАН Азербайджана

Генин Влад

PhD, глава факультета бизнеса и информационных технологий университета Феникса, Кампус в мегаполисе Сан-Франциско, Силиконовая долина (США)

Голенкова Зинаида Тихоновна

д. ф. н., профессор, руководитель Научно-образовательного центра, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Данилов Александр Николаевич

д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии Белорусского государственного университета (Белоруссия)

Докторов Борис Зусманович

д. ф. н., профессор, независимый аналитик и консультант, ассоциированный сотрудник Социологического института РАН в Санкт-Петербурге

Енгоян Ашот Пайлакович

д. полит. н., зав. кафедрой теории и истории политической науки Ереванского государственного университета (Армения)

Енсенов Канат Алексеевич

к. ист. н., ведущий научный сотрудник Института истории Государственного комитета по науке Министерства образования и науки Республики Казахстан

Зборовский Гарольд Ефимович

д. ф. н., профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

Ильиных Светлана Анатольевна

д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии Новосибирского государственного университета экономики и управления

Левашов Виктор Константинович

д. с. н., профессор, руководитель отдела стратегических социальных и социально-политических исследований Института социально-политических исследований РАН

Максимова Светлана Геннадьевна

д. с. н., профессор, зав. кафедрой психологии коммуникаций и психотехнологий Алтайского государственного университета

Мартынов Михаил Юрьевич

д. полит. н., профессор, зав. лабораторией социологических и правовых исследований Сургутского государственного университета

Нагымжанова Каракат Мукашовна

д. пед. н., доцент, зав. кафедрой педагогики и психологии университета Туран

Нарбут Николай Петрович

д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии Российского государственного университета дружбы народов

Пленкина Вера Владимировна

д. э. н., профессор, зав. кафедрой менеджмента в отраслях топливно-энергетического комплекса Тюменского индустриального университета

Рой Олег Михайлович

д. с. н., профессор, зав. кафедрой региональной экономики и управления территориями Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского

Сартбекова Нуржан Коодоевна

д. пед. н., доцент, зав. кафедрой философии, межкультурной коммуникации и психологии Международного университета инновационных технологий

Силин Анатолий Николаевич

д. с. н., профессор, главный научный сотрудник кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Тараданов Александр Ардалионович

д. с. н., профессор кафедры социальной работы и социологии Челябинского государственного университета

Укубасова Галия Сагандыковна

Доктор (PhD) экономики и бизнеса, к. э. н., Казахский университет экономики, финансов и международной торговли, ученый секретарь

Янчаркова Юлие

PhD, научный сотрудник Славянского института Академии наук Чехии (Чехия)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief Marina L. Belonozhko

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chair of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Deputy Editor-in-Chief Nursafa G. Khairullina

Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Aleksander N. Alekseenko

Doctor of History, Professor, Director of NITS(SIC) "Altaytanu", East Kazakhstan State University named after Sarsen Amanzholov

Oleg M. Barbakov

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chair of the Department of Business Informatics and Mathematics, Industrial University of Tyumen

Nazygul T. Batyrova

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Program "Public Administration and Regional Development" at the Higher School of Public Administration and Economics, the International Kazakh-Turkish University named after Khoja Ahmed Yasawi

Vera V. Gavriiliuk

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Scientific Consultant of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Elnur L. Hasanov

PhD in History, Academic Secretary of Ganja Branch of Azerbaijan National Academy of Sciences

Vlad Genin

PhD, Chair, School of Business and IT University of Phoenix, Bay Area Campus (San Francisco Silicon Valley Metropolitan Area) (USA)

Zinaida T. Golenkova

Doctor of Philosophy, Professor, Head of Scientific and Educational Center, Head of the Center for Researches of Social Structure and Social stratification, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

Alexander N. Danilov

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Sociology Department, the Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarus State University (Belarus)

Boris Z. Doctorov

PhD (in Philosophy), Professor, Independent Analyst and Consultant, Associate Researcher at the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg

Ashot P. Engoyan

Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Department of Theory and History of Political Science, Yerevan State University

Kanat A. Yensenov

Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher at the Institute of History of the State Committee for Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan

Garold E. Zborovsky

Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Sociology and Technologies of Public and Municipal Administration, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

Svetlana A. Iljinyh

Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Sociology, Novosibirsk State University of Economics and Management

Viktor K. Levashov

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Analytical Center for Strategic Socio-Political Research, of the Institute of Socio-Political Researches of the Russian Academy of Sciences

Svetlana G. Maximova

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Psychology of Communication and Psychotechnologies, Altai State University

Mikhail Yu. Martynov

Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Laboratory of Sociological and Legal Researches, Surgut State University

Karakat M. Nagymzhanova

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Pedagogy and Psychology, "Turan-Astana" University

Nikolai P. Narbut

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology, Peoples' Friendship University of Russia

Vera V. Plenkina

Doctor of Economic Sciences, Head of Department of Management in Branches of Fuel and Energy Complex, Industrial University of Tyumen

Oleg M. Roy

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chair of the Department of Regional Economy and Management of Territories, Omsk State University named after F. M. Dostoevsky

Nurzhan K. Sartbekova

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy, Intercultural Communication and Psychology, International University of Innovative Technologies

Anatoliy N. Silin

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Aleksandr A. Taradanov

Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Chair of Social Work and Sociology, Chelyabinsk State University

Galia S. Ukubasova

Doctor (PhD) of Economics and Business, PhD in Economics, Kazakh University of Economics, Finance and International Trade, Scientific Secretary

Julie Jančárková

PhD, Researcher of the Slavic Institute of the Academy of Sciences of the Czech Republic (the Czech Republic)

СОДЕРЖАНИЕ

Барахоева Р. Б., Скок Н. И. Самосохранительное поведение: дефиниция и структура	9
Берг В. И., Довбыш В. О., Пимнев А. Л. Взаимодействие университета с индустриальными партнерами в целях развития инженерного образования	22
Герасимова Г. И., Крюкова С. А., Швецова О. В. Организационные структуры самоуправления как ресурс политической активности молодежи	39
Кильдеев М. В. Городские особенности мусульманской религиозности в Среднем Поволжье	53
Ковальжина Л. С. Образ здоровья и саморегуляция здоровьесберегающего поведения в культурном пространстве коронавирусной пандемии	69
Кремнёв Е. В. Идеологически-ориентированные модели изучения социального управления в Китайской Народной Республике	85
Попкова А. А., Парфенов К. В. Факторы и направления политики обеспечения информационной безопасности России	101
Симонов С. Г., Кузяков О. Н. Социальные риски при организации работы персонала бизнес-структур в режиме online	116
Солоненко А. А., Готовкина М. С. Поколение Z выбирает эко	134

CONTENTS

Barahoeva R. B., Skok N. I. Self-preservation behavior as a concept and its structure	9
Berg V. I., Dovbysh V. O., Pimnev A. L. Development of engineering education through collaboration between an university and industrial partners	22
Gerasimova G. I., Kryukova S. A., Shvetsova O. V. Organisational structures of self-governance as a resource for youth political activism	39
Kildeev M. V. Urban features of Muslim religiosity in the Middle Volga region	53
Kovalzhina L. S. The image of health and self-regulation of health-saving behavior in the cultural space of the COVID-19 pandemic	69
Kremnyov E. V. Ideologically-oriented models for the study of social management in the People's Republic of China	85
Popkova A. A., Parfenov K. V. Factors and directions of information security policy in Russia	101
Simonov S. G., Kuzyakov O. N. Social risks in the organization of the work of the personnel of business structures in online mode	116
Solonenko A. A., Gotovkina M. S. Generation Z prioritises eco-advocacy	134

УДК 316.64

DOI: 10.31660/1993-1824-2024-1-9-21

Самосохранительное поведение: дефиниция и структура

Р. Б. Барахоева*, Н. И. Скок

Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия

*sasha.volkova.33@mail.ru

Аннотация. События недавнего прошлого наглядно отобразили неготовность правительственных органов и населения многих стран к преодолению кризисных ситуаций, связанных с распространением заболеваний. Причем основные проблемы связаны с недостаточным уровнем сформированности стратегий и тактик самосохранительного поведения граждан, что обуславливает актуальность исследования. Цель публикации — изучение подходов к пониманию самосохранительного поведения, а также его структуры. При работе с теоретическими источниками были использованы методы анализа, обобщения и синтеза. При сопоставлении подходов к пониманию сущности и структуры самосохранительного поведения использовался сравнительный анализ. В процессе разработки структурной модели самосохранительного поведения свое применение нашел метод моделирования. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что самосохранительное поведение является важной и неотъемлемой частью социального поведения, может пониматься как сознательное поведение личности, нацеленное на формирование и поддержание оптимальных параметров биологического, психологического, социального здоровья, минимизацию объективно существующих и субъективно воспринимаемых угроз. В структуре самосохранительного поведения можно условно выделить следующие компоненты: когнитивный (включающий самооценку здоровья, цели, установки), мотивационно-ценностный, аффективный (мотивация), поведенческий (система здоровьесберегающих действий), рефлексивный (контроль результата). При этом ведущая роль в процессе формирования самосохранительного поведения отводится мотивационно-ценностному компоненту, восприятию здоровья как экзистенциальной ценности. Материалы данной работы могут быть использованы для разработки памятки или чек-листа по самосохранительному поведению.

Ключевые слова: самосохранительное поведение, когнитивный компонент самосохранительного поведения, мотивационно-ценностный компонент самосохранительного поведения, поведенческий компонент самосохранительного поведения, рефлексивный компонент самосохранительного поведения

Для цитирования: Барахоева, Р. Б. Самосохранительное поведение: дефиниция и структура / Р. Б. Барахоева, Н. И. Скок. – DOI 10.31660/1993-1824-2024-1-9-21 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2024. – № 1. – С. 9–21.

Self-preservation behavior as a concept and its structure

Rumina B. Barahoeva*, Natalia I. Skok

Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia

*sasha.volkova.33@mail.ru

Abstract. Recent events have highlighted the unpreparedness of government authorities and population in many countries to overcome crisis situations associated with the spread of diseases. The main problems are related to the insufficient level of development of strategies and tactics of self-preservation behavior of citizens that determines the relevance of the study. The aim of the article is to study approaches to understanding self-preservation behavior as a concept and its structure. The authors of the article used methods of analysis, generalization, and synthesis when working with theoretical sources. They also used the method of comparative analysis when comparing approaches to understanding the concept of self-preservation behavior and its structure. The modeling method also found its application in this study. The analysis allows the authors to conclude that self-preservation behavior is an important and integral part of social behavior, it can be understood as a conscious behavior of the

individual, aimed at maintaining optimal parameters of biological, psychological, and social health, minimizing objectively existing threats and subjectively perceived risks. In the structure of self-preservation behavior one can conditionally distinguish cognitive (including self-assessment of health, goals, and attitudes), motivational-value, affective (motivation), behavioral (system of health-saving actions), and reflexive (result control) components. At the same time, the leading role in the formation of self-preservation behavior is assigned to the motivational-value component, the perception of health as an existential value. The results of this study can be used to develop a reminder or checklist on self-preservation behavior.

Keywords: self-preservation behavior, cognitive component of self-preservation behavior, motivational-value component of self-preservation behavior, behavioral component of self-preservation behavior, reflective component of self-preservation behavior

For citation: Barahoeva, R. B., & Skok, N. I. (2024). Self-preservation behavior as a concept and its structure. Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics, (1), pp. 9-21. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2024-1-9-21

Введение

Индивидуальное поведение в отношении здоровья всегда являлось важным предиктором восприимчивости человека к хроническим заболеваниям. К сожалению, в последние годы человечество столкнулось с рядом беспрецедентных в историческом масштабе угроз и вызовов (прежде всего, пандемией COVID-19), которые наглядно отображали неготовность национальных правительств к преодолению подобных вызовов. События последних лет позволяют сделать вывод, что ни одно государство оказалось не в состоянии противодействовать распространению заболевания, меры, принимаемые правительственными органами, на начальном этапе пандемии сводились преимущественно к изоляционным мерам и запретам, не пользовались популярностью у населения. Само население оказалось не подготовленным к распространению заболевания, продемонстрировало низкий уровень сформированности самосохранительного поведения (СП). Между тем, как отражают результаты исследований, вклад медицины, системы здравоохранения в качество здоровья составляет не более 8–10 %, наследственности и генетических рисков — 15–20 %, факторов и условий окружающей социокультурной среды — 20–25 %. В поддержание здоровья 50–55 % вносит непосредственно образ жизни человека, его действия, направленные на сохранение физического и психологического благосостояния, или, наоборот, отсутствие подобных действий, бездействие [1]. То есть 50 % или более состояния здоровья являются управляемыми [2], зависят непосредственно от поведения личности, от уровня сформированности самосохранительного поведения. События пандемии наглядно отображали, что в условиях распространения пандемии россияне (впрочем, не только они) переложили ответственность за выход из ситуации на государство, продемонстрировали недостаточный уровень сформированности стратегий самосохранительного поведения. В сложившейся ситуации формируется противоречие, обусловленное очевидной необходимостью повышения уровня сформированности СП на личностном, социальном, государственном уровнях с одной стороны и недостаточной изученностью указанного понятия, отсутствием единства в понимании практических путей формирования стратегией самосохранительного поведения с другой. Разрешение указанного противоречия обуславлива-

ет актуальность выбранной темы исследования. Цель публикации — выявление сущности самосохранительного поведения и его структуры.

Материалы и методы

Поиск автором теоретико-методологических основ изучения самосохранительного поведения потребовал, прежде всего, осуществления сбора и систематизации широкого круга работ, в которых раскрываются различные аспекты СП. Условно все указанные работы могут быть сведены к трем подходам.

1. В логике медицинского подхода СП используется как синоним здорового образа жизни.

2. В социальной психологии СП рассматривается как сочетание трех аспектов: акта принятия решения, стадийного процесса, деятельности.

3. В рамках данного исследования особый интерес представляет социолого-демографический подход.

К отобранным для изучения текстам применялись методы анализа, обобщения и синтеза. При сопоставлении подходов к пониманию сущности и структуры СП использовался сравнительный анализ. Кроме того, при выявлении структурной модели СП использовался метод моделирования.

Результаты и обсуждение

Самосохранительное поведение, дефиниция, сущность

Прежде всего, хотелось бы подчеркнуть, что высокая актуальность, значимость исследования особенностей формирования самосохранительного поведения обусловлена тем фактом, что именно от него во многом зависит сохранение здоровья, физического и творческого долголетия личности. К сожалению, на протяжении длительного времени роль личности в вопросах сохранения здоровья оставалась на периферии научного внимания, основная роль в вопросах здравоохранения перекладывалась на плечи государства, медицинских учреждений, социальных институтов, так или иначе связанных с формированием здорового образа жизни, пропагандой ценностей здоровья и здорового образа жизни (ЗОЖ).

В России, как и в большинстве социальных государств, была создана система доступного медицинского обслуживания, выступающая одним из важнейших достижений общества и государства. В то же время именно наличие этой системы привело к снижению уровня ответственности населения, каждого отдельного индивидуума за сохранность собственного здоровья, физического и творческого долголетия. В частности, многочисленные теоретические и эмпирические исследования, проведенные под руководством Г. В. Антонова, позволили ему сделать вывод, что в большинстве случаев данные опросов «отражают лишь распространенное среди подавляющего большинства населения современной России заблуждение, согласно которому о здоровье человека должен проявлять заботу кто угодно (государство, работодатель, система здравоохранения и т. д.), только не сам его обладатель» [3]. Население просто перекладывает ответственность за сохранность собственного здоровья на государство, «в результате

индивидуальный подход в отношении здоровья глубоко укоренился в сознании людей» [2]. Между тем, как отмечалось ранее, именно от поведения личности во многом зависит состояние здоровья, именно человек должен нести ответственность за сохранение собственного здоровья, что, разумеется, не снимает ответственности с государства и органов здравоохранения. Иными словами, на сегодняшний день в научном сообществе, в политическом дискурсе, в российском обществе становится очевидной необходимость повышения ответственности индивидуумов за сохранение собственного здоровья [4], формируется понимание того, что «среди факторов, оказывающих влияние на здоровье людей, самосохранительное поведение сегодня играет особую роль» [5].

Термин «самосохранительное поведение» стал использоваться в западноевропейской социологии и социологической демографии в начале 1970-х гг., когда он употреблялся в значении готовности личности к сохранению, сбережению собственной жизни и здоровья [6]. Исследования этого периода были ориентированы на поиски оптимальных решений, внутренней политики, нацеленной на формирование активной позиции граждан в процессах формирования СП. Таким образом, по словам О. Н. Образной, В. С. Подвальской, «в политике здравоохранения был осуществлен радикальный концептуальный переход от рассмотрения граждан как пассивных потребителей медицинских услуг к осознанию ими собственной активной позиции в создании условий, которые способствовали бы сохранению здоровья» [2].

В российскую социологическую науку концепция самосохранительного поведения была введена И. А. Антоновым, который использовал термин для «описания готовности личности к сохранению собственной жизни и здоровья» [7]. Широкое распространение термина пришлось на 80-е гг. прошлого столетия, когда был проведен ряд теоретических и эмпирических исследований под руководством А. И. Антонова, И. В. Журавлевой.

В отечественной литературе сегодня сформировалось три основных подхода к пониманию самосохранительного поведения [6].

1. В логике медицинского подхода учитываются исключительно действия, активность личности в отношении собственного здоровья [8], все иные личностные аспекты остаются за пределами внимания. Ключевым и единственным компонентом СП является медицинская активность, все остальные структурные компоненты рассматриваются как второстепенные, подчиненные ей. То есть в медицинском подходе «учитываются не мотивы и ценности самосохранения, а лишь сама здоровьесберегательная деятельность индивида» [9].

2. Социальная психология рассматривает СП как единство трех компонентов: акта принятия решения, стадийного процесса, деятельности. Иными словами, указанный подход рассматривает самосохранительное поведение исключительно как деятельность, направленную на обеспечение оптимального здоровья личности. Иные аспекты СП не рассматриваются.

3. В рамках данного исследования особый интерес представляет социолого-демографический подход.

СП рассматривается как демографический термин, объединяющий все действия человека, нацеленные на самосохранение в физическом, психологическом, социальном планах на протяжении всей жизни [3].

В трудах российских социологов СП определяется как «установки, действия индивида, направленные на сохранение здоровья, продление срока жизни, улучшение ее качества» [5; 6]. Указанное определение позволяет выделить в структуре СП мотивационный и деятельностный компоненты, отражает нацеленность поведения на сохранение здоровья.

СП может пониматься как «система действий и отношений индивида к своему здоровью», которая «позволяет охарактеризовать ценностно-мотивационную структуру личности и ценность здоровья в ней [10]; «систему действий и отношений, направленных на сохранение здоровья в течение полного жизненного цикла, на установку продления срока жизни в пределах этого цикла» [2; 9; 10]. Приведенные определения акцентируют внимание на высокой значимости мотивационно-ценностного компонента, под влиянием которого осуществляется выбор поведенческих паттернов, направленных на сохранение здоровья, физического и творческого долголетия.

Другие исследователи в качестве отличительной характеристики СП называют его осознанность: самосохранительное поведение — «поведение, направленное на сохранение и поддержание здоровья, а также ... комплекс сознательно совершаемых действий, обусловленных необходимостью сохранения наилучших параметров собственного здоровья и жизнедеятельности» [11; 12]. Иными словами, СП — не просто система действий, но система действий осознанных, направленных на сохранение здоровья, предполагающих целеполагание, планирование.

В работах С. А. Вангородской СП определяется как сознательная, осознанная деятельность, ориентированная на поддержание оптимальных параметров биологического, психологического, социального здоровья, минимизацию негативного влияния субъективно осознаваемых рисков [6]. То есть подчеркивается сознательность, осознанность выбора стратегий самосохранительного поведения, а также отдельно указано, что на психологическое здоровье личности могут влиять не только объективно существующие угрозы, риски, но и то, что таковым воспринимается личностью.

Другие исследователи определяют СП (действия, направленные на сохранение здоровья) как «вид социальной активности, проявление сознательности, целеполагание, предвосхищение результата, компетентность, энергичность и результативность» [13]. Указанное определение представляется важным, поскольку определяет СП, прежде всего, как социальную активность, выделяет в качестве отличительных характеристик ее сознательность, а также необходимость целеполагания, что позволяет выделить когнитивный компонент в структурной модели СП, компетентность традиционно имеет деятельностный характер, предполагает реализацию ряда определенных действий, направленных на сохранение здоровья, что позволяет выделить поведенческий компонент СП, выявление результативности предпринятых действий позволяет говорить о необходимости рефлексии, саморефлексии, рефлексивном компоненте структурной модели СП.

На основании анализа теоретических источников И. С. Шаповалова с соавторами представила собственную интерпретацию самосохранительного поведения, согласно которой СП — «это сознательная деятельность индивида, направленная на поддержание оптимальных параметров биологического, психологического и социального здоровья и минимизацию объективно существующих угроз и субъективно осознаваемых рисков» [10]. Указанная дефиниция позволяет выявить следующие важные аспекты самосохранительного поведения как научного понятия:

1) Осознанность поведения позволяет выделить, кроме мотивационно-ценностного и деятельностного, когнитивный компонент СП.

2) Приведенная дефиниция основывается на последних достижениях медицинских наук, в частности становлении биопсихосоциального подхода, который рассматривает личность как биологическую, психическую, социальную сущность, единство. Соответственно, высокий уровень сформированности умений и навыков самосохранительного поведения должен обеспечивать физическое, психическое благополучие личности в его взаимодействии с социумом.

3) На снижение уровня физического, психического благополучия влияние оказывают как объективно существующие угрозы и риски, так и те факторы, которые воспринимаются таковыми, то есть субъективные факторы, при этом сила негативного влияния последних на состояние личности может быть не меньшей, чем влияние объективных угроз.

Как отражает анализ теоретических источников, к сожалению, самосохранительное поведение как научное понятие остается малоизученным в современной научной литературе, свидетельством чего выступает отсутствие однозначности в понимании, интерпретации терминов, «терминологическая путаница», о которой говорилось выше. При этом можно сделать вывод, что СП выступает неотъемлемой частью общего социального поведения личности, представляет собой личностный конструкт, который пронизывает все уровни личностной структуры: «самосохранительное поведение по своей сути представляет собой результат воздействия сложной комбинаторики разнородных факторов, образующих конфигурации различных уровней и систем воздействия» [10].

Структура самосохранительного поведения

Принимая во внимание выявленные теоретические подходы к пониманию СП, на следующем этапе исследования представляется целесообразным выявить структуру исследуемого понятия. Необходимо подчеркнуть, что, как и в отношении понимания сущности СП, не существует в современной научной литературе единства в отношении выявления структурных компонентов личностного конструкта. Н. В. Яковлева выделяет следующие компоненты поведения, ориентированного на сохранение здоровья, долголетия: 1) мотивация; 2) самооценка; 3) установки на здоровьесбережение; 4) система действий, направленных на сохранение здоровья, физического и творческого долголетия; 5) контроль результата [14]. То есть основное значение в приведенной структурной модели СП отводится ценностно-мотивационной составляющей. Самооценка здоровья понимается как оценка индивидуумом своего физического и психического состояния [15].

Другие исследователи, в свою очередь, выделяют следующие компоненты структурной модели СП [12; 5]:

- когнитивный компонент: система знаний о здоровье, факторах, способных оказать позитивное или негативное влияние на него, а также система представлений о роли и значении здоровья в жизни человека;
- эмоциональный, аффективный компонент — совокупность чувств, эмоций, связанных с изменениями здоровья;
- мотивационно-поведенческий компонент — совокупность мотивов и действий, связанных с необходимостью сохранения, поддержания здоровья.

Приведенная структура во многом опирается на вышеуказанные дефиниции СП, учитывает выявленные отличительные характеристики самосохранительного поведения, включая осознанность, активность, восприятие здоровья как ценности и т. д. В то же время осознанность поведения, контроль результативности требуют применения навыков рефлексии, саморефлексии.

Соответственно, принимая во внимание выявленную сложность, комплексность самосохранительного поведения, структуру иных личностных конструктов, а также результаты анализа авторитетных теоретических источников, разработанные ранее структурные модели, в рамках данного исследования в структуре СП можно условно выделить следующие структурные компоненты [10; 11]: когнитивный, аффективный, поведенческий, рефлексивный.

1) Когнитивный — то есть система представлений о сущности здоровья [1], здорового образа жизни, современных здоровьесберегающих технологиях, средствах, методах поддержания, сохранения здоровья, физического и творческого долголетия. Как отмечают исследователи, «ответственность за здоровье обуславливается степенью информированности индивида в отношении здоровья» [15]. Уровень информированности о здоровье, грамотность в сфере здравоохранения, интерес к информации о здоровье, здоровом образе жизни — неотъемлемая составляющая самосохранительного поведения, что обуславливает необходимость включения когнитивного компонента в структурную модель СП.

Предметом информированности выступают знания о здоровье (методы первой помощи, противопоказанные лекарства, перенесенные заболевания, гигиеническая культура), о факторах риска для здоровья. Уровень информированности, сформированности когнитивного компонента определяет степень сознательности СП.

К когнитивному компоненту структурной модели СП, помимо уже указанных ранее знаний о состоянии здоровья, факторах, оказывающих на него влияние, могут быть отнесены самосохранительные установки.

2) Аффективный, мотивационно-ценностный — восприятие здоровья, здорового образа жизни как ценности, аксиологемы, мотивация к сохранению здоровья, ведению здорового образа жизни. Ряд исследователей подчеркивают, что именно аффективный, «мотивационно-ценностный компонент является стержневым в структуре механизма формирования самосохранительного поведения личности» [16]. Большинство ученых [8; 15; 17] считают, что основа самосохранительного поведения предстает как осознание значимости здоровья в ценностно-мотивационной структуре личности, что связано с оптимальным выполнением человеком социальных и профессиональных ролей в обществе.

По словам И. С. Вялова, объективное состояние здоровья связано с субъективным восприятием личностью этого состояния, подобное отношение, в свою очередь, «может формировать самосохранительные установки, к которым относится забота о своем здоровье и здоровье близких» [15]. То есть именно восприятие здоровья как самоценности способствует формированию самосохранительных установок, которые, как было выявлено ранее, выступают основой когнитивного компонента структурной модели самосохранительного поведения.

На ведущую роль мотивационно-ценностного компонента указывает ряд проведенных эмпирических исследований. В частности, по результатам исследования, проведенного А. В. Короленко, было выявлено, что «отсутствие здоровья в системе жизненных ценностей, низкая мотивированность на заботу о нем, пассивность в части применения мер самосохранения с большой долей вероятности способствуют закреплению в поведенческих паттернах населения деструктивных в отношении здоровья практик: употребления алкоголя, курения, неправильного питания и низкой физической активности». То есть отсутствие восприятия здоровья как ценности привело к отсутствию интереса к изучению теоретических аспектов сохранения здоровья, обусловило формирование ряда деструктивных поведенческих стратегий, снизило умения и навыки контроля, рефлексии состояния здоровья.

В структуре указанного компонента выделяется восприятие, интерпретация здоровья как ценность, мотивы, которые направляют самосохранительные действия личности [12].

3) Поведенческий — внешние проявления самосохранительного поведения, планы, решения, поведенческие паттерны. При этом важно отметить, что отдельные эмпирические исследования, проведенные ранее, позволяют сделать вывод, что именно указанный компонент, как правило, находится на наиболее низком уровне сформированности. В частности, результаты исследования, проведенного В. Я. Шкляруком, отражают, что «большинство рабочих на предприятиях понимают значимость сохранения здоровья как необходимое условие продления трудовой деятельности, но не склонны изменить девиантное поведение на самосохранительное» [16]. Необходимо подчеркнуть, что на высокую значимость поведенческого компонента, а также его взаимосвязь с когнитивным компонентом указывает «классическое» определение СП как «системы действий и системы установок личности, направленных на сохранение здоровья и продление жизни» [13].

К указанным действиям можно, прежде всего, отнести правильное питание, занятия физкультурой, особенности взаимодействия с медицинскими организациями, врачами, отсутствие вредных привычек, профилактику заболеваний [18].

4) Рефлексивный — адекватные навыки рефлексии, саморефлексии, которые помогают личности корректировать поведенческие паттерны в соответствии с результатами осмысления их успешности/неуспешности, эффективности/неэффективности. То есть приведенная структурная модель СП основывается на результатах проведенных ранее исследований, однако было решено дополнить ее рефлексивным компонентом.

Рефлексия представляет собой уникальное свойство личности, которым не наделяется ни одно другое живое существо, обеспечивающее «возможность формировать образы и смыслы жизни, действий, блокировать неэффективные из них» [19]; умение управлять собственной активностью в соответствии с системой аксиологических модулей, постоянно меняющимися условиями внешней среды.

Иными словами, адекватные навыки рефлексии/саморефлексии оказывают влияние на все остальные компоненты самосохранительного поведения: 1) на повышение осознанности в отношении наиболее эффективных здоровьесберегающих технологий в результате критического осмысления достигнутых результатов — когнитивный компонент СП; 2) лучшее осознание значимости, ценности здоровья на основании критического осмысле-

ния иных экзистенциальных аксиологем, выявления места здоровья в системе ценностей; 3) повышение осознанности и мотивации в результате рефлексии и саморефлексии сопровождается стремлением к выбору поведенческих стратегий, которые будут отвечать достижению цели сохранения здоровья, физического и творческого долголетия. Иными словами, включение рефлексивного компонента в структурную модель самосохранительного поведения обусловлено тесной взаимосвязью указанного компонента со всеми иными.

В структуре указанного компонента следует назвать оценку собственного здоровья, собственного образа жизни как соответствующего/несоответствующего сохранению здоровья, восприятие и оценивание обстоятельств, которые влияют на состояние здоровья, мешают вести здоровый образ жизни и т. д. [12]. То есть компоненты, формирование которых так или иначе связано с необходимостью рефлексии, саморефлексии.

Необходимо подчеркнуть, что представленная структура СП не противоречит подходам, разработанным ранее [14], однако при этом мотивация соотносится с аффективным компонентом, цели, установки, самооценка — с когнитивным, система здоровьесберегающих действий — с деятельностным, контроль результата — с рефлексивным. Иными словами, цели, установки на здоровьесбережение и самооценка здоровья объединены в когнитивный компонент СП. При этом содержание выявленных структурных компонентов шире, не ограничивается исключительно указанными качествами, характеристиками. Структурная модель СП представлена на рисунке.

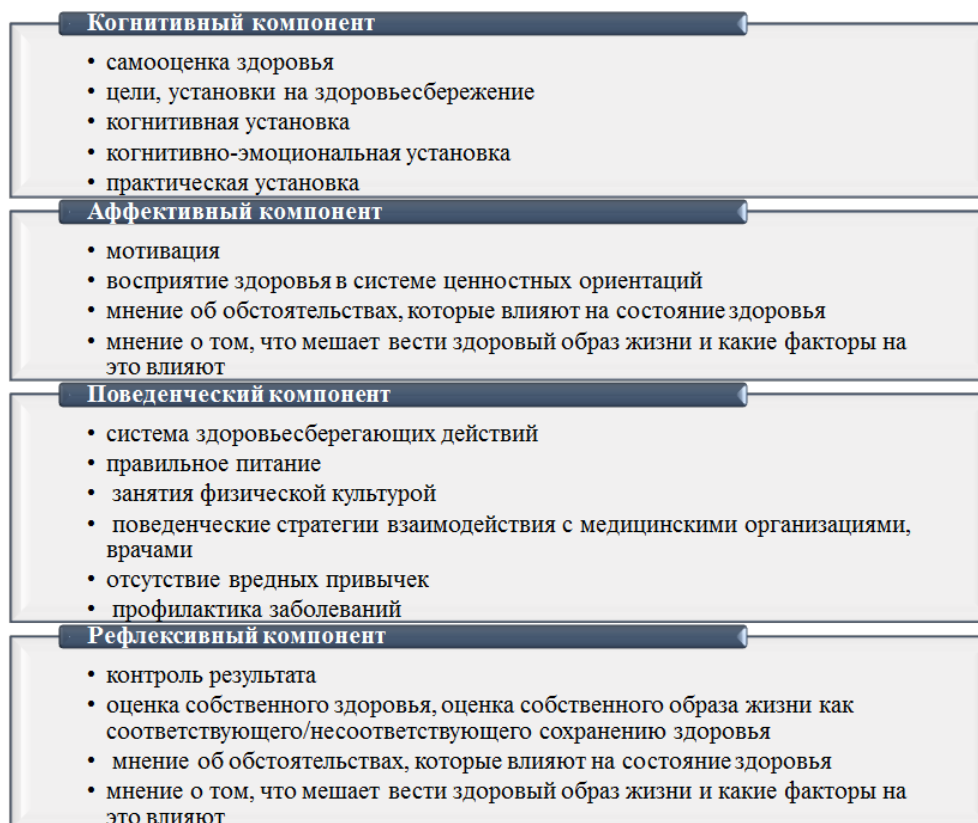


Рисунок. Структурная модель самосохранительного поведения

Разумеется, указанная структура выступает условной, осуществляется исключительно в академических целях, в действительности все указанные компоненты тесно взаимосвязаны, взаимообусловлены (в частности, выше была показана взаимосвязь между когнитивным, мотивационно-ценностным и поведенческим компонентами СП), самосохранительное здоровье выступает целостным личностным конструктом, от уровня сформированности которого во многом зависит физическое и творческое долголетие личности.

Выводы

Можно сделать вывод, что самосохранительное поведение является важной и неотъемлемой частью поведения любого человека, тесным образом связано с ценностями. СП может пониматься как сознательное поведение личности, нацеленное на сохранение и поддержание оптимальных параметров биологического, психологического, социального здоровья, минимизацию объективно существующих и субъективно воспринимаемых угроз, рисков. В структуре СП можно условно выделить когнитивный (включающий цели, установки), мотивационно-ценностный, аффективный (мотивация), поведенческий (система здоровьесберегающих, самосохранительных действий), рефлексивный (самооценка, контроль результата) компоненты. При этом ведущая роль в процессе формирования СП отводится мотивационно-ценностному компоненту, восприятию здоровья как экзистенциальной ценности.

Список источников

1. Алимпиева, А. В. О роли института образования в охране здоровья и формировании самосохранительного поведения детей и молодежи / А. В. Алимпиева. – Текст : непосредственный // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия : Филология, педагогика, психология. – 2010. – № 5. – С. 39–44.
2. Ображей, О. Н. Актуальность изучения самосохранительного поведения населения / О. Н. Ображей, В. С. Подвальская. – Текст : непосредственный // Социологический альманах. – 2010. – № 1. – С. 262–269.
3. Антонов, Г. В. Демографические установки населения и факторы их формирования / Г. В. Антонов. – Текст : непосредственный // Научный диалог. – 2013. – № 1 (13). – С. 133–153.
4. Статья Путина — «КП» : Строительство справедливости. Социальная политика для России. – Текст : электронный // Комсомольская правда : сайт. – 2012. – 13 фев. – URL: <https://www.kp.ru/daily/25833/2807793> (дата обращения: 20.08.2023).
5. Блинова, Т. В. Гендерные аспекты самосохранительного поведения студентов города Саратова в период пандемии COVID-19 / Т. В. Блинова, А. А. Вяльшина, И. А. Ножкина. – DOI 10.33396/1728-0869-2021-9-55-63. – Текст : непосредственный // Экология человека. – 2021. – № 9. – С. 55–63.

6. Попова, Л. А. Самосохранительное поведение населения : поколенческий аспект / Л. А. Попова, Т. В. Милаева, Е. Н. Зорина. – DOI 10.15838/esc.2021.5.77.15. – Текст : непосредственный // Экономические и социальные перемены : факты, тенденции, прогноз. – 2021. – Т. 14, № 5. – С. 261–276.
7. Социология семьи : учебник. Под редакцией А. И. Антонова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : ИНФРА-М, 2005. – 640 с. – Текст : непосредственный.
8. Лисицын, Ю. П. Медицина и гуманизм / Ю. П. Лисицын, А. М. Изуткин, И. Ф. Матюшин. – Москва : Медицина, 1984. – 278 с. – Текст : непосредственный.
9. Короленко, А. В. Модели самосохранительного поведения населения : подходы к изучению и опыт построения / А. В. Короленко. – DOI 10.15838/esc.2018.3.57.16. – Текст : непосредственный // Экономические и социальные перемены : факты, тенденции, прогноз. – 2018. – Т. 11, № 3. – С. 248–263.
10. Самосохранительное поведение россиян: диспозиции и риски / И. С. Шаповалова, С. А. Вангородская, О. Н. Полухин [и др.]. – DOI 10.32687/0869-866X-2020-28-1-44-51. – Текст : непосредственный // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2020. – № 28 (1). – С. 44–51.
11. Алимбиева, А. В. Самосохранительное поведение детей и молодежи : результаты диагностики / А. В. Алимбиева. – Текст : непосредственный // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2011. – № 4. – С. 76–83.
12. Миронова, Ю. Г. Особенности самосохранительного поведения современной студенческой молодежи / Ю. Г. Миронова. – Текст : непосредственный // Теория и практика общественного развития. – 2016. – № 6. – С. 48–51.
13. Краснова, П. С. Самосохранительное поведение молодежи (на примере студентов гуманитарных факультетов вузов) / П. С. Краснова. – Текст : непосредственный // Проблемы развития территории. – 2012. – № 3 (59). – С. 93–98.
14. Яковлева, Н. В. Исследование индивидуальных различий здоровьесберегающей деятельности личности / Н. В. Яковлева. – DOI 10.17759/exppsy.2015080317. – Текст : непосредственный // Экспериментальная психология. – 2015. – Т. 8, № 3. – С. 202–214.
15. Вялов, И. С. Особенности формирования и управления самосохранительным поведением студентов : на примере студентов Российского университета дружбы народов : специальность 22.00.08 «Социология управления» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Вялов Игорь Сергеевич. – Москва, 2011. – 25 с. – Место защиты : Российский университет дружбы народов. – Текст : непосредственный.
16. Шклярчук, В. Я. Формирование самосохранительного поведения в условиях перехода России к расширенному воспроизводству населения : специальность 22.00.03 «Экономическая социология и демография» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук / Шклярчук Василий Яковлевич. – Саратов. – 2013. – 36 с. – Место защиты : Саратовский государственный социально-экономический университет. – Текст : непосредственный.
17. Лисицын, Ю. П. Здоровье человека — социальная ценность / Ю. П. Лисицын, А. В. Сахно. – Москва : Мысль, 1988. – 270 с. – Текст : непосредственный.

18. Иванова, Л. Ю. Самоохранительное поведение и его гендерные особенности / Л. Ю. Иванова. – Текст : непосредственный // Россия реформирующаяся : ежегодник — 2005 / Под редакцией Л. М. Дробижевой. – Москва : Институт социологии РАН, 2006. – С. 110–133.

19. Дорофеева, Н. В. Рефлексивное развитие в познавательно-творческой активности дошкольников : монография / Н. В. Дорофеева. – Нижневартовск : Издательство Нижневартовского государственного гуманитарного университета, 2008. – 142 с. – Текст : непосредственный.

References

1. Alimpieva, A. V. (2010). On the role of education in health protection and the development of health behaviour by children and youth. Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology, (5), pp. 39-44. (In Russian).

2. Obrazhey, O. N., & Podvalskaya, V. S. (2010). Actual character of the study of people's self-protective behavior. Sociological almanac, (1), pp. 262-269. (In Russian).

3. Antonov, G. V. (2013). Demographic attitudes of the population and factors of their formation. Nauchnyi dialog, (1(13)), pp. 133-153. (In Russian).

4. Stat'ya Putina - "KP": Stroitel'stvo spravedlivosti. Sotsial'naya politika dlya Rossii (2012). (In Russian). Available at : <https://www.kp.ru/daily/25833/2807793>

5. Blinova, T. V., Vyalshina, A. A., & Nozhkina, I. A. (2021). Gender variations in self-preserving behavior during the COVID-19 pandemic among the students in Saratov. Human Ecology, (9), pp. 55-63. (In Russian). DOI: 10.33396/1728-0869-2021-9-55-63

6. Popova, L. A., Milaeva, T. V., & Zorina, E. N. (2021). Self-preservation behavior: generational aspect. Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast, 14(5), pp. 261-276. (In Russian). DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.15

7. Antonov, A. I. (Ed) (2005). Sotsiologiya sem'i: uchebник, 2nd ed. Moscow, INFRA-M Publ., 640 p. (In Russian).

8. Lisitsyn, Yu. P., Izutkin, A. M., & Matyushin, I. F. (1984). Meditsina i gumanizm. Moscow, Meditsina Publ., 278 p. (In Russian).

9. Korolenko, A. V. (2018). Patterns of population's self-preservation behavior: research approaches and building experience. Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast, 11(3), pp. 248-263. (In Russian). DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.16

10. Shapovalova, I. S., Vangorodskaya, S. A., Polukhin, O. N., Peresyarkin, A. P., & Kisilenko, A. V. (2020). The Self-preservation behavior of Russians: dispositions and risks. Problems of social hygiene, public health and history of medicine, Russian journal, (28(1)), pp. 44-51. (In Russian). DOI: 10.32687/0869-866X-2020-28-1-44-51

11. Alimpieva, A. V. (2011). Healthy lifestyle behaviour in children and youth: diagnostics results. Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University (4), pp. 76-83. (In Russian).

12. Mironova, Yu. G. (2016). The features of self-preservation behavior of modern students. Theory and practice of social development, (6), pp. 48-51. (In Russian).

13. Krasnova, P. S. (2012). Self-preservation behavior of the youth (the case of the students attending the humanities departments of higher educational establishments). *Problems of territory's development*, (3(59)), pp. 93-98. (In Russian).
14. Yakovleva, N. V. (2015). The study of individual differences in health-activity of the person. *Experimental psychology*, (8(3)), pp. 202-214. (In Russian). DOI: 10.17759/exppsy.2015080317
15. Vyalov, I. S. (2011). *Osobennosti formirovaniya i upravleniya samosokhranitel'nym povedeniem studentov : na primere studentov Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Avtoref. diss. ... kand. sotsiol. nauk. Moscow, 25 p.* (In Russian).
16. Shklyaruk, V. Ya. (2013). *Formirovanie samosokhranitel'nogo povedeniya v uslovi-yakh perekhoda Rossii k rasshirennomu vosproizvodstvu naseleniya. Avtoref. diss. ... dokt. sotsiol. nauk. Saratov, 36 p.* (In Russian).
17. Lisitsyn, Yu. P., & Sakhno, A. V. (1988). *Zdorov'e cheloveka - sotsial'naya tsennost'. Moscow, Mysl' Publ., 270 p.* (In Russian).
18. Ivanova, L. Yu. (2006). *Samosokhranitel'noe povedenie i ego gendernye osobennosti. Rossiya reformiruyushchayasya: ezhegodnik - 2005. Moscow, Institut sociologii RAN Publ., pp. 110-133.* (In Russian).
19. Dorofeeva, N. V. (2008). *Refleksivnoe razvitie v poznavatel'no-tvorcheskoy aktivnosti doshkol'nikov. Nizhnevartovsk. Nizhnevartovsk State University Publ., 142 p.* (In Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Барахоева Румина Беслановна, аспирант кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, sasha.volkova.33@mail.ru

Скок Наталья Ивановна, доктор социологических наук, профессор кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень

Rumina B. Barahoeva, Postgraduate at the Department of Marketing and Government Administration, Industrial University of Tyumen, sasha.volkova.33@mail.ru

Natalia I. Skok, Doctor of Sociology, Professor at the Department of Marketing and Government Administration, Industrial University of Tyumen

Статья поступила в редакцию 22.01.2024; одобрена после рецензирования 14.02.2024; принята к публикации 06.03.2024.

The article was submitted 22.01.2024; approved after reviewing 14.02.2024; accepted for publication 06.03.2024.

УДК 316.354

DOI: 10.31660/1993-1824-2024-1-22-38

Взаимодействие университета с промышленными партнерами в целях развития инженерного образования

В. И. Берг*, В. О. Довбыш, А. Л. Пимнев

Тюменский промышленный университет, Тюмень, Россия

**bergvi@tyuiu.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу практик и подходов по реализации моделей опережающей инженерной подготовки в отечественных и зарубежных образовательных организациях, а также разработке проектно-ориентированной системы опережающей инженерной подготовки для регионального университета. По результатам проведенного исследования были раскрыты и обобщены методологические принципы организации опережающей инженерной подготовки в высших учебных заведениях посредством выстраивания форматов взаимодействия обучающихся, преподавателей университета, а также специалистов и экспертов со стороны промышленного партнера. Проведенный анализ источников позволил сформулировать теоретические выводы и разработать практические рекомендации по внедрению системы опережающей инженерной подготовки, основанной на актуальных подходах и практиках в области образования. Обосновано, что свойство «опережения» в образовании и эффективная подготовка инженеров под перспективный рынок труда возможны через интеграцию промышленных партнеров и их участие в образовательном процессе. В статье обоснована и предложена модель опережающей инженерной подготовки, новизна и эффективность которой обусловлены интеграцией промышленных партнеров и их активным участием во всех этапах жизненного цикла образовательного процесса, предоставлением реальной возможности индивидуализации и осознанной профилизации обучающихся на основе деятельностного подхода, качественной трансформацией ролей ряда ключевых участников образовательного процесса (преподавателей, обучающихся, представителей промышленных партнеров), воплощением нового механизма логичной взаимосвязи основных для университета направлений деятельности (учебной, исследовательской и инновационной).

Ключевые слова: развитие университета, опережающая инженерная подготовка, межорганизационное взаимодействие, образовательная модель, высшее образование

Для цитирования: Берг, В. И. Взаимодействие университета с промышленными партнерами в целях развития инженерного образования / В. И. Берг, В. О. Довбыш, А. Л. Пимнев. – DOI 10.31660/1993-1824-2024-1-22-38 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2024. – № 1. – С. 22–38.

Development of engineering education through collaboration between an university and industrial partners

Vladimir I. Berg*, Vadim O. Dovbysh, Alexey L. Pimnev

Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia

**bergvi@tyuiu.ru*

Abstract. The article analyses practices and approaches to implementing advanced engineering education models in domestic and foreign educational organizations. It focuses on the development of universities, advanced engineering education, cooperation between organizations, and the project-based system of advanced engineering education. The methodological principles of organization of advanced engineering education in universities were presented and summarized through the development of formats of cooperation between students, university teachers, as well as specialists and experts from industrial partners. An analysis of the sources allowed the au-

thors of the article to formulate theoretical conclusions and develop practical recommendations for the realization of an advanced engineering education system based on current approaches and practices. It is substantiated that the characterization of "advance" in education and effective teaching of engineers for promising markets is possible through the integration of industrial partners in the educational process. The article proposes a model for advanced engineering education. The model's novelty and effectiveness are based on several factors. Firstly, the integration of industrial partners and their participation in all stages of the educational process. Secondly, the provision of a real opportunity for individualization and conscious profiling of students based on the active learning approach. Thirdly, the transformation of roles of a number of key participants of the educational process, including students, teachers, and specialists from industrial partners. Finally, the implementation of a new mechanism of interconnection of the university's main activities, including educational, research, and innovation.

Keywords: university development, advanced engineering education, collaboration between organizations, model of education, higher education

For citation: Berg, V. I., Dovbysh, V. O., & Pimnev, A. L. (2024). Development of engineering education through collaboration between an university and industrial partners. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, (1), pp. 22-38. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2024-1-22-38

Введение

С целью развития инженерного образования на государственном уровне реализуются инициативы по выстраиванию взаимодействий нового типа между вузами и технологическими компаниями для совместного проектирования и реализации передового образования. Основываясь на инициативах («Передовые инженерные школы» [1], «Вузы как центры пространства создания инноваций» [2] и др.), можно сделать вывод, что существует сформированный запрос со стороны государства на практико-ориентированное инженерное образование с участием представителей реального сектора экономики.

В то же время работодатели из числа высокотехнологичных предприятий, проектных и научных организаций отмечают недостаточный уровень профессиональных компетенций выпускников по инженерным направлениям подготовки. Одной из корневых причин, обуславливающих данную проблему, является концентрация усилий на развитии разнообразных форматов магистерских программ и недостаточная вовлеченность представителей реального сектора экономики при реализации практико-ориентированной составляющей на этапах специалитета и бакалавриата, не говоря уже о совместной научно-исследовательской и проектной деятельности с обучающимися. Безусловно, факт высокой трудоемкости совместной деятельности инженеров-практиков и обучающихся с низким уровнем профессиональных компетенций является существенным барьером для организации эффективного образовательного процесса. С другой стороны, отсутствие заблаговременной работы приводит к распространенной ситуации, когда на флагманские инженерные программы магистратуры под патронажем высокотехнологичной компании не всегда есть возможность реализовать отбор претендентов по причине несоответствия входным требованиям программы.

Анализируя тенденции развития опережающей инженерной подготовки, нельзя не согласиться с позицией, что современное образование представляет собой механизм, в основе которого находится принцип трансляции зачастую устаревших знаний, умений и навыков. Современное образование должно быть ориентировано на перспектив-

ный рынок труда и включать в себя актуальные и прогностические знания и умения, которые способствуют осознанному подходу обучающихся к выбору профессионального профиля. Образование должно перестать выполнять функцию передачи устаревшей научной и технической информации обучающимся и трансформироваться в современный механизм устойчивого развития отрасли. Структура существующей системы образования, даже при значительном финансировании и пристальном к ней внимании, не в состоянии обеспечить устойчивое развитие в силу ее модернизационно-парадигмальной недостаточности [3].

На основе результатов исследований, связанных с опережающей инженерной подготовкой, в работе М. В. Усынина [4] сформулированы выводы, обосновывающие важность разработки актуальных образовательных моделей опережающей подготовки.

1) Одной из ключевых характеристик системы образования будущего будет свойство «опережения».

2) Современное состояние индустриальных областей общества формирует потребность перехода к более гибким и динамичным образовательным моделям, открытым для изменений. Такие модели, по большей части, должны быть ориентированы на объединение научных и образовательных форм знаний.

3) Университетам необходимо выстраивать процесс разработки и реализации программ опережающей подготовки с участием индустриальных партнеров.

4) Модели опережающего образования обеспечивают готовность обучающихся к «бесшовному» переходу к профессиональной деятельности в условиях неопределенности и ограниченности ресурсов, а также высоких темпов технологического развития. Такой подход позволяет выпускнику гарантировать свою востребованность на постоянно изменяющемся рынке труда.

5) Для обеспечения достаточного уровня готовности выпускника университета к профессиональной деятельности, сводящего к минимуму срок профессиональной адаптации, необходимо установить требуемый уровень его теоретической подготовки (инженерное ядро) и уровень его готовности к выполнению практических задач.

В работе М. В. Усынина сформулирован ряд важных методологических определений: «опережающая профессиональная подготовка — это преодоление замкнутости образовательного пространства путем реализации программ обучения на основе обсуждаемых новаций, что позволит обрести способность и готовность к полноценной профессиональной жизни в условиях высоких темпов обновления оснований организации труда, социальной и профессиональной динамики и гарантировать постоянную востребованность выпускника на рынке труда»; «процесс опережающей профессиональной подготовки — это совокупность последовательных и взаимосвязанных действий педагогов и обучающихся от начала обучения до окончания первичной профессиональной адаптации, направленных на сознательное и прочное усвоение системы знаний, навыков и умений, формирование профессиональных компетенций и профессионально значимых свойств личности бакалавров путем перевода педагогической системы в состояние опережающего развития»; «педагогическое управление процессом опережающей профессиональной подготовки бакалавров — это целенаправленное воздействие руководителя и органов управления на менеджеров структурных и функциональных подразделений, педагогов, обучающихся для

координации их деятельности по выполнению социального заказа и потребностей выпускников в качественном образовании путем перевода педагогической системы в состояние опережающего развития» [4].

Эффективная подготовка инженерных кадров для перспективного развития региона с учетом современного технологического развития отраслей промышленности требует выстроенного взаимодействия образования, науки и производства, что является достаточно сложной формой учебного процесса как в организационном, так и в методологическом плане. Для реализации такой формы учебного процесса необходимо объединить интересы университета и индустриального партнера, а также адаптировать образовательный процесс под практические запросы индустрии [5].

Одним из примеров активного участия индустриального сектора в подготовке кадров может служить реализованная инициатива «Лига вузов» компании «Газпром нефть», в результате которой компания совместно с вузами запускает работу научно-образовательных центров, лабораторий, программ магистратуры. Ректор корпоративного университета «Газпром нефти» отмечает: «"Лига вузов" — беспрецедентный для российского образовательного пространства проект, которым мы открываем новую страницу сотрудничества между вузами-партнерами и компанией. Мы переходим от режима работы заказчик — исполнитель к стратегическому партнерству» [6].

Независимо от направления и профиля подготовки обучающийся, получивший высшее техническое образование, должен [7]:

- 1) сформировать устойчивые фундаментальные знания в области естественных наук, которые лягут в основу будущей профессиональной деятельности;
- 2) получить базовый опыт проектирования и эксплуатации высокотехнологичной продукции;
- 3) освоить компетенции личной эффективности и коммуникации.

Для построения модели опережающей инженерно-технической подготовки кадров для современной индустрии необходима разработка базовых методологических основ и применение принципов опережающего образования, системности и практико-ориентированности. Помимо перечисленных факторов, значительным элементом рассматриваемой модели должна стать система взаимодействия инженерного образования и реального сектора экономики в наиболее широком понимании этого процесса [8].

При формировании компетентностной модели современного инженера необходимо учитывать особенности его будущей профессиональной деятельности в условиях постоянно меняющихся науки, технологий и производства. В компетентностную модель необходимо закладывать навыки применения актуальных научных методов и информационных технологий, а также основы экономической грамотности и управления производством. Кроме этого, важной компетентностной составляющей современного инженера является его способность разрабатывать, внедрять и оценивать эффективность инноваций [9].

Для удовлетворения запроса, формируемого со стороны индустрии, перед системой образования ставятся задачи по подготовке выпускников инженерно-технических университетов, готовых решать актуальные проблемы отрасли, генерировать новые знания и управлять инновационным развитием предприятия. Опережающая подготовка в таких условиях становится эффективным образовательным инструментом, который позволяет:

- формировать и постоянно актуализировать среднесрочную и долгосрочную потребность отрасли в кадровом обеспечении;
- включиться в работу над актуальными задачами/проблемами индустрии, используя и развивая потенциал университета;
- разрабатывать и внедрять методы эффективного взаимодействия государства, индустрии и образовательных учреждений в процессе формирования кадрового потенциала региона в частности и страны в целом;
- апробировать и внедрять современные образовательные технологии, программное обеспечение и информационные системы;
- организовывать эффективное взаимодействие с индустриальными партнерами по повышению качества прохождения производственных практик обучающимися;
- создать условия для развития профессиональных компетенций профессорско-преподавательского состава университета, через активное включение их в исследовательскую, научную и педагогическую деятельность в кооперации с индустрией [9].

По результатам проведенного анализа моделей опережающей подготовки выделяются три основных типа [10]. В модели № 1 (США и Великобритания) образовательные организации имеют большую степень свободы в части формирования образовательных программ, используя консультационную поддержку профессиональных ассоциаций, а также учитывают компетенции, запрашиваемые работодателем. Модель № 2 представлена опытом Испании, где государство оказывает значительное влияние на формирование образовательных моделей, актуализация и адаптация которых осуществляется через систему дополнительного образования. Опережающая подготовка в Чили (модель № 3) представлена кластерной системой, где сформирован симбиоз государственных программ, предприятий, образовательных учреждений и отраслевого совета по компетенциям. В модели Чили предусмотрен постоянный мониторинг изменений в компетенциях и на его основе дополнение стандартных образовательных программ актуальными модулями. При проектировании модели опережающей подготовки в Тюменском индустриальном университете (ТИУ) использовалась консультационная поддержка компаний — индустриальных партнеров университета.

Важной составляющей успешной реализации моделей опережающей подготовки является непрерывная работа по определению текущих и перспективных компетенций. В работе [11] представлен опыт определения текущих и перспективных компетенций таких стран, как Испания, Австрия, Великобритания, Ирландия, США. Зарубежным практикам свойственны следующие основные характеристики:

- анализ востребованных профессий и обзор необходимых для них компетенций;
- опрос большого количества предприятий и использование сервисов для отслеживания динамики изменения компетенций;
- образование и производство совместно занимаются актуализацией образовательных программ;

- функционирование экспертных групп по прогнозированию компетенций будущего;
- реализация коротких образовательных программ через частные образовательные центры и организации;
- ведение информационных баз по востребованным и перспективным профессиям, технологиям и компетенциям.

Элементы зарубежных практик нашли свое отражение в разработанной модели опережающей подготовки ТИУ через актуализацию образовательных программ совместно с экспертами от производства и реализацию программ профессиональной переподготовки через систему дополнительного образования в университете.

В исследовании В. Г. Лысенко [12] предлагаются следующие парадигмы идеи «опережения»:

- 1) университеты при разработке образовательных программ должны учитывать развитие и перспективные потребности производства;
- 2) образовательные организации регионального уровня должны быть ориентированы на обеспечение социально-экономического развития региона;
- 3) формирование запроса у обучающихся и преподавателей на саморазвитие и профессиональную компетентность;
- 4) развитие экосистемы востребованных и динамично актуализируемых образовательных программ, ориентированных на запрос индустрии.

В рамках создания передовой инженерной школы «Цифровой инжиниринг» (ЦИ) Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (СПбПУ) ставит своей целью «создание нового типа инженерной подготовки в интересах высокотехнологичных компаний России за счет цифровой трансформации образовательных подходов и технологий, включающей разработку новых образовательных программ высшего образования и дополнительных образовательных программ на основе выполнения прорывных научно-технологических разработок и обеспечивающих их исследований, направленных на решение актуальных фронтальных инженерных задач для высокотехнологичной промышленности России» [13].

В передовой инженерной школе Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана (МГТУ) формируется уникальная образовательная модель, основанная на интеграции образования, производства и научно-исследовательской деятельности обучающихся и нацеленная на подготовку кадров для решения прорывных задач отрасли [14]. Одной из основных задач передовой школы является формирование портфеля образовательных программ для опережающей подготовки высококвалифицированных инженерных кадров. Ряд результатов совместной работы передовых инженерных школ (ПИШ) и промышленных партнеров был представлен на международном форуме в октябре 2023 года. Индустриальными партнерами было отмечено, что ПИШ помогают в решении задач по внедрению системного инжиниринга в бизнес-процессы, развитию компаний в вопросах совершенствования производственных процессов и комплексной подготовки кадров, разработке решений в области водородной энергетики и др. [15].

Кроме того, при проектировании системы опережающей инженерной подготовки необходимо учитывать процессы трансформации высшего образования, реализуемые в настоящее время в России. Так, глава министерства науки и высшего образования РФ В. Н. Фальков считает целесообразным замену бакалавриата на базовое/основное высшее образование и замену формата магистратуры на специализированное высшее образование. Со слов министра, базовая ступень предполагает реализацию междисциплинарного подхода. «В новой системе высшего образования предлагается вместо бакалавриата и специалитета ввести базовое (или основное) высшее образование, подготовку специалистов со сроками обучения 4–6 лет, специализированное высшее образование: магистратура со сроком 1–2 года, ординатура, ассистентура-стажировка. Также будет предусмотрена аспирантура (адъюнктура)» [16].

Также министр науки и высшего образования В. Н. Фальков в своем докладе на втором томском форуме «Преобразование образования» обозначил, что в новой национальной системе высшего образования должно быть два типа образовательных программ — массовый (95–98 % вузов и образовательных программ под текущие потребности рынка труда) и небольшая часть вузов в особом режиме (под перспективные потребности рынка труда). Ведущие университеты должны ставить перед собой задачу подготовки специалистов под перспективный рынок труда, то есть под тот рынок труда, который сформируется через 5–10 лет. По словам министра, для этого вузам нужна автономность, ресурсное обеспечение и связи с компаниями — лидерами рынка труда [17].

Таким образом, цель работы заключается в изучении практик и подходов к внедрению опережающей инженерной подготовки и формированию проектно-ориентированной системы опережающей инженерной подготовки для регионального университета.

Задачи исследования: проанализировать предпосылки и перспективы развития опережающей инженерной подготовки в вузах России; исследовать теоретические представления и практический опыт университетов по внедрению моделей опережающей подготовки в образовательный процесс; предложить модель системы инженерной подготовки под перспективные потребности рынка труда на основе взаимодействия с индустриальными партнерами университета.

Материалы и методы

В соответствии с поставленной целью и сформированными задачами в работе осуществлялась обработка и анализ качественной и количественной информации, собранной посредством изучения методических и научных материалов по формированию, реализации и развитию практик и подходов к внедрению систем опережающей инженерной подготовки в отечественных и зарубежных образовательных организациях, сравнение и обобщение методов вовлечения представителей реального сектора экономики в проектирование и реализацию систем опережающей инженерной подготовки, формирование потребностей для выявления направлений развития практико-ориентированной составляющей инженерных образовательных программ.

Результаты и обсуждение

Площадкой для реализации системы опережающей инженерной подготовки стала инициатива по созданию на базе Тюменского индустриального университета образовательного гринфилда — Высшей инженерной школы Engineering Generation (далее — ВИШ EG), цель которой заключалась в реализации опережающей подготовки кадров для топливно-энергетического комплекса региона. В основе системы опережающей инженерной подготовки на базе ВИШ EG был реализован запрос на прогнозно-опережающую инженерную подготовку по отношению к динамично меняющимся технологиям и производственным процессам, где обучающимся необходимо создавать условия, обеспечивающие получение знаний и профессиональных навыков, востребованных рынком труда после завершения образования. В связи с чем была разработана новая модель и принципы взаимодействия с индустриальными партнерами вуза, при которых образовательные программы получают дополнительную возможность трансформировать свое содержание в аспекте практико-ориентированной составляющей.

Разработанная система опережающей инженерной подготовки включает в себя реализацию новых подходов и практик в области образования, выстраивая при этом комплементарные связи между инженерными программами специалитета, бакалавриата, инновационными проектно-ориентированными программами дополнительного профессионального образования (ДПО) для старших курсов первой ступени высшего образования, портфелем корпоративных программ магистратуры во взаимодействии с индустриальными партнерами и реализацией прикладных исследований.

Для того чтобы обеспечить функционирование системы опережающей инженерной подготовки, предполагается совместное участие университета и его индустриальных партнеров в проектировании и реализации процессов образования, исследований и разработок. Спецификой при реализации каждого процесса является воплощение проектно-ориентированного подхода.

При реализации опережающей инженерной подготовки был взят ориентир на включение в образовательный процесс на уровне бакалавриата, специалитета и магистратуры индустриальной специфики за счет следующего:

- привлечения индустриальных партнеров на всех этапах образовательного процесса;
- формирования и актуализации компетентностной модели обучающегося при участии представителей индустриальных партнеров;
- применения проектно-ориентированных методов в образовательном процессе;
- повышения профессиональных компетенций профессорско-преподавательского состава университета и развития преподавательских компетенций среди действующих инженеров за счет активного взаимодействия с индустрией при проектировании и реализации образовательного процесса;
- разработки инновационных инженерных решений в соответствии с актуальной индустриальной повесткой.

Актуальность программ для будущих инженеров поддерживается за счет ориентации на задачи/проблемы и технологические вызовы стейкхолдеров, взаимодействия университетских сотрудников и представителей индустриальных партнеров с целью совместной разработки и реализации образовательных программ. Ключевым ресурсом реализации целевой модели ВИШ EG является совместный интеллектуальный капитал университета и организаций-партнеров, обеспечивающий формирование новых знаний и технологий, соответствующих нынешним и предстоящим потребностям топливно-энергетического комплекса. Особое место занимает непрерывная коммуникация всех участников образовательного процесса на этапах проектирования и реализации инженерной подготовки с систематической верификацией промежуточных и итоговых результатов обучения.

Проектирование образовательных программ осуществляется совместными усилиями, где актуальные технологические вызовы и исследовательская повестка со стороны индустрии определяют контекст и результаты проектной деятельности, что в свою очередь на постоянной основе формирует запрос на изменения структуры и содержания дисциплинарного плана в его профильной части. Представители индустриальных партнеров (эксперты, инженеры, молодые специалисты) выступают в роли экспертов, преподавателей, наставников, модераторов в соответствии с производственным опытом и профессиональными компетенциями. Так как обучающиеся, начиная с первого курса, имеют возможность погрузиться и поработать с проблематиками индустрии, при этом получив необходимую поддержку со стороны преподавателя-практика, они становятся востребованными на рынке труда высокотехнологичных компаний. На первых курсах обучения для студентов бакалавриата/специалитета индустриальный партнер организует практики и стажировки, а начиная с третьего курса — предоставляет место работы с частичной занятостью. Важным аспектом инженерной подготовки выступает то, что стажировки и трудоустройство являются механизмом для развития проектов обучающихся и решения актуальных проблем компании.

В рамках реализации опережающей инженерной подготовки апробирована уникальная модель проектной деятельности обучающихся, предусматривающая предоставление реальной возможности индивидуализации и осознанной профилизации обучающихся на основе деятельностного подхода и непосредственного участия отраслевых специалистов в проектировании и реализации образовательной деятельности. Также выделена особая роль преподавателя, который вступает в роль партнера и наставника, осуществляющего методологическое сопровождение обучающихся, проходящего с ними через проработку инженерных задач и актуальных проблем индустрии, требующих новых решений [18]. Реализованные практики и подходы в проектно-ориентированном обучении получили широкое распространение и нашли применение в работе ИОТ-консорциума вузов в проекте развития «Индивидуализация в инженерном образовании с применением проектного обучения», где основной целью является разработка моделей и инструментария для проектного обучения при подготовке инженеров.

Вовлечение представителей индустриальных партнеров — задача, которая требует отдельного внимания. Специфика образовательного процесса в университете, в частности на уровне бакалавриата и специалитета, отсутствие опыта преподавательской

деятельности у отраслевых специалистов, ограниченность временного ресурса у специалистов и ряд других факторов являются существенным препятствием для привлечения представителей индустриального сектора в процесс подготовки инженеров. В связи с чем для уровней бакалавриата и специалитета, начиная с первого курса обучения, были проработаны и реализованы варианты проектно-ориентированного взаимодействия с представителями индустрии, предусматривающие возможность частичного и/или поэтапного включения их в образовательную деятельность с разной степенью вовлеченности (рис. 1).

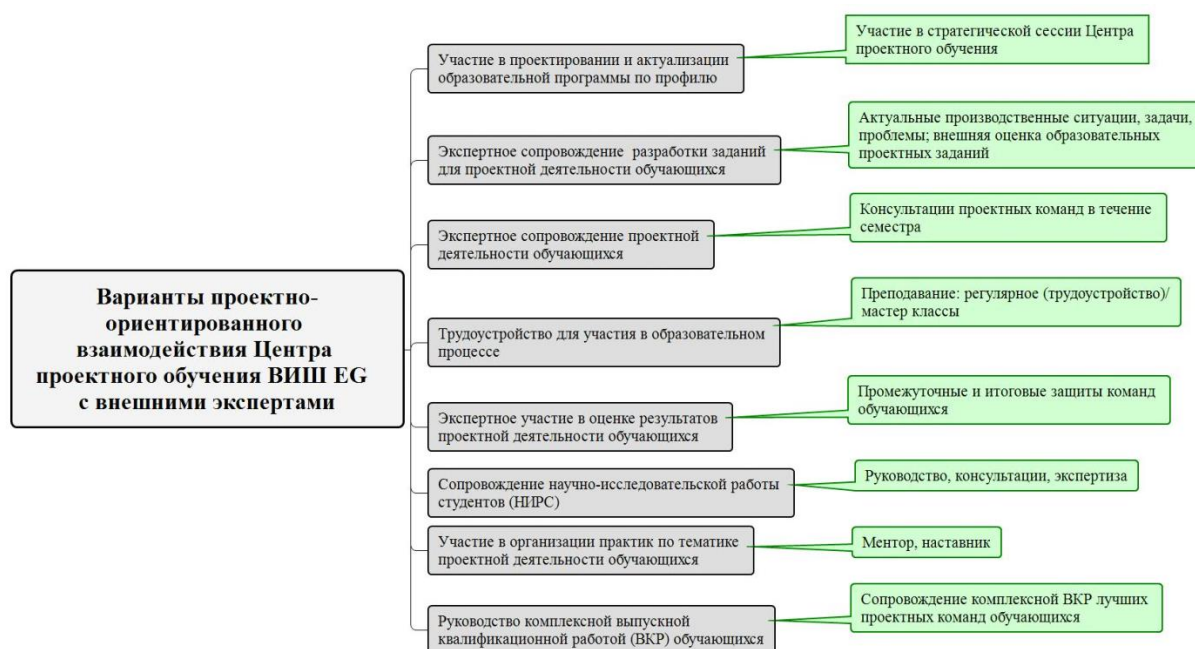


Рис. 1. Схема проектно-ориентированного взаимодействия с представителями индустриальных партнеров в рамках развития образовательного процесса

Ориентация на цель и задачи системы опережающей инженерной подготовки обусловила внедрение инновационной образовательной практики в виде уникальной модели проектно-ориентированных образовательных программ ДПО Honors Track. В основе каждой программы лежит разработка наиболее мотивированными и талантливыми обучающимися старших курсов бакалавриата и специалитета инновационных проектов в кооперации со специалистами и экспертами индустриальных партнеров в соответствии с актуальными технологическими задачами нефтегазовой отрасли. Программы ориентированы на талантливых и амбициозных обучающихся, прошедших дополнительный конкурсный отбор, находящихся на старших курсах бакалавриата и специалитета (3–5 курс). Конкурсный отбор позволяет провести комплексную оценку кандидатов в программы и выявить среди них наиболее мотивированных на развитие молодых людей, обладающих потенциалом к решению сложных и неординарных технологических задач нефтегазовой отрасли в формате командной проектной работы.

Цель программ — подготовка высококвалифицированных, востребованных инженеров, ориентированных и способных на командную проектную работу над актуальными наукоемкими прикладными задачами технологической повестки нефтегазовой индустрии.

Образовательный процесс выстроен вокруг разработки инновационных проектов, ориентированных на актуальные потребности и задачи нефтегазового сектора. Обучающиеся формируют междисциплинарные проектные команды составом от трех до пяти человек и разрабатывают инновационные решения в кооперации со специалистами и экспертами индустриальных партнеров и профессорско-преподавательским составом университета. Апробация результатов проектной деятельности осуществляется на систематической основе перед внутренними и внешними экспертами программы, а также на инженерных конкурсах, научных и отраслевых конференциях, грантовых конкурсах и т. д. Так, помимо образовательных модулей, каждый из которых формирует базу для реализации проектов, каждая программа включает в себя обязательную стажировку в компании индустриального партнера, сопровождающего работу проектной команды обучающихся. Также на протяжении обучения в программе командам устанавливаются показатели эффективности проекта, которые фиксируются в дорожной карте.

Значимым элементом программ Honors Track является взаимосвязь проектной деятельности обучающихся и текущей проектной деятельности индустриальных партнеров (рис. 2). Помимо реализации исследований и проектов с последующим трудоустройством, командам предоставляется возможность запуска самостоятельного наукоемкого инновационного проекта и открытия компании.

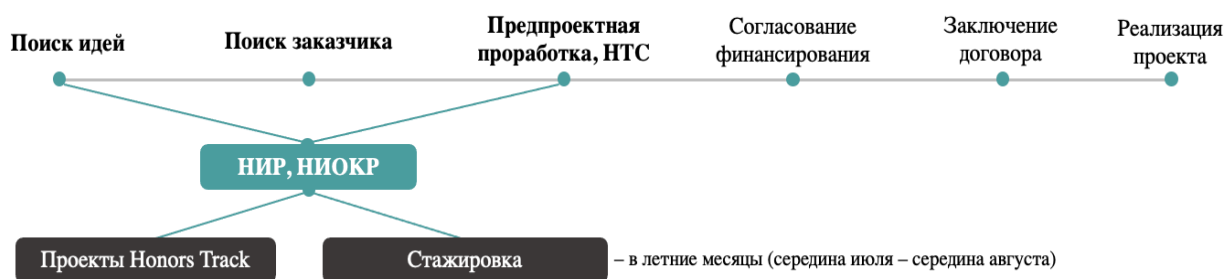


Рис. 2. Соотнесение программ Honors Track с проектной деятельностью индустриальных партнеров

Следующей ступенью образования и одним из элементов опережающей инженерной подготовки является магистерская программа. На площадке ВИШ EG реализуются технологические магистерские программы под запрос индустриальных партнеров, в частности для научно-исследовательских институтов (НИИ) и научно-технических центров (НТЦ) нефтегазовых компаний, обеспечивая отрасль инженерами-исследователями с более высокой квалификацией в соответствии с требованиями заказчика обучения. Данный формат становится одной из самых приоритетных форм развития образовательно-производственных кластеров. Основная цель создания сформулирована как повышение качества и совершенствование образовательного процесса на основе усиления связей университета с передовыми в своей области индустриальными партнерами.

Корпоративные программы магистратуры нацелены на узкую специализацию каждого индустриального партнера и предполагают совмещение образовательного и рабочего процессов, где обучающиеся подключаются к текущим проектам компании в статусе молодого специалиста и имеют возможность сформировать востребованные профессиональные компетенции и/или основу для дальнейших научных исследований и защиты ученой степени кандидата наук.

Неотъемлемым элементом системы опережающей инженерной подготовки, пронизывающим образовательный процесс на каждом этапе с первого дня обучения, является исследовательская деятельность практико-ориентированного характера. Особенность современной инженерной подготовки по модели «2+2+2» заключается в изучении общеинженерных предметов на начальных курсах с последующей профилизацией на старших курсах. Одним из эффективных инструментов, повышающим уровень осознанности выбора профиля, является своевременное знакомство обучающихся с прикладными научными исследованиями и участие в них. Данный элемент модели выстроен таким образом, чтобы снизить порог входа для обучающихся на начальных курсах, так как учебный план не предполагает реализацию профильных дисциплин и подготовку обучающихся к переходу к научно-исследовательским работам (НИР) в рамках выбранного профессионального профиля. Благодаря системному развитию НИР с первой ступени высшего образования у обучающихся появляется возможность выбирать углубленную исследовательскую траекторию при переходе в магистратуру и профессиональную деятельность. В свою очередь ВИШ ЕГ при подготовке будущих инженеров нацелена на обеспечение взаимозависимости образовательной и исследовательской деятельности (рис. 3).

Интеграция научно-исследовательской деятельности (НИД) обучающихся в систему опережающей инженерной подготовки осуществлена с целью формирования плеяды молодых инженеров-исследователей, конкурентных на всероссийском и международном уровнях, способных как присоединяться, так и руководить в перспективе коллективами, решающими актуальные прикладные задачи нефтегазовой индустрии.

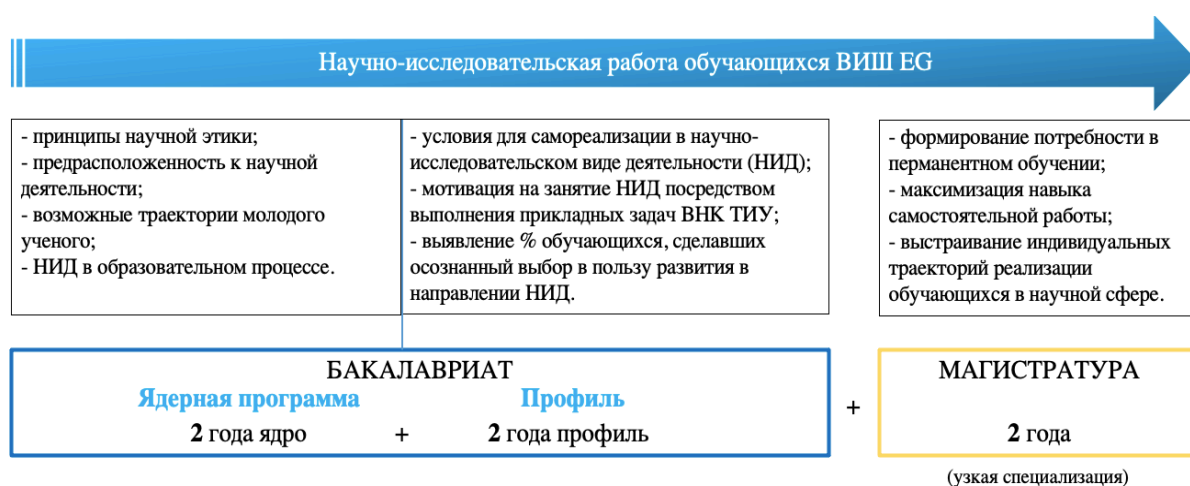


Рис. 3. Принципы интеграции научно-исследовательской деятельности в образовательный процесс

На рисунке 4 представлена система опережающей инженерной подготовки, построенная на новых подходах и практиках в области образования, обеспечивающая комплементарные связи между инженерными программами специалитета, бакалавриата, инновационными проектно-ориентированными программами ДПО для старших курсов первой ступени высшего образования, портфелем корпоративных программ магистратуры во взаимодействии с индустриальными партнерами и системной реализацией НИРС.

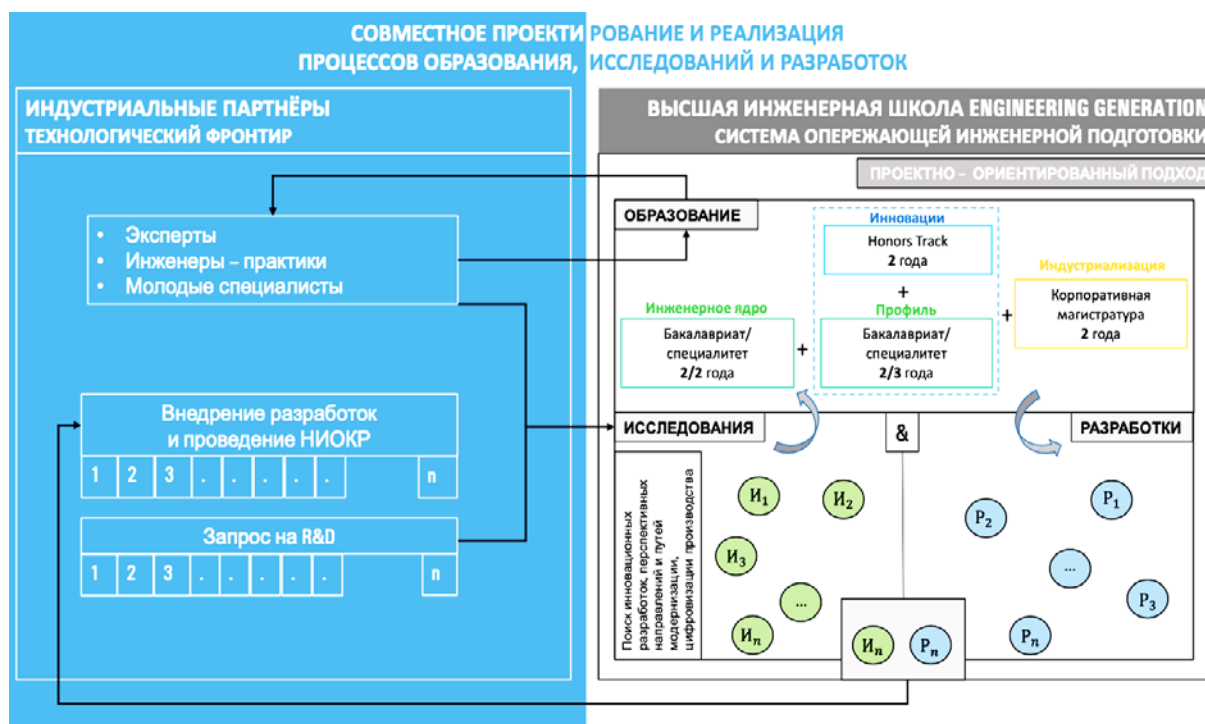


Рис. 4. Система опережающей инженерной подготовки

К основным ограничениям разработанной модели можно отнести следующие:

- трудоемкость регулярной актуализации образовательных проектов;
- зависимость эффективности предложенной модели от качества горизонтальных коммуникаций представителей университета и индустрии;
- потребность в регулярном стимулировании и контроле эффективности функционирования системы «исследование — образование — разработки».

Ключевыми достоинствами модели являются следующие:

- возможность интеграции индустриальных партнеров во все этапы образовательного процесса;
- актуализация образовательных программ в части практико-ориентированной составляющей;
- повышение уровня квалификации преподавателей университета, участвующих в реализации модели.

Выводы

Реализованная система опережающей инженерной подготовки, являясь инструментом модернизации инженерного образования и интеграции образования в индустриальную повестку, позволила воплотить деятельностный подход к обучению, в результате реализации которого у участников образовательного процесса формируется запрос на приобретение компетенций, позволяющих включиться в решение прикладных задач индустрии. В свою очередь, работа выстроена таким образом, чтобы не ограничивать творческие идеи обучающихся, руководствуясь профессиональным опытом. Соответственно, к преподавателям адресован запрос на роль наставника и партнера, а не транслятора знаний.

Разработанная система обеспечивает гибкость и выступает в качестве одного из инструментов для актуализации и развития образовательных программ, внося при этом корректировки в их профессиональной части посредством предъявления конкретного запроса к структуре и содержанию образовательных предметов в соответствии с актуальной повесткой отрасли и уровнем ее технологического развития.

Система опережающей инженерной подготовки на основе проектно-ориентированного подхода и реализации принципов индивидуализации образования, обеспечивающая интеграцию индустриальных партнеров и их активное участие во всех этапах жизненного цикла образовательного процесса, нацелена на создание инновационной инженерной образовательной экосистемы, учитывающей потребности региона и технологическое развитие топливно-энергетического комплекса. Данная модель вносит свой вклад в развитие взаимодействий университета и индустрии, формируя задел под реализацию совместных образовательных и инновационных проектов.

Выстроенный формат взаимодействий обучающихся, сотрудников университета, специалистов и экспертов со стороны индустриального партнера позволяет обеспечить горизонтальную коммуникацию. В свою очередь, горизонтальная коммуникация позволяет настроить партнерские взаимовыгодные отношения, порождающие новые инициативы, в том числе и вне рамок образовательного процесса.

Список источников

1. Чайковская, О. Н. Потенциал технологии Problem-Based learning для организации образовательного процесса в классическом университете / О. Н. Чайковская, О. Н. Калачикова. – Текст : непосредственный. – Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2016. – № 12 (177). – С. 82–87.
2. Казун, А. П. Практики применения проектного метода обучения : опыт разных стран / А. П. Казун, Л. С. Пастухова. – DOI 10.17853/1994-5639-2018-2-32-59. – Текст : непосредственный // Образование и наука. – 2018. – Т. 20, № 2. – С. 32–59.
3. Урсул, А. Д. Образовательная революция XXI века в перспективе устойчивого будущего (продолжение) / А. Д. Урсул. – Текст : непосредственный // Знание. Понимание. Умение. – 2009. – № 2. – С. 11–19.
4. Усынин, М. В. Педагогическое управление процессом опережающей профессиональной подготовки / М. В. Усынин. – DOI 10.7442/2071-9620-2018-10-1-10-18. – Текст : непосредственный // Современная высшая школа : инновационный аспект. – 2018. – Т. 10, № 1 (39). – С. 10–18.

5. Дорохова, Т. Ю. Подготовка специалистов для оборонно-промышленного комплекса в условиях интеграции науки, образования и производства / Т. Ю. Дорохова, Е. Ю. Выгузова. – Текст : непосредственный // Национальная ассоциация ученых. – 2015. – № 9–1 (14). – С. 27–30.
6. Лига вузов «Газпром нефть». – Текст : электронный // Газпром нефть : сайт. – URL: <https://career.gazprom-neft.ru/leagueofuniversities/> (дата обращения: 27.01.2023).
7. Преснухина, И. А. Опережающая профессиональная подготовка инженеров / И. А. Преснухина. – DOI 10.24411/2071-6427-2019-10097. – Текст : непосредственный // Ценности и смыслы. – 2019. – № 6 (64). – С. 67–79.
8. Опережающая подготовка инженерно-технических кадров на основе взаимодействия университетов и производственных предприятий / А. А. Никитин, А. С. Марковичев, М. В. Морозова [и др.]. – Текст : непосредственный // Профессиональное образование в России и за рубежом. – 2016. – № 2 (22). – С. 64–67.
9. Журавлева, М. В. Проблемы опережающей подготовки линейных инженеров для регионального НГХК / М. В. Журавлева, Н. Ю. Башкирцева, Г. Ю. Климентова. – Текст : непосредственный // Казанский педагогический журнал. – 2019. – № 1 (132). – С. 36–42.
10. Казначеева, С. Н. Опережающая подготовка как одно из направлений модернизации профессионального образования / С. Н. Казначеева, Н. В. Быстрова, К. С. Гордеев. – Текст : непосредственный // Проблемы современного педагогического образования. – 2021. – № 71–1. – С. 153–157.
11. Лучшие практики организации опережающей подготовки кадров по новым и обновляющимся (изменяющимся) профессиям. – Текст : электронный. – URL: https://bcnark.ru/upload/iblock/57a/LP_operezhayushchey_podgotovki.pdf (дата обращения : 03.04.2021).
12. Лысенко, В. Г. Разработка и реализация системы опережающей профессиональной подготовки кадров в условиях центра опережающей профессиональной подготовки / В. Г. Лысенко. – DOI 10.54509/22203036_2022_2_159. – Текст : непосредственный // Профессиональное образование в России и за рубежом. – 2022. – № 2 (46). – С. 159–167.
13. «Цифровой инжиниринг» (ЦИ) Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. – Текст : электронный. – URL: <https://api.socio.center/upload/iblock/bae/mrhal60xx6w057yeqa0ohmd2z8yjnd3x.pdf> (дата обращения: 18.12.2023).
14. МГТУ им. Н. Э. Баумана_ПИШ_буклет. – Текст : электронный. – URL: <https://api.socio.center/upload/iblock/98e/bpoc33tdjhckmjyfr32nzptmf9f3qw0.pdf> (дата обращения: 18.12.2023).
15. Передовые инженерные школы представили результаты работы с индустриальными партнерами на Пятом Международном форуме «Передовые цифровые и производственные технологии». – Текст : электронный. – URL: <https://pish.spbstu.ru/news/8625> (дата обращения: 27.12.2023).
16. Фальков заявил, что в новой системе высшего образования будет три ступени. – Текст : электронный // ТАСС : сайт. – 2023. – 19 апр. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/17559827> (дата обращения: 18.12.2023).

17. Фальков заявил о необходимости в вузах образовательной программы для рынка труда будущего – Текст : электронный // ТАСС : сайт. – 2023. – 13 нояб. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/19298695> (дата обращения: 18.12.2023).

18. Довбыш, В. О. Управление развитием инженерного вуза на основе новых моделей проектного обучения / В. О. Довбыш. – DOI 10.31660/1993-1824-2022-4-25-38. – Текст : непосредственный // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2022. – Т. 15, № 4. – С. 25–38.

References

1. Chaykovskaya, O. N., & Kalachikova, O. N. (2016). Potential of Problem-Based learning technology for the organization of educational process at classical university. *Tomsk state pedagogical university bulletin*, (12 (177)), pp. 82-87. (In Russian).

2. Kazun, A. P., & Pastukhova, L. S. (2018). The practices of project-based learning technique application: experience of different countries. *Education and science journal*, 20(2), pp. 32-59. (In Russian). DOI: 10.17853/1994-5639-2018-2-32-59

3. Ursul, A. D. (2009). Educational Revolution of the XXI Century in the long term sustainable future (the continuation). *Knowledge. Understanding. Skill*, (2), pp. 11-19. (In Russian).

4. Usynin, M. V. (2018). Pedagogical management of forwarding professional training. *Contemporary Higher Education: Innovativ Aspect*, 10(1(39)), pp. 10-18. (In Russian). DOI: 10.7442/2071-9620-2018-10-1-10-18

5. Dorokhova, T. Yu., & Vyguzova, E. Yu. (2015). Training of specialists for the military-industrial complex in the conditions of science, education and production integration. *Nacionalnaya associaciya uchenyh*, (9-1(14)), pp. 27-30. (In Russian).

6. Liga vuzov "Gazprom neft". (In Russian). Available at: <https://career.gazprom-neft.ru/leagueofuniversities/>

7. Presnukhina, I. A. (2019). Advance professional training for engineers. *Tsennosti i smysly*, (6(64)), pp. 67-79. (In Russian). DOI: 10.24411/2071-6427-2019-10097

8. Nikitin, A. A., Markovichev, A. S., Morozova, M. V., Nikitina, O. A., & Poleschuk, L. G. (2016). Advanced teaching of engineering students based on universities and industrial sites cooperation. *Professional education in Russia and abroad*, (2(22)), pp. 64-67. (In Russian).

9. Zhuravleva, M. V., Bashkirtseva, N. Iu., & Klimentova, G. Iu. (2019). Problems of advanced teaching of line engineers for local petrochemical complex. *Kazan pedagogical journal*, (1(132)), pp. 36-42. (In Russian).

10. Kaznacheeva, S. N., Bystrova, N. V., & Gordeev, K. S. (2021). Advanced training as one of the areas of professional education modernization. *Problems of modern pedagogical education*, (71-1), pp. 153-157. (In Russian).

11. Luchshie praktiki organizatsii operezhayushchey podgotovki kadrov po novym i obnovlyayushchimsya (izmenyayushchimsya) professiyam. (2021). (In Russian). Available at: https://bcnark.ru/upload/iblock/57a/LP_operezhayushchey_podgotovki.pdf

12. Lysenko, V. G. (2022). Development and implementation of an advanced professional training system in conditions of an anticipatory professional training center. Professional education in Russia and abroad, (2(46)), pp. 159-167. (In Russian). DOI: 10.54509/22203036_2022_2_159
13. "Tsifrovoy inzhiniring" (TSI) Sankt-Peterburgskiy politekhnicheskii universitet Petra Velikogo. (In Russian). Available at: <https://api.socio.center/upload/iblock/bae/mrhal60xx6w057yeqa0ohmd2z8yjnd3x.pdf>
14. MGTU im. N. E. Baumana_PISH_buklet. (In Russian). Available at: <https://api.socio.center/upload/iblock/98e/bpoc33tdjhckmjyfir32nzptmf9f3qw0.pdf>
15. Peredovye inzhenernye shkoly predstavili rezul'taty raboty s industrial'nymi partnerami na Pyatom Mezhdunarodnom forume "Peredovye tsifrovye i proizvodstvennye tekhnologii". (In Russian). Available at: <https://pish.spbstu.ru/news/8625>
16. Fal'kov zayavil, chto v novoy sisteme vysshego obrazovaniya budet tri stupeni. (2023). (In Russian). Available at: <https://tass.ru/obschestvo/17559827>
17. Fal'kov zayavil o neobkhodimosti v vuzakh obrazovatel'noy programmy dlya rynka truda budushchego. (2023). (In Russian). Available at: <https://tass.ru/obschestvo/19298695>
18. Dovbysh, V. O. (2022). Managing the development of an engineering university based on new models of project-based learning. Proceedings from Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics, (4), pp. 25-38. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2022-4-25-38

Информация об авторах / Information about the authors

Берг Владимир Иванович, кандидат технических наук, доцент Центра проектного обучения, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, bergvi@tyuiu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9165-252X>

Довбыш Вадим Олегович, руководитель Центра проектного обучения, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2755-265X>

Пимнев Алексей Леонидович, кандидат технических наук, доцент, проректор по научной и инновационной деятельности, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень

Vladimir I. Berg, Candidate of Engineering, Associate Professor at the Project-based Learning Center, Industrial University of Tyumen, bergvi@tyuiu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9165-252X>

Vadim O. Dovbysh, Director of the Project-based Learning Center, Industrial University of Tyumen, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2755-265X>

Alexey L. Pimnev, Candidate of Engineering, Associate Professor, Pro-rector for Research and Innovation, Industrial University of Tyumen

Статья поступила в редакцию 17.01.2024; одобрена после рецензирования 27.02.2024; принята к публикации 05.03.2024.

The article was submitted 17.01.2024; approved after reviewing 27.02.2024; accepted for publication 05.03.2024.

УДК 316.423

DOI: 10.31660/1993-1824-2024-1-39-52

Организационные структуры самоуправления как ресурс политической активности молодежи

Г. И. Герасимова*, С. А. Крюкова, О. В. Швецова

Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия

**gerasimovagi@tyuiu.ru*

Аннотация. Теоретический и эмпирический анализ осуществляется в контексте имеющихся современных социологических парадигм и научных знаний: «гражданская активность», «социальные изменения, «групповые действия», а также теорий социального активизма и взаимодействия в рамках молодежных систем и сообществ. Исходя из данной проблематики, а также принятой в Российской Федерации молодежной политики, в статье сформулирована цель исследовать деятельность самоуправленческих структур на примере функционирования Общественной молодежной палаты, сформированной при Тюменской областной Думе; рассмотреть приоритетные направления ее работы в соответствии с поставленной целью и задачами данной организации, которые решаются на территориальном уровне и, следовательно, отражают региональную специфику. В результате репрезентативного анкетного опроса молодежных активистов, построенного с использованием квотного метода, получены результаты, позволяющие сделать вывод об изучаемой структуре как модельной организации, функционирующей вследствие реализации следующих принципов российской молодежной политики: сочетание потребностей личности, общества и государства; паритетное общественное взаимодействие; поддержка молодежных объединений; обязательность участия молодежи в формировании и реализации политики, отражающей единые позиции данной социальной когорты. На основании полученных авторами эмпирических результатов выявлен уровень активности участников проектов Общественной молодежной палаты, получены их оценки о подобного вида деятельности и перспективах ее развития.

Ключевые слова: активная молодежь, молодежная политика, молодежные структуры, Общественная молодежная палата, региональный опыт, самоуправление

Для цитирования: Герасимова, Г. И. Организационные структуры самоуправления как ресурс политической активности молодежи / Г. И. Герасимова, С. А. Крюкова, О. В. Швецова. – DOI 10.31660/1993-1824-2024-1-39-52 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2024. – № 1. – С. 39–52.

Organisational structures of self-governance as a resource for youth political activism

Galina I. Gerasimova*, Svetlana A. Kryukova, Olga V. Shvetsova

Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia

**gerasimovagi@tyuiu.ru*

Abstract. Theoretical and empirical analysis is carried out in the context of available modern sociological paradigms and scientific knowledge: "civic engagement", "social change, "group action", as well as in the context of theories of social activism and interaction within youth systems and communities. Considering these issues and the youth policy adopted in the Russian Federation, the authors of the article aim to study the activities of self-governing structures in the Russian Federation, specifically focusing on the functioning of the Public Youth

Chamber at the Tyumen Regional Duma and its priority areas of work. The study surveyed youth activists using the quota method and found the structure being investigated serves as a model organization by implementing the principles of Russian youth policy. These principles include combining the needs of the individual, society, and the state; ensuring equal social interaction; supporting youth associations; and mandating youth participation in policy formation and implementation that reflects the common positions of this social group. Based on the authors' empirical results, the study revealed the level of activity among participants in the Public Youth Chamber projects, as well as their evaluations of this type of activity and its development prospects.

Keywords: active youth, youth policy, youth structures, Public Youth Chamber, regional experience, self-governance

For citation: Gerasimova, G. I., Kryukova, S. A., & Shvetsova, O. V. (2024). Organisational structures of self-governance as a resource for youth political activism. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, (1), pp. 39-52. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2024-1-39-52

Введение

Целью вовлечения граждан в активную политическую деятельность является решение проблем государства. Совместная работа групп и отдельных индивидов в общественно-политической сфере приводит к качественным изменениям управляющих систем, содействует решению сложных задач социума, способствует формированию более благоприятных условий жизнедеятельности граждан. В нашей стране особую озабоченность вызывает политическая инертность молодежи, которая выражается в социальном бездействии и электоральном абсентеизме.

Активизация инициатив, включенность юношей и девушек в политику на современном сложном историческом этапе обеспечивают не только стабильность в стране, но и решают вопросы ее дальнейшей модернизации. Прогресс в этой сфере происходит не только благодаря формированию мировоззренческих смыслов, но и в ходе образования различного рода институциональных структур, которые становятся важным инструментом развития активизма, вовлечения молодежи как особой возрастной группы в различного рода гражданские проекты и начинания. В то же время устойчивость таких образований напрямую коррелируется с участием и последующей активной коммуникацией всех заинтересованных субъектов молодежного движения в создаваемых структурах самоуправления, что открывает для его участников новые возможности для самореализации, самовыражения и выстраивания профессиональной (карьерной) траектории. Следовательно, важно изучать имеющийся инновационный опыт, передавая нужные знания заинтересованным сторонам, обобщая и масштабируя самые успешные региональные практики и инициативы.

Материалы и методы

Для решения поставленных научных задач, сбора и структурирования первичной социологической информации выбран метод онлайн-опроса в форме анкетирования с использованием облачных технологий поисковой системы Google. Данный метод рассматривается в парадигме всеобщей информатизации и интернетизации, открывающей перспективы применения различных технических средств и способов получения ис-

ходной социологической информации. Он гарантирует существенную экономию времени, облегчая проведение рутинных операций, давая возможность сфокусироваться на выполнении творческих задач. С учетом уже сложившейся практики во многих зарубежных и российских трудах обосновывается актуальность социологических онлайн-исследований, раскрывается принципиально новый потенциал Интернета, а также подчеркивается точность выборки, широкий охват респондентов, удобство обработки анкет и т. д. [1].

В дополнение к этому важно обратить внимание на такой эффективный метод, как облачные технологии, обеспечивающие удаленный доступ ко многим сетевым ресурсам и устройствам хранения баз данных. Такого рода инструментарий является доступным, экономичным, достаточно надежным, хотя и не полностью безопасным, так как не гарантирует конфиденциальности и не устраняет угрозу потери персональных сведений респондентов.

Необходимо особо выделить, что в ближайшее время приобретет первостепенное значение комплексное решение вопросов законодательного регулирования сетевых инструментов научного анализа. В противном случае существующие пробелы и дефекты, неупорядоченность подходов, отсутствие единых принципов и регламентов измерения в Интернете порождают недоверие, снижают легитимность полученных данных, которыми социологи оперируют в публичном общественном пространстве [2–4].

Как уже было отмечено, исследовательский инструментарий данной статьи представлен в форме анкеты, разработанной в соответствии с обозначенными программными целями и задачами. Созданная анкета была отправлена по электронной почте и в профили пользователей социальных сетей. Выборочная совокупность ($n = 400$) формировалась с использованием квотного метода, позволяющего получить репрезентативные данные по такой когорте, как политически активная молодежь г. Тюмени. В выборку включены юноши и девушки в возрасте от 14 до 35 лет с учетом пола, возраста, образования и территориального положения. Последующая обработка и интерпретация полученных результатов осуществлялась с применением программ из интегрированного пакета Microsoft Excel.

Для получения дополнительных возможностей интерпретации собранных материалов социологического исследования использован когортный анализ. В социальную когорту включена группа лиц по признаку возраста, ее осведомленности о деятельности тюменской Общественной молодежной палаты (ОМП), вовлеченности в проводимые данной организацией проекты и мероприятия. Благодаря такому структурированию респондентов обнаружены возможности для изучения их участия в региональных структурах, которые проводят увлекательные общественные мероприятия в разные временные отрезки. При помощи когортного метода рассмотрен феномен инициативной личности, участвующей в событиях быстро меняющегося современного мира, тем самым реализуя свои персональные цели, добиваясь карьерных достижений и приобретая реальный опыт в социально-политической жизни социума.

Таким образом, количественный анализ полученных результатов обеспечен их интерпретацией, согласующейся с теоретико-методологическими положениями, представленными в международных и российских источниках, научных трудах, что не про-

тиворечит подходам, существующим в соответствующих областях прикладной социологии. Совокупность применяемых концепций свидетельствует о достоверности полученных показателей и обоснованности представленных в статье выводов.

Результаты и обсуждение

Изучение общественных движений базируется на идее Т. Парсонса о «коллективном поведении», которое регламентируется исходя из комплекса дифференцированных стандартов, имеющих в своей основе следующие элементы: убеждения, экспрессивную символизацию и ценностные ориентации. Ученый рассматривает тезис о том, что характер социальной активности напрямую коррелируется с оформлением системы экзистенциальных убеждений субъектов общественно-политических отношений. Немаловажную роль в подобной парадигме играют эмоционально окрашенные символы, призванные формировать соответствующие коммуникативные условия и форматы взаимодействия между собой многочисленных групп. Ценностные трансформации, согласно Т. Парсонсу, реализуются в соответствии с моделью AGIL, имеющей следующую инвариантную структуру: адаптация (A), целеполагание (G) как актуализация наиболее значимой — *relative urgency*, интеграция (I) и латентность (L), понимаемая как постоянное воспроизводство норм и ценностей общества [5].

Данная парадигма корреспондирует с точкой зрения П. Бурдьё о необходимости расширения условий доступа граждан к политической практике и созданию широкого «поля политики» благодаря разнообразию агентов, его формирующих. Ученый пишет: «Решить политическую задачу формирования социальных классов как устойчивых общностей, обладающих постоянными органами представительства, собственными названиями и т. п., можно наиболее успешно, если объединять и группировать людей, занимающих близкие позиции в социальном пространстве (и тем самым относящихся к одной гипотетической коалиции)» [6]. То есть данный тезис указывает на необходимость постоянных и сознательных объединительных действий, формирующих устойчивые политические дискурсивные практики. Главным инициатором и движущей силой таких усилий выступает управляющая система любого государства.

Р. Патнэм пишет о необходимости выявлять взаимосвязь политической активности с политической культурой и практикой отдельных людей, а также с улучшением качества госуправления, принятием решений, выработкой более эффективных правил общественной жизни [7]. М. Липсет отмечает факторы и условия, нужные для того, чтобы вовлекать граждан в систему политической жизни, а также ресурсы и источники поддержания существующих в конкретном обществе ценностей. Кроме того, ученый указывает, что без массовой поддержки управленческих институтов со стороны заинтересованных людей развитие демократии невозможно [8].

Как российские, так и западные ученые большое внимание уделяют вопросам политического участия, которое можно интерпретировать как разновидность расширительного права граждан на включенность в системы демократического управления, имеющих принципиальную идею «человекоориентированности» в противовес концепции централизованной иерархичности. Так, Р. Норрис классифицирует такого рода активность граждан в аспекте «causally oriented» & «civil-oriented», что в первом случае

предполагает непосредственное проявление электоральной динамики (голосование, принадлежность к политическим организациям и движениям), а во втором — включение субъекта в конкретные события, проводимые политическими лидерами и структурами. По мнению ученого, молодое поколение избегает прямой партийной поддержки, но более охотно включается в проектную деятельность, что создает хорошую перспективу для его дальнейшего вовлечения в общественную жизнь и в конечном итоге повышает эффективность и оперативность государственного регулирования [9]. Этот взгляд совпадает с позицией современного российского автора М. И. Солосиной, утверждающей, что в политике надо учитывать поколенческие особенности, позволяющие юношам и девушкам выстраивать свои персональные стратегии в зависимости от предпочитаемого политического ландшафта [10].

В рамках ретроспективного анализа можно обнаружить значительный вклад в изучение обозначенной проблематики российских ученых. В частности, М. Я. Острогорский впервые в отечественной историографии анализирует сущность перераспределения властных полномочий за счет негосударственных структур, которые оказывают влияние на политику, но без непосредственной управленческой деятельности. Он считает, что с этой целью создаются организационные объединения соответствующего профиля, общественные движения и другие учреждения. Их представители, приобретая определенный опыт, становятся новыми лидерами, выражающими злободневные интересы социальных субъектов, ограничивая доминирование формальных политических институтов и партийных структур. Русский ученый считает, что «формализм представительной демократии и партийного господства» уравнивается негосударственными институциями [11].

Дополнительными факторами эффективного взаимодействия является артикулирование интересов групп, представленных, с одной стороны, государственными структурами управления, социальными институтами, статусными официальными субъектами политической жизни, с другой — ее активными гражданами, представляющими мнения молодежного сегмента населения страны или конкретного региона. Властные управляющие институции оказывают большое влияние на политику и в значительной степени формируют актуальную повестку и общественное мнение, которые затем тиражируются с помощью медиа и разнообразных каналов массовой коммуникации.

В то же время нельзя не учитывать, что гиперинформационность современного социума открывает возможности для индивидуальной коммуникативной активности, направленной на выражение точек зрения на характер изменений в обществе. Чаще она реализуется в социальных сетях и мессенджерах, являющихся незатратными каналами, имеющими большой потенциал мобилизации (флешмобы, голосования, активное продвижение вирального контента за счет комментариев, одобрений и пересылки новостных сообщений). Обладая такими преимуществами, как моментальность передачи информации и анонимность общения, отсутствие коммуникативных барьеров в виде временных и географических препятствий, единство ценностных мировоззренческих установок, молодежное сетевое общение выгодно отличается от классических средств массовой коммуникации, доверие к которым снижается. Несомненно, значимым фактом является то, что для молодого поколения не существует разницы между виртуальной

реальностью и действительностью. Все это говорит о высоком потенциале именно сетевой самоорганизации молодежных структур. Учитывая, что Россия является страной с наивысшей в мире популярностью социальных сетей, необходимо более предметно коммуницировать с молодежным сегментом, добиваясь зримых результатов за счет совместных усилий официальных властных структур и неформальных самообразующихся сообществ. В свою очередь, как отмечает Ю. А. Скокова, в постиндустриальную эпоху представители общественных организаций акцентируют внимание на таких факторах, как «этика, культура, идентичность, мировоззренческие и идеологические основания...» [12]. На наш взгляд, приобщение к общечеловеческим ценностям, соблюдение этических норм для молодого поколения РФ приобретают первостепенное значение.

Следовательно, молодежь как особая демографическая группа вносит весомый вклад в развитие политических процессов, что находит отражение в отечественной демографической литературе. В частности, общие вопросы и проблемы молодежной политики в Российской Федерации изучают многие ученые, обращая внимание на необходимость инвестировать в развитие самой перспективной части нашего государства — молодежь [13]. А. А. Желнина, размышляя о политических устремлениях молодых людей, указывает на особенности их восприятия публичных акций. Она подчеркивает, что юноши и девушки с уважением относятся к убеждениям своих сверстников, а решение о присоединении к действиям принимают с учетом привлекательности его участников, интереса, эмоциональной и креативной составляющей акции, возможности занимательно провести время с друзьями и знакомыми [14]. Г. И. Герасимова, О. В. Швецова и другие отмечают, что сегодня юноши и девушки стремятся реализовать себя в жизни, не столько участвуя в реальных акциях, сколько проявляя активность в социальных сетях [15; 16].

Мероприятия молодежных учреждений проводятся в рамках различных организационно-структурных моделей: палаты, советы, парламенты, ассамблеи и т. д. С точки зрения процедур формирования они классифицируются по разным признакам: выборные, делегатские, конкурсные и иные самоуправленческие образования. По степени интеграции в представительные органы это могут быть органы при региональных законодательных/исполнительных учреждениях или самостоятельные и независимые структуры [17]. Как видим, мотивация молодежи на активное включение в политические процессы подразумевает наличие уже созданных разнообразных центров самоуправления, обеспечивающих соответствующий переход от неустойчивых потребностей акторов к сознательному включению в коллективные социально значимые проекты, их реализацию, установление конструктивных отношений, в том числе неформальных, что облегчает сотрудничество, усиливает взаимовлияние участников друг на друга, поощряет аналогичные интеракции, в целом способствует позитивным количественным и качественным общественным изменениям.

Таким образом, теоретический анализ демонстрирует, что любое вовлечение граждан в коллективные политические действия осуществляется посредством реальных дел, как инициативных, так и осуществляемых в экологических, религиозных и других организационных неиерархических системах, что позволяет поддерживать инициативные проекты, выявлять новых лидеров, конструировать различные формы самоуправления, поощрять творческие и научно-изыскательные начинания участников.

Положительным примером такого направления является деятельность Общественной молодежной палаты при Тюменской областной Думе, созданной в 2006 году, выбирающей свой новый созыв один раз в два года. Палата ставит перед собой цель формировать новые региональные кадры для управленческих учреждений Тюменской области. На протяжении всего функционирования организация осуществляет рекрутинг людей в социально значимые проекты области. Так, ОМП ежегодно проводит «День молодого избирателя», «Форум молодых парламентариев», также реализуются такие кейсы, как «Абсолютное право», «Молодые ученые — будущее России» и др. Продуктивное партнерство тюменских представительских органов и ОМП направлено на обучение основам государственного управления, формирование лидерских навыков молодых людей, поддержку их исследовательских умений, а также помогает с выбором дальнейшей профессиональной карьеры.

С целью выявления отношения респондентов к акциям ОМП в ноябре 2023 года нами был проведен опрос в форме анкетирования, преследующий цель выявить уровень информированности респондентов о проектах Общественной молодежной палаты при Тюменской областной Думе. В результате полученных данных выяснилось, что 35 % мужчин и 30 % женщин из числа опрошенных знают о мероприятиях палаты. Достаточно высокая степень известности о мероприятиях объясняется характером выборки: отбор респондентов квотировался по имеющейся у ОМП базе данных, в которой фиксировались на протяжении нескольких лет те, кто в разные годы сотрудничал с организацией (рис. 1).

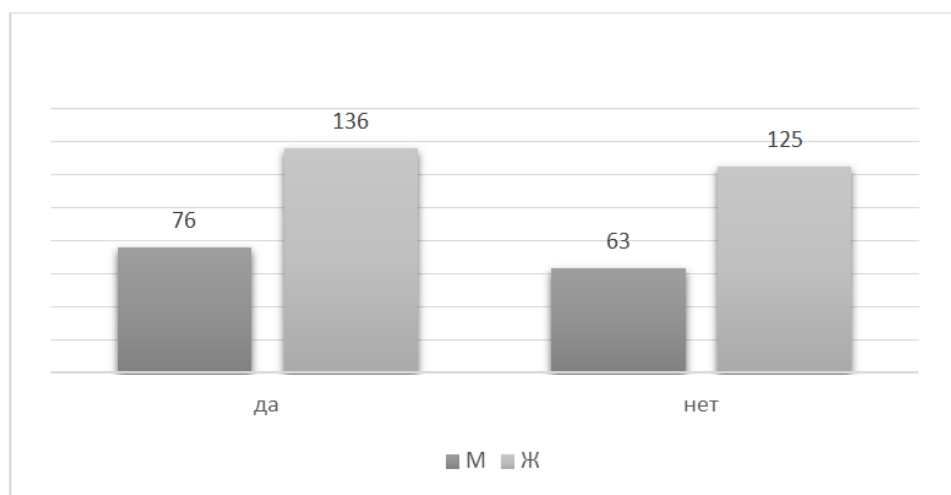


Рис. 1. Осведомленность о проектах Общественной молодежной палаты, чел.

Из числа тех, кто знает о деятельности палаты, 19 % процентов опрошенных мужчин и 16 % женщин принимали непосредственное участие в ее различных акциях и мероприятиях. Наиболее привлекательными участниками анкетирования назвали «Форум молодых парламентариев» и «День избирателя». Примечательно, что те, кто по какой-либо причине не был задействован в мероприятиях ОМП, хотели бы

в будущем участвовать в акциях подобного рода и активно включаться в работу палаты, стать ее постоянным членом (таблица).

***Желание респондентов принимать участие в проектах
Общественной молодежной палаты, %***

Вопрос анкеты «Участвовали ли Вы в проектах?»	М	Ж
Не участвовал в проектах	53	56
Участвовал в проектах	19	16
Хотели бы принять участие в проектах	53	56

Достоин внимания следующий вопрос: «По Вашему мнению, повышает ли активность молодых избирателей участие в проектах?». 73 % опрошенных уверены, что такие события повышают активность участников, 22 % респондентов ответили отрицательно, 16 % затруднились с ответом (рис. 2).

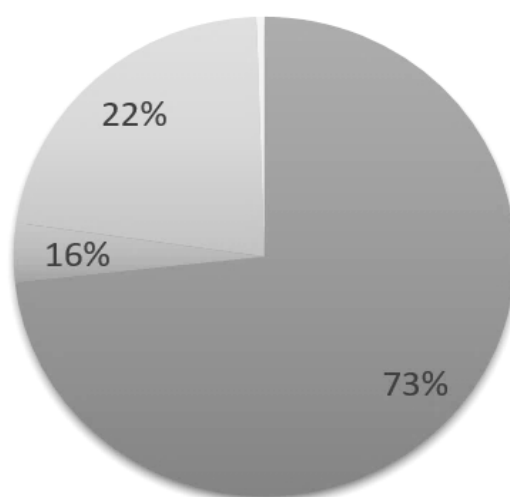


Рис. 2. Влияние мероприятий на активность молодежи, %

Следовательно, опрос показывает недостаточную вовлеченность молодежи в коллективные действия политического характера, что требует внесения корректировок в организационно-стратегическое планирование и целеполагание, увеличения региональных кампаний, продуцирующих событийность, учитывающую мотивационную персональную составляющую акторов. Кроме того, важен подход, демонстрирующий взаимосвязь активности людей с успешной социализацией и карьерой. К факторам, сдерживающим эти процессы, относятся формализм, конъюнктурный подход, недостаток креативности, открытости и инноваций. По мнению ученых, для современной политики характерна «гиперформализация», порождающая проблему политического отчуждения [18; 19]. Р. К.Стерледев и Т. Д. Стерледева отмечают заорганизованность, которая не столько поднимает уровень надежности, сколько порождает неконтролиру-

емый поток формализации, ведущий к росту бюрократии, ошибок и некомпетентности, так как увеличивает количество нерелевантной информации, во многих случаях излишней, а также приводит к росту людей, занимающихся контролем и надзором, что значительно снижает управленческий эффект [20].

Вопрос о проводимых в области мероприятиях как ресурсе и стартовой площадке для карьерного роста показал следующие результаты: 69 % опрошенных уверены, что есть прямая корреляция между активным участием ребят в работе ОМП и успехами в будущей профессиональной карьере политика, 27 % респондентов не уверены, что такая зависимость существует и только 3 % участников анкетирования высказались отрицательно (рис. 3).

Следовательно, показатели политической активности молодых людей благодаря выявлению фактов их участия в региональных социально значимых событиях, степени вовлеченности юношей и девушек в подобного рода мероприятия обозначают потенциал организационных структур самоуправления, а также наличие/отсутствие членства региональных активистов в таких организациях, перспективность функционирования соответствующих объединений.

Ранее проведенные авторские исследования свидетельствуют о том, что существует ряд проблем при организации такого рода деятельности, среди которых первоочередной является отчужденность молодых россиян от принятия политических решений. Отсюда и вывод о том, что эта категория населения не связывает свою жизнь с политикой, не считает эту сферу местом приложения своих сил и талантов.

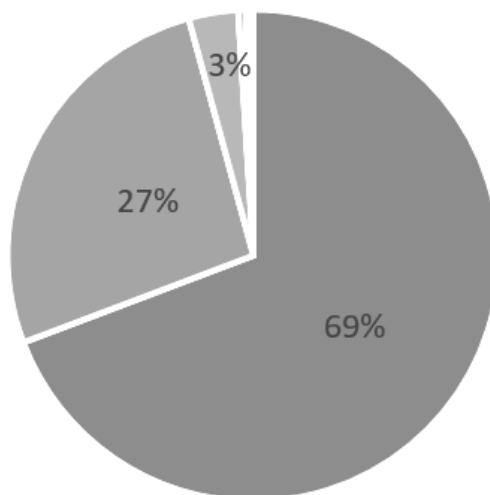


Рис. 3. Влияние активности на политическую карьеру молодежи, %

С одной стороны, многие юноши и девушки выражают принципиальную точку зрения на максимальное дистанцирование от участия в голосовании на выборах и референдумах. С другой стороны, они активно интересуются международными и российскими политическими событиями, выбирая для этого мессенджеры и социальные сети. Причиной скептицизма являются недоверие к представителям действующей власти,

негативная оценка перспектив и возможностей в современной ситуации за счет социально-политической активности повлиять на позитивную динамику общественного развития, на повышение качества управленческих процессов, в целом решение проблем модернизации российского социума [14].

Молодежь считает, что в стране существуют ограничения в системе социальной мобильности и общественного признания, замалчиваются вопросы снижения качества жизни молодого поколения, трудностей трудоустройства, преодоления ими стрессов, конфликтов и т. д. Все указанное требует более широкого использования новых информационно-коммуникативных технологий, формирования передовых когнитивных структур, формирующих благоприятный молодежный дискурс в нашем обществе. Политическое пространство социума — среда, где целесообразно применять инструменты, конструирующие эффективное взаимодействие и обратную связь, выясняя темы и направления, которые интересны юношеству, и в соответствии с ними планировать и реализовывать проекты, привлекательные даже для аполитичной категории молодежи.

Выводы

Таким образом, активное участие молодых людей в мероприятиях политического характера привлекает инициативных и творческих людей, задает траекторию их успешного развития, формируя между участниками взаимопонимание и доверие. Создание и функционирование политических образований во многом зависит от международного и внутригосударственного контекста. Присутствие и активное включение молодых людей в организационные структуры делает их особыми ресурсными центрами, которые создают благоприятные условия для развертывания общественных дискуссий, обеспечивают информирование общественности о своей деятельности, тем самым формируя гражданскую грамотность, ценности, установки и созидательные намерения. В такого рода самоуправленческих структурах происходит формирование у личности политической и гражданской идентичности, а также приобретаются соответствующие навыки и компетентности. В целом политическая деятельность юношей и девушек способствует их личностному росту, формирует критичность мышления и вырабатывает собственный взгляд на решение актуальных задач, создает атмосферу сплоченности. Совместное творчество, тренинги, обучение в неформальных организациях удовлетворяют потребность во взаимодействии, формируют новую мотивацию, чувство своей значимости и полезности, что оптимизирует социализацию и улучшает условия жизни. В свою очередь, государству необходимо искоренять формализм, предпринимать активные действия, формирующие условия для реализации гражданских, политических и творческих потребностей молодежи, росту их возможностей для самореализации. Также в этом направлении важным является совершенствование организационных самоуправленческих структур, модельным вариантом которых является тюменская ОМП. Дальнейшая модернизация этого направления позволяет регулировать интеракции политических акторов молодежной среды, координировать взаимодействие таких сообществ, повышая качество их функционирования как на региональном, так и на государственном уровнях.

Список источников

1. Онлайн исследования в России 3.0 / Под редакцией А. В. Шашкина, И. Ф. Девятко, С. Г. Давыдова. – Москва : Кодекс, 2012. – 420 с. – Текст : непосредственный.
2. Вайсбург, А. В. Обзор современных электронных количественных опросных методов социологических исследований / А. В. Вайсбург. – DOI 10.17223/1998863X/55/19. – Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2020. – № 55. – С. 185–195.
3. Долженко, Ю. Ю. Онлайн анкетирование как современный и эффективный способ исследования / Ю. Ю. Долженко, А. С. Позднякова. – Текст : непосредственный // Транспортное дело России. – 2015. – № 1. – С. 109–110.
4. Беликова, Ю. В. Сравнительный анализ сервисов для проведения онлайн опросов / Ю. В. Беликова. – Текст : непосредственный // Актуальные научные исследования в современном мире. – 2016. – № 5–4 (13). – С. 36–41.
5. Парсонс, Т. О социальных системах / Т. Парсонс ; под редакцией В. Ф. Чесноковой, С. А. Белановского. – Москва : Академический Проект, 2002. – 832 с. – Текст : непосредственный.
6. Бурдьё, П. Социальное пространство и символическая власть / П. Бурдьё. – Текст : непосредственный // Начала / Перевод с французского Н. А. Шматко. – Москва : Socio-Logos, 1994. – С. 137–150. – Перевод изд. : Choses dites / Pierre Bourdieu. Minuit, 1987. – Текст : непосредственный.
7. Патнэм, Р. Чтобы демократия сработала : гражданские традиции в современной Италии / Р. Патнэм ; перевод с английского А. Захарова. – Москва : Ad Marginem, 1996. – 288 с. – Перевод изд. : Making Democracy Work / Robert D. Putnam, Raffaella Y. Nanetti, Robert Leonardi. Princeton, 1994. – Текст : непосредственный.
8. Липсет, М. Политический человек : социальные основания политики / М. Липсет ; перевод с английского Е. Г. Генделя, В. П. Гайдамака, А. В. Матешук. – Москва : Мысль, 2016. – 612 с. – Перевод изд. : Political man. The Social bases of politics / Seymour Martin Lypset. Baltimore, 1981. – Текст : непосредственный.
9. Norris, P. Young People & Political Activism : From the Politics of Loyalties to the Politics of Choice? / P. Norris. – Text : electronic. – URL: https://web.archive.org/web/20180722232019id_/https://sites.hks.harvard.edu/fs/pnorris/Acrobat/COE%20Young%20People%20and%20Political%20Activism.pdf (Accessed: 14.01.24).
10. Солосина, М. И. Поколенческие особенности участия в социально-политических процессах / М. И. Солосина. – DOI 10.18413/2408-9338-2021-7-3-0-9. – Текст : непосредственный // Научный результат. Социология и управление. – 2021. – Т. 7, № 3. – С. 90–103.
11. Острогорский, М. Я. Демократия и политические партии / М. Я. Острогорский. – Москва : РОССПЭН, 1997. – 640 с. – Текст : непосредственный.

12. Скокова, Ю. А. Социология общественных движений : возможности и ограничения основных теоретических концепций / Ю. А. Скокова. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2014. – № 3 (359). – С. 132–140.

13. Реализация государственной молодежной политики в Российской Федерации в условиях современных вызовов и неопределенностей : монография / А. И. Андриянова, И. Г. Арцыбашев, М. А. Бедулева [и др.] ; под редакцией А. В. Пономарева, Н. В. Поповой ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2022. – 212 с. – Текст : непосредственный.

14. Желнина, А. А. Свобода от политики : «обычная» молодежь на фоне политических протестов / А. А. Желнина. – Текст : непосредственный // Социология власти. – 2013. – № 4. – С. 139–149.

15. Герасимова, Г. И. Детерминанты политической активности молодежи Тюменской области / Г. И. Герасимова, О. В. Швецова. – Текст : непосредственный // Вестник экономики, права и социологии. – 2022. – № 3. – С. 97–101.

16. Киселев, А. А. Интернет : модель и практики политического участия / А. А. Киселев, И. В. Самаркина. – Краснодар : Оттиск, 2007. – 104 с. – Текст : непосредственный.

17. Купорез, К. Д. Молодежные парламенты в современной России : региональный опыт / К. Д. Купорез. – Текст : непосредственный // Документ. Архив. История. Современность. – 2020. – № 20. – С. 20–34.

18. Калгин, А. С. Теоретические взгляды на государство и бюрократию / А. С. Калгин, А. В. Клименко ; Высшая школа экономики – национальный исследовательский университет. – Москва : Высшая школа экономики, 2021. – 28 с. – Текст : непосредственный.

19. Вепрева, И. Т. Политическая безнравственность в метафорическом измерении / И. Т. Вепрева, Яо Цзясюй. – Текст : непосредственный // Аксиологические аспекты современных филологических исследований : тезисы докладов международной научной конференции (Екатеринбург, 27 апреля 2021 г.). – Екатеринбург : Ажур, 2021. – С. 24–29.

20. Стерледев, Р. К. Проблема гиперформализации в социально-ментальных процессах XXI в. / Р. К. Стерледев, Т. Д. Стерледева. – Текст : непосредственный // Мировоззренческая парадигма в философии : неустойчивость современного мира : сборник статей по материалам XV Международной научной конференции (Нижний Новгород, 20 марта 2020 г.). – Нижний Новгород : ННГАСУ, 2020. – 188 с.

21. Герасимова, Г. И. Функциональные особенности деятельности молодежных парламентских структур Тюменской области / Г. И. Герасимова, О. В. Швецова. – Текст : непосредственный // Вузовская наука : проблемы подготовки специалистов : материалы Международной научно-практической конференции, Тюмень, 01 декабря 2020 г. – Вып. 19. – Тюмень : ТИУ, 2021. – С. 221–224.

References

1. Shashkin, A. V., Devyatko, I. F., & Davydov, S. G. (Eds) (2012). *Onlayn issledovaniya v Rossii 3.0*. Moscow, Kodeks Publ., 420 p. (In Russian).
2. Weisburg, A. V. (2020). A Review of modern electronic quantitative survey methods of sociological research. *Tomsk State University journal. Philosophy. Sociology. Political Science*, (55), pp. 186-196. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/55/19
3. Dolzhenko, Yu. Yu., & Pozdnyakova, A. S. (2015). Online questionnaire survey as a modern and effective way of research. *Transport business of Russia*, (1), pp. 109-111. (In Russian).
4. Belikova, Yu. V. (2016). Comparative analysis of services for on-line polls. *Current scientific research in the modern world*, (5-4(13)), pp. 36-41. (In Russian).
5. Parsons, T. (2002). *O sotsial'nykh sistemakh*. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 832 p. (In Russian).
6. Bourdieu, P. (1987). Social space and symbolic power. *Choses dites*. Minuit, pp. 137-150. (In French).
7. Putnam, R. D., Nanetti, R. Y., & Leonardi, R. (1994). *Making Democracy Work*. Princeton, Princeton University Press, 280 p. (In English).
8. Lypset, M. (1981). *Political man. The Social bases of politics*. Expanded edition. Baltimore, the Johns Hopkins University Press, 597 p. (In English).
9. Norris, P. *Young People & Political Activism: From the Politics of Loyalties to the Politics of Choice?* (In English). Available at: https://web.archive.org/web/20180722232019id_/https://sites.hks.harvard.edu/fs/pnorris/Acrobat/COE%20Young%20People%20and%20Political%20Activism.pdf
10. Solosina, M. I. (2021). Generational characteristics of participation in social and political processes. *Research result. Sociology and management*, (7(3)). (In Russian). DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-3-0-9
11. Ostrogorskiy, M. Ya. (1997). *Demokratiya i politicheskie partii*. Moscow, ROSSPEN Publ., 640 p.
12. Skokova, Yu. A. (2014). *Sotsiologiya obshchestvennykh dvizheniy: vozmozhnosti i ogranicheniya osnovnykh teoreticheskikh kontseptsiy*. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (3(359)), pp. 132-140. (In Russian).
13. Andriyanova, A. I., Artsybashev, I. G., Beduleva, M. A., Vishnevskiy, Yu. R., Zvereva, E. V., Krut'ko, I. S.,... Suslonov, P. E. (2022). *Realizatsiya gosudarstvennoy molodezhnoy politiki v Rossiyskoy Federatsii v usloviyakh sovremennykh vyzovov i neopredelennostey*. Ekaterinburg, Ural Federal University Publ., 212 p. (In Russian).
14. Zhelnina, A. A. (2013). Freedom from Politics: Non-activist Russian Youth at the Background of Political Protests of 2011-2012. *Sociology of power*, (4), pp. 139-149. (In Russian).
15. Gerasimova, G. I., & Shvetsova, O. V. (2022). Determinants of political activity of youth in the Tyumen region. *The Review of Economy, the Law and Sociology*, (3), pp. 97-101. (In Russian).

16. Kiselev, A. A., & Samarkina, I. V. (2007). Internet: model' i praktiki politicheskogo uchastiya. Krasnodar, Ottisk Publ., 104 p. (In Russian).
17. Kuporez, K. D. (2020). Youth parliaments in contemporary Russia: regional experience. Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost', (20), pp. 20-34. (In Russian).
18. Kalgin, A. S., & Klimenko, A. V. (2021). Teoreticheskie vzglyady na gosudarstvo i byurokreatiyu. Moscow, HSE University Publ., 28 p. (In Russian).
19. Vepreva, I. T., & Jiaxu, Yao. (2021). Political immorality in the metaphorical dimension. Axiological aspects of modern philological research: abstracts of reports of the international scientific conference, Ekaterinburg, April 27, 2021. Ekaterinburg, Azhur Publ., pp. 24-29. (In Russian).
20. Sterledev, R. K., & Sterledeva, T. D. (2020). The problem of hyperformalization in social and mental processes of the 21st century. Worldview paradigm in philosophy: the instability of the modern world: a collection of articles based on the materials of the XV International Scientific Conference, Nizhny Novgorod, March 20, 2020. Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering Publ., 188 p. (In Russian).
21. Gerasimova, G. I., & Shvetsova, O. V. (2021). Funktsional'nye osobennosti deyatel'nosti molodezhnykh parlamentskikh struktur Tyumenskoy oblasti. Vuzovskaya nauka: problemy podgotovki spetsialistov: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Tyumen, December 01, 2020. Vyp. 18. Tyumen, Industrial University of Tyumen Publ., 2021, pp. 221-224. (In Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Герасимова Галина Ивановна, доктор социологических наук, профессор кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, gerasimovagi@tyuiu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5670-1784>

Крюкова Светлана Алексеевна, аспирант, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень

Швецова Ольга Владимировна, аспирант, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень

Galina I. Gerasimova, Doctor of Sociology, Professor at the Department of Marketing and Government Administration, Industrial University of Tyumen, gerasimovagi@tyuiu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5670-1784>

Svetlana A. Kryukova, Postgraduate, Industrial University of Tyumen

Olga V. Shvetsova, Postgraduate, Industrial University of Tyumen

Статья поступила в редакцию 19.02.2024; одобрена после рецензирования 26.02.2024; принята к публикации 29.02.2024.

The article was submitted 19.02.2024; approved after reviewing 26.02.2024; accepted for publication 29.02.2024.

УДК 316.74:316.334.56

DOI: 10.31660/1993-1824-2024-1-53-68

Городские особенности мусульманской религиозности в Среднем Поволжье

М. В. Кильдеев

*ГБУ «Республиканский центр молодежных, инновационных и профилактических программ «Навигатор», Казань, Россия
makhmud_e@rambler.ru*

Аннотация. В статье рассматривается городская религиозность в качестве универсального, функционального явления для общественных систем. Цель статьи — дать социологическую характеристику состояния мусульманской религиозности в городах советского Среднего Поволжья. Проблемой статьи является устойчивость городской мусульманской религиозности в условиях унификации и стандартизации городской жизни. Идеи и методы сельско-городской социологии и чикагской социологии города приложены к изучению мусульманской религиозности в Среднем Поволжье в советский и постсоветский периоды. Рассматриваются подходы советских исследователей религиозности, показаны достоинства и недостатки, обусловленные в основном неавтономным статусом социологии религии в СССР. Реализация цели исследования потребовала привлечения в качестве эмпирической базы большого объема историко-социологического материала. Для оценки актуального состояния проблемы было проведено интервьюирование, в котором приняли участие 104 горожанина-татарина — жители окраинного жилого массива г. Казани. Метод исследования — телефонное интервью. Религия и религиозность в статье рассматриваются как пространственное явление, как адаптивный ресурс социума, как фактор поддержания социального порядка. Исследование позволило выявить ряд условий, способствующих сохранению религиозности в городских условиях. Определено, что религиозность городских и сельских татар в советские времена имела общие свойства, включая отсутствие у верующих стремления к демонстрации своей религиозной идентичности, поверхностное знание ими основ вероучения, неотделимость национальных, семейных традиций от религиозных, «фемининность», «обрядовость» и т. д.

Ключевые слова: городская религиозность, секуляризация, «советский ислам», Среднее Поволжье

Для цитирования: Кильдеев, М. В. Городские особенности мусульманской религиозности в Среднем Поволжье / М. В. Кильдеев. – DOI 10.31660/1993-1824-2024-1-53-68 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2024. – № 1. – С. 53–68.

Urban features of Muslim religiosity in the Middle Volga region

Mansour V. Kildeev

*"Navigator" Republican Center for Youth, Innovative and Preventive Programs, Kazan, Russia
makhmud_e@rambler.ru*

Abstract. The article examines urban religiosity as an essential and functional phenomenon for all social systems. The article aims to provide a sociological description of Muslim religiosity in the urban area of the Soviet Middle Volga region. During the pre-revolutionary and Soviet periods, the study of religiosity was primarily focused on rural areas. As the Russian state's modern agrarian policy stimulates urbanization, and the rural population in Central Russia rapidly declines, the topic of urban religiosity has become increasingly important. The aim of this article is to examine the stability of Muslim religiosity in the conditions of unification and standardi-

zation of urban life. To achieve this, the study applies the concepts and techniques of rural-urban sociology and the Chicago school to the analysis of Muslim religiosity in the Middle Volga region during both the Soviet and post-Soviet periods. To achieve the aim of the study, a significant amount of historical and sociological material was necessary as an empirical base. In order to investigate the issue, interviews were conducted with 104 Tatar residents of the suburban area of Kazan. The research method is a telephone interview. The article considers religion and religiosity as a spatial phenomenon, as an adaptive resource of society and as a factor in maintaining social order. The study identified several conditions that contribute to the preservation of religiosity in urban areas. It has been determined that the religiosity of urban and rural Tatars during Soviet times shared common characteristics. These included the lack of a desire among believers to demonstrate their religious identity, their superficial knowledge of the basics of dogma, the inseparability of national, family traditions from religious ones, "femininity", "rituality", etc. Within Soviet cities there were different transitional types of settlements and zones. Believers preferred to settle on the outskirts of cities, which attracted them with the opportunity to lead a lifestyle close to that of a peasant. The demarcation between the two types of religiosity occurs in the post-Soviet period.

Keywords: urban religiosity, secularization, "Soviet Islam", Middle Volga region

For citation: Kildeev, M. V. (2024). Urban features of Muslim religiosity in the Middle Volga region. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, (1), pp. 53-68. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2024-1-53-68

Введение

Интерес общественных наук к городской религиозности появился в начале 20 века в связи с необходимостью изучения процессов приспособления религиозных сообществ, в том числе мигрантских, к жизни в современном городе. У этого направления исследований нет богатой предыстории в виде дореволюционных этнографических обследований как у исследований сельской религиозности. В дореволюционный и советский периоды изучение религиозности населения локализовалось преимущественно сельской местностью. В связи с тем, что современная аграрная политика государства стимулирует урбанизационные процессы, и численность сельского населения в средней полосе стремительно сокращается, тема городской религиозности вышла на передний план. Изучение городской религиозности берет начало не только в социологии религии, но и в социологии города, возникшей в те же десятилетия.

Проблемой статьи является устойчивость городской мусульманской религиозности в условиях унификации и стандартизации городской жизни. Цель исследования — изучение советской и постсоветской городской религиозности на примере городов Среднего Поволжья. Регион выбран в качестве объекта как исторически сложившаяся область, которая считается регионом традиционного распространения ислама.

Актуальность темы исследования определяется тем, что советский атеизм наложил отпечаток на духовную жизнь народов Российской Федерации. И современная массовая религиозность, и современный атеизм во многом являются продуктом той эпохи. Ретроспективное изучение городской мусульманской религиозности в Среднем Поволжье имеет значение для установления преемственности между советской (модернистской, традиционалистской, «обрядовой» и «бытовой») и современной (неотрадиционалистской, фундаменталистской и прочей) религиозностью.

Литературный обзор

Особую ценность для понимания феномена городской религиозности представляют классические труды М. Вебера, Г. Ле Бра, П. Сорокина [1], Л. Вирта, Э. Берджесса. Основы понимания современного города как секуляризованного пространства заложены М. Вебером. Капиталистический город «западного» типа подрывает сословные и религиозные иерархии, в отличие от «восточного» города, который живет по тем же нормам, что и окружающие сельские общества [2]. Диктуемые городом условия жизни способствуют секуляризации всех сторон социальной жизни. Расцвет современной городской цивилизации совпадает с упадком традиционной религии. Как и венгерский исследователь М. Мураньи, под традиционной религиозностью мы понимаем тесную связь с какой-либо конфессией, основательное знакомство с системой верований и их безоговорочное принятие, строгое следование религиозным заповедям и активное, систематическое участие в богослужениях [3].

Для понимания религиозности как пространственного явления нельзя пройти мимо чикагской школы социологии. Сама религиозность не находилась в центре внимания этой школы. Классик чикагской школы Л. Вирт в качестве важнейших признаков городского образа жизни (урбанизма) называет такие, которые не оставляют место для бытования традиционной религиозности: преобладание деловых, кратковременных, анонимных связей; отмирание соседских связей и общения; уменьшение социального значения семьи и передача многих ее функций различным институтам, превращение большой традиционной семьи в нуклеарную, ослабление связей и зависимости между родственниками; снижение роли традиций в регулировании поведения личности и т. д. [4]. Таким образом, религиозность относилась к несвойственным для городской среды явлениям, за исключением мигрантских гетто [5]. Однако представители школы первыми обратили внимание на феномен пространственной сегрегации городской среды. Э. Берджесс пишет о том, что рост города сопровождается распределением населения по разным местам проживания и профессиональным нишам, приводя к дифференциации города на неоднородные ареалы (концентрические зоны) и образованию локальных сообществ [6].

Один из первых советских социологов, включившихся в изучение проблем религии и атеизма, Ю. А. Левада в качестве ведущих особенностей сельской религиозности называет сравнительно больший компонент ритуализма, религиозно-этические табу, локальную общинность, личное влияние служителя культа, слепое доверие к догмам и т. п. Он пишет, что влияние города расшатывает или полностью устраняет эту специфику. В капиталистической реальности процессы урбанизации и развитие товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве обуславливают упадок или деформацию религиозной жизни. Сюда относятся разрушение локальной общины, скрепленной непосредственно личными узами, переоценка «рутинных» форм культуры, развитие современных форм хранения и передачи социальной информации. Левада приводит широко известное высказывание Г. Ле Бра о том, что из 100 французских крестьян, переезжающих в Париж, 90, едва выйдя за пределы вокзала, перестают быть верующими (имеется в виду, что перестают посещать церковь) [7].

Проблема перетекания сельского типа религиозности в городской имелась и в нашей стране. В послевоенный период Советский Союз переживает процесс превращения из индустриально-аграрной страны в индустриальную. Коллективизация, развитие промышленности, создание новых городов способствовали переселению сельских жителей в города. Если в 1959 году в городской местности проживало менее половины населения СССР (47,8 %), то в 1986 году — уже две трети (65,6 %). Промышленный советский город представлял собой вызов для всех конфессий, вынужденных приспособиться к новым секулярным реалиям. Здесь с первых лет новой власти шел процесс ускоренного высвобождения населения из-под религиозного влияния.

Религиозность сельской местности и безрелигиозность города советскими авторами объяснялась механистически, различием в образовательном уровне: «... чем выше образованность людей, тем выше их уровень атеистической убежденности, и наоборот, чем ниже образование людей, тем ниже их уровень атеистической убежденности» [8]. Подразумевалось, что в городской местности религиозное поле неуклонно сокращается по мере распространения всеобщего образования и в скором времени непременно исчезнет. Усилению атеистического мировоззрения объективно способствовали урбанизация и рост образовательного уровня советских граждан. Как известно, общеобразовательная и высшая школы участвовали в воспитании у учащихся политической лояльности и атеистической убежденности.

Исследователи городской религиозности в СССР в качестве ведущего признака урбанизма рассматривали социально-профессиональную структуру, с преобладанием в ней «передовых» слоев общества: промышленных рабочих, интеллигенции и служащих [9]. Они абсолютизировали влияние социальной структуры общества, при этом игнорируя тот факт, что религиозность как любое социальное явление имеет не только социальное, но и пространственное измерение.

Некоторые исследователи «пережитков религии» в сельской местности обращали внимание на то, что видимая, наблюдаемая часть городской религиозности имела ярко выраженное сельское происхождение и концентрировалась в городском частном секторе. Э. Г. Филимонов, имея в виду баптистов, пишет: *«верующие, прибывшие из сел..., как правило, оседают на окраине городов, ведут подсобное хозяйство. Среди данной категории верующих сохраняются пережитки хозяйственного индивидуализма, мелкобуржуазной психологии»* [10]. Л. Мандрыгин делает похожий вывод. *«Очень часто религиозность держится в пригородах, различного рода местечках и районах, где высок процент мелкобуржуазных источников жизни человека. В пригороде Воронежа... в значительной степени население живет за счет своего огорода, сада, то есть мелкобуржуазных источников»*¹.

Значительным недостатком советской социологии религии являлось узкое понимание термина секуляризация, который фиксирует процесс снижения влияния религии на общество.

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 606. Оп. 4. Академия общественных наук при ЦК КПСС. Институт научного атеизма. № 34. Л. 79.

Секуляризация рассматривалась в основном в личностной плоскости как упадок религиозности и распространение атеистического и материалистического типа личности. «Процесс высвобождения из-под влияния религии всех сторон и уровней жизнедеятельности общества и личности и утверждения в общественном и индивидуальном сознании материалистического мировоззрения» [11]. Эмпирических моделей этого процесса, в отличие от конкретных систематизаций, типологий, классификаций, основанных на термине «религиозность», советские ученые не создали. Введенное А. А. Лебедевым понятие «степень секуляризации населения» на практике мало чем отличалось от «степени религиозности и атеизма» [9; 12]. Советские авторы видели только процессы снижения религиозности, зачастую мнимые, и при этом игнорировали другие формы проявления секуляризации.

В отличие от советских, западные авторы дистанцировались от собственно антирелигиозной политики советского государства и могли оценить глубину процесса секуляризации советского общества, которая, по всей видимости, не зависела напрямую от антирелигиозной политики. Исследователя из Турции Надира Девлета интересовало влияние секуляризации на этнические процессы внутри татарского и башкирского этносов. Девлет, ссылаясь на данные социологических и других исследований, почерпнутые из советских источников, признает, что советская антирелигиозная политика в некоторой мере имела успех, поскольку способствовала размыванию этнических устоев: эндогамных установок, которые поддерживались религиозными запретами, и семейных традиций [13].

Обзор современных городских исследований в России показывает, что урбанистическое направление до сих пор остается неинституционализированным: в стране нет авторитетных центров изучения городских сообществ и городской культуры, в отечественных учебниках городская социология не представлена как отдельное и самостоятельное научное направление, в отличие от классических западных учебников, где урбанистические исследования рассматриваются отдельно и основательно [14].

Материалы и методы

Методология исследования опирается на исследования вышеназванных авторов. Религия и религиозность рассматриваются как пространственное явление, как средство адаптации этнической группы к условиям жизни в городе и как фактор поддержания социального порядка. Эмпирической базой исследования послужили материалы социологического изучения уровня религиозности населения Среднего Поволжья, которым в советские годы занимались местные партийные органы под методическим руководством Института научного атеизма при Центральном комитете Коммунистической партии Советского Союза (ЦК КПСС). Взаимоотношения власти и религиозных институтов в данный период неплохо описаны благодаря открытым архивам правительственных органов, ответственных за взаимодействие с конфессиями. Гораздо хуже обстоит дело с неофициальными религиозными институтами и практиками. Поскольку цель исследования связана с неформальными религиозными практиками, основным методом изучения является анализ социологических источников советского периода. Такие со-

циологические материалы редко публиковались и доступны по большей части в сохранившихся партийных архивных фондах.

В целях изучения специфики городской мусульманской религиозности автором в апреле–мае 2020 г. проведено исследование методом телефонного интервью среди татар — жителей внутригородских поселков г. Казани (Новое Караваево и п. Северный). Опрошено 104 человека в возрасте от 54 до 87 лет.

Результаты и обсуждение

В поздний период существования СССР пропаганда продолжала внедрять в массовое сознание образ советского человека — атеиста и материалиста. Согласно различным исследованиям, проведенным в конце 1960-х — начале 1970-х годов, доля нерелигиозного населения составляла 74 % в г. Канаш, 78 % в г. Шумерля Чувашской Автономной Советской Социалистической Республики (АССР) [15], 80 % в г. Казани, 82 % в г. Пензе, 85 % в г. Воронеже, 87 % в г. Калуге, 90 % в г. Печоре Коми АССР [16]. Согласно публикуемым данным, в городах верующие были представлены пожилыми, малообразованными людьми, домохозяйками, неквалифицированными рабочими. Преобладающим стал безрелигиозный тип мировоззрения, носителями которого считались образованные, квалифицированные горожане.

Более углубленное изучение проблемы дает несколько иные результаты. По мере поступления данных о повторных исследованиях социологи начали обращать внимание на то, что не происходит ожидаемого естественного угасания религии. В 1966 году казанским Институтом научного атеизма проведено масштабное выборочное изучение взрослого населения г. Казани. 61 % татар пенсионного возраста отнесли себя тогда к верующим мусульманам². Если соотнести нижний пенсионный возраст с исторической хронологией, то выяснится, что личностное становление того поколения пенсионеров завершилось еще до коллективизации и первых пятилеток. Казалось бы, за 20 лет категория пенсионеров должна полностью обновиться, а ей на смену прийти когорта, свободная от религиозного влияния, пополнение с заводов, фабрик и из советских учреждений. Однако к следующему исследованию, проведенному в 1987 году, доля верующих среди казанских пенсионеров-татар поднялась до 66 %³. Таким образом, секуляризация в советском городе не носила необратимый характер.

Из имеющихся в нашем распоряжении данных наиболее показательным для характеристики состояния секуляризованности городов Среднего Поволжья нам представляется исследование, проведенное в драматический период распада коммунистической идеологии, в 1989 году городским комитетом КПСС г. Казани. Исследованием охвачены предприятия, научно-исследовательские учреждения, организации транспорта и связи города, таким образом, опрашивались только работающие граждане, незави-

² Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (Казань) (ЦГАИПД РТ). «Докладная записка об итогах социологических исследований состояния религиозности населения г. Казани». Ф. 26. Оп. 37. Д. 1089. Л. 263–264.

³ Отчеты Института научного атеизма АОН при ЦК КПСС о состоянии религиозности населения (по результатам социологического исследования в Приволжском районе г. Казани). ЦГАИПД РТ. Ф. 15. Оп. 15. Д. 934. Л. 2–43.

симо от национальности. Данные говорят о преобладании неверующих и атеистов во всех возрастных группах трудящихся (таблица).

**Отношение трудящихся к религии в зависимости от возрастной категории (1989), в %⁴
Казань, n = 721**

Возраст	Считают себя :		
	верующими	неверующими	атеистами
18–25 лет	14,3	73,6	12,0
25–35 лет	8,6	82,0	9,5
35–45 лет	17,0	65,6	17,4
старше 45	26,2	52,5	21,1

Картина, получаемая советскими социологами, должна быть признана типичной для горожан, социализированных в смешанных по национальному составу средних школах, проживавших в полученных от предприятий квартирах в многоэтажных жилых домах. Можно утверждать, что религиозность в этой среде, если и имела место, то носила подавляемый и латентный характер. Однако ситуация меняется, если «приблизить картинку» на общем фоне. Сразу проявляются территориальная и социальная разнородность советского города, который состоял не только из исторического центра, «социалистических городков» и «спальных» районов.

В дореволюционные времена мусульманское население в российских городах проживало обособленно, образуя национальные слободы, улицы или кварталы. Советская жилищно-коммунальная политика была направлена на ликвидацию сегрегации городской среды по национальному или религиозному признаку. Однако и много позже 1917 года внутри городов Среднего Поволжья существовали микрорайоны с высокой долей татарского населения и высоким уровнем религиозности. В 1966 году социологи сделали наблюдение, что верующие неравномерно распределены внутри города. Самый высокий процент верующих наблюдается в старых частях Казани с значительной долей татарского населения и малоэтажной жилой застройкой, а самый низкий — в новых микрорайонах многоэтажной застройки [17]. В Приволжском районе, включавшем в себя часть исторических татарских слобод, и в Ленинском районе, объединявшем окраинные городские поселки, религиозными были примерно по 30 % проживавших там татар. А, к примеру, в Советском районе, массовая жилая застройка в котором началась в 1950-е, верующим назвал себя лишь каждый шестой татарин⁵.

Архивы полны сведений о том, что в городах Среднего Поволжья, в частности в Казани, религиозная жизнь наиболее активно проявлялась в городском частном секторе. Молельный дом «секты» евангельских христиан-баптистов действовал в частном доме по улице Светлой в слободе Игумновой (Кировский район, 1979 г.)⁶. Большое число христиан-баптистов проживало в поселках Северный и Сухая Река (Ленинский

⁴ ЦГАИПД РТ. Ф. 15. Оп. 15. № 1626. Л. 47.

⁵ ЦГАИПД РТ (1967). Ф. 26. Оп. 37. Д. 1089. Л. 262, 264.

⁶ ЦГАИПД РТ. Ф. 26. Оп. 43. Д. 873. Л. 9.

район)⁷. В Кировском районе, в Ягодной слободе в 1977 году прекращены молитвенные собрания мусульман, организаторы собраний предупреждены о наказании за нарушение законодательства о культах⁸.

Знакомство с «анкетами» заявителей о легализации мечети в городе Бугульме Татарской АССР показывает, что подавляющая их часть — это вытесненные из сельской среды крестьяне, в том числе ранее раскулаченные и репрессированные⁹. Будущая мечеть представляла собой выкупленный общиной частный жилой дом. К середине 1980-х повсеместно в городах Татарской Автономной Советской Социалистической Республики (ТАССР) действовали неофициальные мечети в частных домах¹⁰.

Особенности индустриализации и урбанизации в Среднем Поволжье в 1930-40-х гг. заключались в том, что рядом с городами, такими как Казань, Горький, Дзержинск, Уфа, строились и расширялись крупные оборонные предприятия (в г. Казани — Казанское моторостроительное производственное объединение (КМПО), Казанский авиационный завод № 22 им. С. П. Горбунова, Казанский вертолетный завод (КВЗ), Казанский пороховой завод им. Ленина, химпредприятия в г. Дзержинске). Поскольку их производственные процессы требовали большого количества рабочей силы, а строительство жилья для работников сильно отставало от потребности, вокруг заводов вырастали огромные самозастроенные поселки. Как пишет исследователь советской архитектуры М. Г. Меерович, в советской градостроительной системе отсутствовало понятие индивидуального жилища, индивидуальная застройка не планировалась при проектировании новых городских районов и поселков. «В реальности же власть, под давлением обстоятельств, вынуждена была закрывать глаза на присутствие частного жилищного строительства в соцгородах-новостройках и на периферии существовавших городов, чтобы хоть как-то ослабить острейший дефицит жилья» [18].

Жители поселков, преимущественно переселенцы из колхозной деревни, работали на заводах, а в остальном продолжали вести типичный для села образ жизни — заводили подсобное хозяйство, держали в собственности коров, овец и лошадей. Образ жизни людей, ушедших от коллективизации и получивших в городе относительную экономическую свободу, беспокоил государство. Об этом свидетельствует появление постановления бюро ЦК КПСС по РСФСР «О запрещении содержания скота в личной собственности граждан, проживающих в городах и рабочих поселках». Постановление коснулось 12,5 млн горожан, имевших в 1958 году свои огороды¹¹. Данное решение было экономически неоправданным и продиктовано идеологическими соображениями¹². Власть полагала, что подсобное хозяйство отвлекает граждан от участия в общественном производстве.

Авторы энциклопедического издания «Ислам в Центрально-Европейской части России», изучая татарскую миграцию в регион периода 1920–1950-х годов, установили такую закономерность, что при поселении в городе крупной (несколько сотен человек)

⁷ ЦГАИПД РТ. Ф. 26. Оп. 43. Д. 873. Л. 21.

⁸ ЦГАИПД РТ. Ф. 26. Оп. 43. Д. 622. Л. 10.

⁹ Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. Р-873. Оп. 9. Д. 75. 149 л.

¹⁰ «О деятельности мусульманских религиозных организаций на территории Татарской АССР» (от 2 сентября 1986 года). ЦГАИПД РТ. Ф. 15. Оп. 14. Д. 403. Л. 83.

¹¹ История советского рабочего класса. В 6 томах. Т. 4. – М.: Наука. 1984. – 592 с.

¹² Аналогичный запрет в отношении рабочих и служащих в 1919 году предполагал принять возглавляемый В.И. Лениным СНК РСФСР. См.: Ленин В.И. (1967). Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 38. М., С. 28.

группы татар, выходцев из одной местности, всегда возникала неформальная мусульманская община, руководимая наиболее образованным и подготовленным человеком¹³. Как известно, в исламе не предусмотрен институт священничества. Кто угодно, знающий арабский язык достаточно для правильного чтения молитв, может совершать необходимые обряды. Коллективные молитвы могут совершаться где угодно, а не только в мечети. В 1978 году исполнительный комитет (исполком) казанского городского совета депутатов провел своеобразную «перепись» неофициального мусульманского духовенства. Были выявлены 54 человека, нелегально проводившие религиозные службы. Наибольшее их число зафиксировано в Кировском, Ленинском и Советском районах города¹⁴. Неформальные религиозные лидеры, как правило, развивали активную общественную деятельность после выхода на пенсию, поэтому легко уходили из-под контроля государственных и общественных институтов.

В Казани многочисленная группа верующих мусульман (свыше 600 человек) из окраинных поселков Новое Караваяево и Северный в 1976 году ходатайствовали о регистрации религиозной общины. Необходимость второй мечети в городе обосновывалась ими отдаленностью от единственной на тот момент мечети, действовавшей в центре (до 15 км). Уполномоченному Совету по делам религий удалось установить, что «верующие, проживающие в Московском районе, регулярно проводят молитвенные собрания по пятницам не менее чем в 10 пунктах по 15–30 человек. Во избежание административного наказания, которое при первом случае нарушения законодательства о культурах предусматривает предупреждение, каждый раз молитвенные собрания проводятся по новым адресам и под руководством чередующихся служителей культа»¹⁵.

Приобщение к религиозной вере у городских верующих происходило в семье. Среди выявленных исследованием в Казани в 1966 году верующих 80 % указали, что приобщились к вере под влиянием родителей¹⁶. Причиной прихода к вере стало не чтение религиозной литературы или страх перед загробной жизнью, в существовании которой их в конце концов можно было бы переубедить, а полученное в семье и в старой конфессиональной школе воспитание. Религиозность носила характер традиции, передаваемой из поколения в поколение. При изучении общины бугульминской мечети в 1967 году 67 % верующих признали, что хранят у себя дома Коран и другие старинные книги [19]. Хранение и бережное отношение к старинным книгам, доставшимся по наследству, говорит об устойчивости и преемственности религиозных традиций.

Автор в 2020 году провел исследование состояния религиозности в одном из окраинных жилых массивов г. Казани (п. Северный). Выбор объекта продиктован компактным проживанием татарского населения и высоким уровнем его религиозности. В поселке Северный после долгого противостояния с местными властями в 1983 году зарегистрирована вторая в Казани мусульманская религиозная община. По данным специальных исследований, жилье в этом микрорайоне не пользуется спросом на рынке недвижимости [20], что способствует стабильности социальной структуры и национально-

¹³ Ислам в Центрально-Европейской части России. Энцикл. слов. – М.: Медина, 2009. – 403 с.

¹⁴ НА РТ. Ф. Р-873. Оп. 9. Д. 131. Л. 68.

¹⁵ НА РТ. Ф. Р-873. Оп. 9. Д. 131. Л. 87.

¹⁶ ЦГАИПД РТ. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1089. Л. 267.

го состава населения. Выборка подобрана таким образом, чтобы охватить татар — жителей поселков, которые застали советские времена в сознательном возрасте.

Опрос показал, что у большинства опрошенных родители были верующими. Многие респонденты указывали на факты подавления религиозных чувств верующих, что сказывалось и на демонстрируемом религиозном (ритуальном) поведении городских татар. Например, верующие усвоили, что «нельзя вслух говорить о своей вере». Такой элемент благочестивого поведения, как демонстрация религиозной веры, в советской обыденной жизни считался поступком предосудительным, поэтому религиозность становится латентной. Респонденты по этому поводу говорили следующее: «Никто не запрещал верить в Аллаха, [вера] была у каждого внутри» (Гөлфия, 58 лет); «Татары внутри все верили, но на улице никто об этом не шумел» (Рэшидэ, 71 год). Некоторые из опрошенных критично высказывались относительно современного состояния веры и религиозности: «Нельзя напоказ выставлять свою веру, вера должна быть в душе», Факия, 74 года). Имелся некоторый отрыв религиозного сознания мусульман от предписываемого религиозного поведения. Большинство верующих охотно воспринимали различные послабления, касающиеся чтения молитвы, мусульманского поста и других элементов мусульманской религиозной практики.

Верующие воспроизводили в местах своего обитания элементы самоорганизации традиционной крестьянской общины, включая соседские отношения с единоверцами, благодаря чему религиозность в данном социуме оставалась социальной нормой не только для стариков, но и для новых поколений. Что касается неверующих, то респонденты высказывали отрицательное мнение по поводу соседства с ними: «Неверующие были кругом (езде)» («ханым», не представилась по имени, 80 лет); «Многие из моих верующих соседей до сих пор живы, а неверующие — бездельники, пьяницы — на том свете» (Әхмәтгәрәй, 84 года). Отвечая на вопрос «Каких людей было больше среди ваших соседей в советское время — верующих или неверующих», 38,5 % ответили, что было больше верующих, 27 % — что и тех и других было примерно поровну, 19 % ответили, что неверующих было больше. О степени конформности и адаптивности городских мусульман говорит тот факт, что большинство респондентов дали утвердительный ответ на вопрос о членстве в комсомоле (66 человек), и только 8 ответили, что в комсомоле не состояли.

В таких условиях вырабатывались свойства «советской» городской религиозности: латентность, адаптивность, фемининность, «обрядовость», приватность и такие формы поведения верующих мусульман, как стремление к воссозданию в городе привычных общинных форм самоорганизации, особое уважение к «народному» духовенству, недоверие к государственным институтам. Исследование показало, что потомки татар-переселенцев из сельской местности, жителей Казани первого поколения, сохраняли свою религиозность, а также в той или иной мере передавали ее своим детям и далее внукам. Этим можно косвенно подтвердить то, что религиозность не была исключительно привычкой или семейной традицией и в большей мере была выражением личных убеждений.

За пределами национальных республик, в городах, куда мигрировало татарское население из Среднего Поволжья, религиозность сохраняли мигранты из сельской местности, в то время как их дети и внуки ее утрачивали [21]. Те единичные мечети, действовавшие в столичных и областных центрах, играли важную роль в консолидации

и интеграции татарского населения в иноязычном этническом окружении. О том, что мечети в городах Москва, Ленинград, Пенза становились местом притяжения для татарского населения, сообщает в своем докладе ученый секретарь Института научного атеизма Ю. П. Зуев: «конфессиональные организации служат средством и местом удовлетворения потребности в национальном общении», «при этом мечети, молитвенные дома обычно служат представителям соответствующих национальностей и для того, чтобы поговорить на родном языке, обсудить земляческие дела, договориться о помощи ..., то есть играют роль своеобразного национального клуба»¹⁷.

Городская мусульманская религиозность в условиях трансформации российского общества

Ислам исторически сложился в качестве городской религии [22]. Для городского ислама особенно свойственна высокая общественная активность. После отмены в 1990 году ограничений на деятельность религиозных организаций и утраты обязательной силы антирелигиозных постановлений ЦК КПСС религиозные организации обрастают общественными организациями, действующими в русле реформистского движения, благотворительными организациями и фондами, просветительской, издательской деятельностью, то есть всем тем, что отличало мусульманскую общину в российских городах в период 1905–1917 гг. «Городская» религиозность как массовое публичное явление у татар возрождается в постсоветский период. В короткий период развала СССР многие авторы продолжают указывать на этнический характер мусульманского вероисповедания среди народов Российской Федерации. По наблюдению А. Давлетшина, в 1980-е годы мусульман, не владевших языком какого-нибудь традиционно мусульманского народа бывшего СССР, в стране почти не было [23]. Этнический характер ислама в Москве, Казани и других городах России способствовал укреплению связи верующих со своей этнической группой. В начале 1990-х гг. «вернувшиеся к вере» этнические мусульмане, не владевшие родным языком, приобщившись к исламу, принимались изучать язык своих предков, испытывали интерес к национальной культуре и истории. Связь между религиозностью и национальностью происходила через татарский язык — язык проповедей.

В настоящее время религиозность приобретает много новых черт, которые не были ей свойственны в дореволюционный и в советский периоды. Этому периоду характерно зарождение в городах Среднего Поволжья новых форм религиозной жизни, подобных т. н. «новым религиозным движениям» и фундаменталистскому исламу мигрантских гетто на Западе. Мусульманская община в городах Среднего Поволжья становится полиэтничной. Полиэтничность вместе с появлением большого числа альтернативных каналов религиозной социализации делает общину более разнородной и более конфликтной. Доминирование мигрантов и неофитов ведет к отрыву верующих Среднего Поволжья от сохранявшихся по сей день локальных религиозных и национальных традиций и способствует распространению направлений глобалистского толка.

Изучению внутренних процессов в мусульманской среде препятствует недостаток новых подходов к изучаемой проблеме. Традиционные социологические методы выявляют высокий уровень религиозности российского населения, который не корре-

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 4. Д. 86. Л. 12.

лирует с реальным религиозным поведением [24]. Современные окolorелигиозные авторы, пишущие на тему различий в сельской и городской религиозности у мусульман Среднего Поволжья, «городской» ислам рассматривают, с одной стороны, как более аутентичный [25], а с другой — как «осовремененный» русскоговорящий [26]. Региональный ислам, если вообще попадает в поле их зрения, представляется им «периферийным», наполненным вредными для веры заблуждениями. На наш взгляд, актуальным сегодня является изучение городской мусульманской религиозности как социокультурного явления, которое претерпевает изменения под влиянием социальных обстоятельств. К таким изменениям мы относим девальвацию этнорелигиозных ценностей и отдаление от региональной конфессиональной ментальности.

Выводы

Городская мусульманская религиозность в советские времена была трудноотделима от сельской, поскольку в условиях стремительной урбанизации основную массу верующих составляли переселенцы из сельской местности и их потомки. Известные историкам неофициальные мечети и общины в городах Среднего Поволжья и за его пределами создавались выходцами из сельской местности. Свойства религиозности у городских и сельских татар были общими, включая отсутствие стремления к демонстрации своей религиозной идентичности, поверхностное знание основ вероучения, неотделимость национальных, семейных традиций от религиозных, «фемининность», «обрядовость», недоверие к государственным институтам и т. д.

Внутри советских городов существовали различные переходные типы поселений и зон. Верующие предпочитали селиться на окраинах городов, привлекавших их возможностью вести приближенный к крестьянскому образ жизни. Верующие татары-горожане и в советский и в постсоветский периоды сохраняют свои сельские и крестьянские корни. В крупных городах за пределами татарской и башкирской автономий татары, в отличие от многих других этнических диаспор, благодаря религии не стали номинальной группой или статистической совокупностью. В постсоветское время происходит размежевание между городским и сельским типами религиозности.

Предлагаемое в статье представление о религиозности как о пространственном явлении способно дать новые знания о феномене современного города, который привычно воспринимается как анонимное, отчужденное и т. п. пространство. На основе изучения городской религиозности формируется более точное представление о формах соседской общины и самоорганизации верующих.

Список источников

1. Sorokin, P. Principles of rural-urban sociology / P. Sorokin, C. C. Zimmerman. – New York : H. Holt, 1929. – 652 p. – Direct text.
2. Вебер, М. Город / М. Вебер. – Перевод изд.: The city / Max Weber, 1921. – Текст : непосредственный // История хозяйства. Город / М. Вебер ; перевод с немецкого ; под редакцией И. Гревса. – Москва : Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. – С. 335–486.

3. Мураньи, М. Психологические проблемы атеистического воспитания студенчества / М. Мураньи. – Текст : непосредственный // Вопросы научного атеизма. Выпуск 21. Атеизм и религия в условиях социалистического общества. – Москва : Мысль, 1977. – С. 170–180.
4. Вирт, Л. Гетто / Л. Вирт. – Перевод изд. : The ghetto / Luis Wirth. Chicago, 1928. – Текст : непосредственный // Чикагская школа социологии : сборник переводов / РАН. ИНИОН. Центр социальных научно-информационных исследований ; перевод с английского. – Москва : ИНИОН РАН, 2015. – С. 107–165.
5. Wirth, L. Urbanism as a way of life / L. Wirth. – Direct text // Cities and society / Edited by P. Hatt, A. Reiss. – New York : Free press of Glencoe, 1957. – P. 46–63.
6. Бёрджесс, Э. У. Рост города : введение в исследовательский проект / Э. У. Бёрджесс. – Перевод изд.: The growth of the city : An introduction to a research project / Ernest Watson Burgess. The city. Chicago, 1925. – Текст : непосредственный // Чикагская школа социологии : сборник переводов / РАН. ИНИОН. Центр социальных научно-информационных исследований ; перевод с английского. – Москва : ИНИОН РАН, 2015. – С. 20–34.
7. Левада, Ю. А. Социальная природа религии / Ю. А. Левада ; Академия наук СССР, Институт философии. – Москва : Наука, 1965. – 261 с. – Текст : непосредственный
8. Лебедев, А. А. Конкретные исследования в атеистической работе. – Москва : Политиздат, 1976. – 70 с. – Текст : непосредственный.
9. Лебедев, А. А. Секуляризация населения социалистического города / А. А. Лебедев. – Текст : непосредственный // К обществу, свободному от религии (Процесс секуляризации в условиях социалистического общества). – Москва : Мысль, 1970. – С. 132–159.
10. Филимонов, Э. Г. Социологические исследования процесса преодоления религии в сельской местности : итоги, проблемы, перспективы / Э. Г. Филимонов. – Текст : непосредственный // Вопросы научного атеизма. Выпуск 16. – Москва : Мысль, 1974. – С. 71–88.
11. Лопаткин, Р. А. Возможности социологического исследования процесса секуляризации / Р. А. Лопаткин. – Текст : непосредственный // Вопросы религии и религиоведения. Выпуск 1 : Антология отечественного религиоведения : сборник. Часть 1 : Институт научного атеизма. – Москва : РАГС, 2009. – С. 377–386.
12. Соловьев, В. С. Атеизм и формирование нового человека. – Йошкар-Ола : Марийское книжное издательство, 1979. – 167 с. – Текст : непосредственный.
13. Devlet, N. Islamic revival in the Volga-Ural region / N. Devlet. – Text : electronic // Cahiers du monde russe et soviétique. – 1991. – Vol. 32, Issue 1. – P. 107–116. – URL: <https://www.jstor.org/stable/20170768>
14. Антропологическое понимание города и методология урбанистического изучения / Ю. П. Шабаев, А. П. Садохин, О. В. Лабунова, Н. Н. Сазонова. – Текст : электронный // Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные перемены. – 2018. – № 3. – С. 248–267. – URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.13>

15. Кудряшов, Г. Е. Динамика полисинкретической религиозности. Опыт историко-этнографического и конкретного социологического исследования генезиса, эволюции и отмирания пережитков чувашей / Г. Е. Кудряшов. – Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 1974. – 355 с. – Текст : непосредственный.
16. Рогачев, М. Б. Влияние городского образа жизни на процесс упадка религиозности верующего / М. Б. Рогачев. – Текст : непосредственный // Традиционная культура и быт народа Коми. – Сыктывкар : Коми филиал АН СССР, 1978. – С. 118–128.
17. Валеев, М. Социологическое исследование и атеистическое воспитание / М. Валеев. – Текст : непосредственный // Партийная жизнь. – 1968. – № 8. – С. 56–61.
18. Меерович, М. Г. Концепция «социалистического города» и практика ее реализации / М. Г. Меерович. – Текст : непосредственный // Советское градостроительство. 1917–1941. Книга первая. – Москва : Прогресс-Традиция, 2018. – С. 180–239.
19. Тагиров, Р. Г. Критерии религиозности и типология современного верующего (На примере ислама) : диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. – Казань, 1972. – 127 с. – Текст : непосредственный.
20. Старикова, М. М. Рынок жилья как отражение жилищной стратификации городов / М. М. Старикова. – Текст : электронный // Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные перемены. – 2020. – № 5. – С. 403–429. – URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.924>.
21. Старовойтова, Г. В. Проблемы этносоциологии иноэтнической группы в современном городе (на материалах исследования татар в Ленинграде) : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Ленинград, 1980. – 219 с.
22. Уотт, У. Монтгомери. Влияние ислама на средневековую Европу / У. Монтгомери Уотт ; перевод с английского. – Текст : непосредственный. – Москва : Наука, 1976. – 128 с. – Перевод изд.: *The influences of islam on medieval Europe* / W. Montgomery Watt. Edinburgh, 1972. – Текст : непосредственный.
23. Давлетшин, А. Новые мусульмане. Десять лет наблюдений / А. Давлетшин. – Текст : электронный // Рамазановские чтения. – 2007. – № 2. – URL: <http://www.islamrf.ru/news/library/books/4239>.
24. Возьмитель, А. А. Социология религии в России : проблемы и перспективы / А. А. Возьмитель. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2007. – № 2. – С. 110–117.
25. Бустанов, А. «Триумф городского ислама стал главной особенностью постсоветского времени» / А. Бустанов. – Текст : электронный // Бизнес Online : деловая электронная газета. – 2020. – 16 авг. – URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/477944> (дата обращения: 11.08.2023).
26. Батыр, Р. «Русский язык ислама пришел к нам навсегда» / Р. Батыр. – Текст : электронный // Бизнес Online : деловая электронная газета. – 2020. – 01 фев. – URL: <https://www.business-gazeta.ru/blog/455883> (дата обращения: 11.08.2023).

References

1. Sorokin, P., & Zimmerman, C. C. (1929). *Principles of rural-urban sociology*. New York, N. Holt, 652 p. (In English).

2. Weber, M. (1921). The City. (In German).
3. Murányi, M. (1977). Psikhologicheskie problemy ateisticheskogo vospitaniya studenchestva. Voprosy nauchnogo ateizma=Questions of Scientific Atheism. Vypusk 21. Ateizm i religiya v usloviyakh sotsialisticheskogo obshchestva. Moscow, Mysl' Publ., pp. 170-180. (In Russian).
4. Wirth, L. (1928). The ghetto. Chicago (IL), University of Chicago press, pp. 1-39, 200-205, 222-226, 263-291. (In English).
5. Wirth, L. (1957). Urbanism as a way of life. Cities and society. New York, Free press of Glencoe, pp. 46-63. (In English).
6. Burgess, E. W. (1925). The growth of the city: An introduction to a research project. The city. Chicago (IL), University of Chicago press, pp. 47-62. (In English).
7. Levada, Yu. A. (1965). Sotsial'naya priroda religii. Moscow, Nauka Publ., 261 p. (In Russian).
8. Lebedev, A. A. (1976). Konkretnye issledovaniya v ateisticheskoy rabote. Moscow, Politizdat Publ., 70 p. (In Russian).
9. Lebedev, A. A. (1970). Sekulyarizatsiya naseleniya sotsialisticheskogo goroda. K obshchestvu, svobodnomu ot religii (Protsess sekulyarizatsii v usloviyakh sotsialisticheskogo obshchestva), Moscow, Mysl' Publ., pp. 132-159. (In Russian).
10. Filimonov, E. G. (1974). Sotsiologicheskie issledovaniya protsessa preodoleniya religii v sel'skoi mestnosti: itogi, problemy, perspektivy. Voprosy nauchnogo ateizma=Questions of Scientific Atheism. Vypusk 16, Moscow, Mysl' Publ., pp. 71-88. (In Russian).
11. Lopatkin, R. A. (2009). Vozmozhnosti sotsiologicheskogo issledovaniya protsessa sekulyarizatsii. Voprosy religii i religiovedeniya. Vypusk 1: Antologiya otechestvennogo religiovedeniya. Chast' 1: Institut nauchnogo ateizma, Moscow, RAGS Publ., pp. 377-386. (In Russian).
12. Solov'yev, V. S. (1979). Ateizm i formirovanie novogo cheloveka. Yoshkar-Ola, Mariyskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 167 p. (In Russian).
13. Devlet, N. (1991). Islamic revival in the Volga-Ural region. Cahiers du monde russe et soviétique, 32(1), pp. 107-116. (In English). Available at: <https://www.jstor.org/stable/20170768>
14. Shabaev, Yu. P., Sadokhin, A. P., Labunova, O. V., & Sazonova, N. N. (2018). Anthropological understanding of the city and urban research methodology. Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes, (3), pp. 248-267. (In Russian). Available at: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.13>
15. Kudryashov, G. E. (1974). Dinamika polisinkreticheskoy religioznosti. Opyt istoriko-etnograficheskogo i konkretnogo sotsiologicheskogo issledovaniya genezisa, evolyutsii i otmiraniya perezhitkov chuvashy. Cheboksary, Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 355 p. (In Russian).
16. Rogachev, M. B. (1978). Vliyanie gorodskogo obraza zhizni na protsess upadka religioznosti veruyushchego. Traditsionnaya kul'tura i byt naroda Komi, Syktyvkar, Komi filial of AN SSSR Publ., pp. 118-128. (In Russian).

17. Valeev, M. (1968). Sotsiologicheskoe issledovanie i ateisticheskoe vospitanie. Partiy'naya zhizn', (8), pp. 56-61. (In Russian).
18. Meerovich, M. G. (2018). Kontseptsiya «sotsialisticheskogo goroda» i praktika ee realizatsii. Sovetskoe gradostroitel'stvo. 1917-1941. Kniga pervaya. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., pp. 180-239. (In Russian).
19. Tagirov, R. G. (1972). Kriterii religioznosti i tipologiya sovremennogo veruyushchego (Na primere islama). Diss. ... kand. filos. nauk, 127 p. (In Russian).
20. Starikova, M. M. (2020). Housing Market as a Reflection of Urban Housing Stratification. Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes, (5), pp. 403-429. (In Russian). Available at: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.924>
21. Starovoytova, G. V. (1980). Problemy etnosotsiologii inoetnicheskoy gruppy v sovremennom gorode (na materialakh issledovaniya tatar v Leningrade). Diss. ... kand. ist. nauk. Leningrad, 219 p. (In Russian).
22. Watt, W. Montgomery (1972). The influens of islam on medieval Europe. Edinburgh, 128 p. (In English).
23. Davletshin, A. (2007). Novye musul'mane. Desyat' let nablyudeniya. Ramazanovskie chteniya, (2). (In Russian). Available at: <http://www.islamrf.ru/news/library/books/4239>
24. Voz'mitel, A. A. (2007). Sociology of religion in Russia - issues and prospects. Sotsiologicheskie issledovaniya, (2), pp. 110-117. (In Russian).
25. Bustanov, A. (2020). "Triumf gorodskogo islama stal glavnoy osobennost'yu postsovetskogo vremeni". (In Russian). Available at: <https://www.business-gazeta.ru/article/477944>
26. Batyr, R. (2020). "Russkiy yazyk islama prishel k nam navsegda". (In Russian). Available at: <https://www.business-gazeta.ru/blog/455883>

Информация об авторе / Information about the author

Кильдеев Мансур Вилевич, кандидат социологических наук, социолог, ГБУ «Республиканский центр молодежных, инновационных и профилактических программ «Навигатор», г. Казань, makhmud_e@rambler.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4353-8380>

Mansour V. Kildeyev, Candidate of Sociology, Social Scientist, "Navigator" Republican Center for Youth, Innovative and Preventive Programs, Kazan, makhmud_e@rambler.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4353-8380>

Статья поступила в редакцию 23.01.2024; одобрена после рецензирования 31.01.2024; принята к публикации 12.02.2024.

The article was submitted 23.01.2024; approved after reviewing 31.01.2024; accepted for publication 12.02.2024.

УДК 316.628
DOI: 10.31660/1993-1824-2024-1-69-84

Образ здоровья и саморегуляция здоровьесберегающего поведения в культурном пространстве коронавирусной пандемии

Л. С. Ковальжина

Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия
kovalzhinals@tyuiu.ru

Аннотация. В статье представлены результаты исследования образа здоровья, сформировавшегося в сознании населения региона, и его связи со здоровьесберегающим поведением в условиях изменения культуры здоровья в процессе развития пандемии COVID-19. Обсуждаются вопросы возникновения и развития COVID-19 в мире и Российской Федерации, а также меры социального реагирования для сдерживания массового заражения в 2020–2022 годах. Приведены результаты анализа формализованного опроса взрослого населения Тюменской области старше 18 лет ($n = 384$ чел., полевой этап исследования — апрель 2022 года) и фокус-группового исследования. Рассмотрен спектр ассоциаций понимания категорий «здоровье», «идеальное здоровье», также дана оценка предпринимаемых респондентами действий для сохранения здоровья. Приводятся результаты анализа спектра представлений о коронавирусе COVID-19 и показатели оценки уровня восприятия угрозы COVID-19. Дана оценка уровня «восприятия угрозы» и соблюдения социальных норм защиты от заражения COVID-19, а также выявлены модели здоровьесберегающего поведения в пандемию, отражающие социокультурные особенности восприятия пандемии и сложившегося образа здоровья. На основании проведенного исследования выделены стратегии здоровьесберегающего поведения (стратегия профилактики, ситуативная и пассивная).

Ключевые слова: образ здоровья, культура здоровья, COVID-19, саморегуляция, здоровьесберегающее поведение

Для цитирования: Ковальжина, Л. С. Образ здоровья и саморегуляция здоровьесберегающего поведения в культурном пространстве коронавирусной пандемии / Л. С. Ковальжина. – DOI 10.31660/1993-1824-2024-1-69-84 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2024. – № 1. – С. 69–84.

The image of health and self-regulation of health-saving behavior in the cultural space of the COVID-19 pandemic

Larisa S. Kovalzhina

Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia
kovalzhinals@tyuiu.ru

Abstract. The article presents the results of a study on the image of health in the consciousness of the population of Tyumen region and its connection with health-saving behaviour in the context of changes in the culture of health during the COVID-19 pandemic. This text discusses the emergence and development of COVID-19 in the world and the Russian Federation, as well as the social response measures taken to contain mass contamination between 2020 and 2022. The results of the analysis of the formalized survey of the adult population of Tyumen region over 18 years of age ($n = 384$ persons, the field phase of the study is April 2022) and a focus group study are given. The spectrum of associations of understanding of the categories "health", "ideal health" is considered, also the assessment of actions taken by respondents to preserve health is given. The article presents the results of an analysis of the spectrum of ideas about the COVID-19 pandemic and indicators for assessing the level of perception of the threat of COVID-19. The level of "threat perception" and compliance with social norms of protection against COVID-19 infection are assessed, and models of health-saving behaviour in pandemic reflecting

sociocultural features of pandemic perception and health image are identified. Based on the study, strategies of health-saving behavior (prevention strategy, situational and passive) were identified.

Keywords: image of health, health culture, COVID-19, self-regulation, health-saving behavior

For citation: Kovalzhina, L. S. (2024). The image of health and self-regulation of health-saving behavior in the cultural space of the COVID-19 pandemic. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, (1), pp. 69-84. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2024-1-69-84

Введение

Образ здоровья с позиции социологии культуры — это комплексное представление о состоянии физического, психического и социального благополучия человека, которое формируется под влиянием совокупности факторов (социокультурных, экономических, политических и других) и отражается в общекультурных представлениях о здоровье и здоровьесберегающих практиках индивидов и групп. Образ здоровья отражает не только объективные показатели здоровья, но и субъективные оценки, ожидания, ценности, доминирующие в обществе, нормы и установки, связанные со здоровьем. Образ здоровья динамичен, зависит как от индивидуальных, так и от групповых особенностей, а также от социального контекста и времени. Пандемия COVID-19 в 2020–2022 годах привела к трансформации социальных норм сохранения здоровья, что оказало влияние на образ здоровья и здоровьесберегающее поведение индивидов и групп.

Литературный обзор

Рассматривая образ здоровья с позиции социологии культуры, необходимо отметить, что он формируется в результате взаимодействия индивида с группой и обществом в отношении здоровья, которое является одновременно продуктом и фактором культурной жизни. Образ здоровья отражает ценности, нормы, символы, идентичности, коммуникации и практики, связанные со здоровьем в разных культурных пространствах, таких как художественная, научная, религиозная, образовательная и т. д., создавая представление человека о том, каким должно быть его здоровье, чтобы он мог полноценно жить и развиваться, реализуя свои социальные функции.

Образ здоровья является отражением смысла здоровья в сознании индивида. В социологической практике один из первых применил категорию «смысл» М. Вебер, отмечая субъективность и осознанность целей в социальной деятельности [1]. Далее, развивая категорию «смысл», А. Шютц выделил в основании смысла важность мотива [2]. В свою очередь Г. П. Смирнов отмечает, что «под смыслом понимается определенный процесс или система согласования действий, основанная на осознанных целевых установках взаимодействующих субъектов» [3]. Согласно «социологии жизни» Ж. Т. Тощенко, «главным индикатором «жизненного мира» являются смыслы жизни, отражающие главное, сущностное, что содержится в общественном сознании, поведении (деятельности) в условиях определенной социальной среды. При всем многообразии характеристик жизни человека смыслы выступают понятиями и, соответственно,

показателями, которые выражают целостное видение, главные (основные, определяющие) ценности-принципы, связанные с целевыми установками» [4].

Среди российских исследователей образ здоровья рассматривается в смысловом контексте медикосоциальных проблем (И. В. Зябкина, Ю. Е. Сеницкая) и изучения особенностей здоровья различных половозрастных и профессиональных групп (С. В. Изусина, А. И. Сахно) [5–7].

На формирование образа здоровья влияют следующие факторы:

- Генетические факторы, представляющие собой наследственные особенности организма, определяющие его устойчивость или склонность к определенным заболеваниям, потенциал физического развития и старения. Генетические факторы могут влиять на образ здоровья индивида, создавая определенные ожидания, цели и ограничения в отношении своего здоровья.

- Состояние окружающей среды: природно-климатические условия жизнедеятельности (климат, экология, загрязнение, шум, радиация и т. д.) воздействуют на физическое и психическое состояние человека, на его возможности и ресурсы для поддержания и улучшения здоровья.

- Медицинское обеспечение — это доступность, качество и эффективность медицинских услуг, которые предоставляются человеку для профилактики, диагностики, лечения и реабилитации заболеваний. Медицинское обеспечение может влиять на образ здоровья, задавая ограничения и возможности сохранения здоровья при использовании современных технологий медицины.

- Условия и образ жизни — представляют собой совокупность привычек, паттернов поведения и выборов, которые делает человек в своей повседневной жизни в отношении питания, физической активности, отдыха, сна, стресса, вредных привычек и т. д.

- Социальная среда обеспечивает индивиду информационную поддержку, влияние, моделирование и обратную связь с референтными группами по поводу его здоровья и здоровьесберегающего поведения.

- Социальный статус, представленный положением индивида в обществе, может определять для него доступность, качество и эффективность ресурсов, услуг и возможностей для поддержания и улучшения здоровья, что создает границы возможностей и ожиданий в отношении своего здоровья.

- Культура здоровья формирует у индивида ценности, нормы, убеждения в отношении здоровья, которые характерны для референтной группы и общества в целом. Культура здоровья влияет на образ здоровья, определяя желательность, значимость и направленность здоровья и здоровьесберегающего поведения, а также может формировать стереотипы, предрассудки и дискриминацию в отношении к разным аспектам здоровья; и другие факторы [8].

Таким образом, образ здоровья — это сложное и многогранное понятие, отражающее взаимодействие между здоровьем и культурой в разных социальных контекстах и формируемый у индивида смысл желаемого и идеального представления о возможности своего здоровья в контексте его повседневной жизнедеятельности. Образ

здоровья является продуктом и фактором культурной жизни, которая оказывает влияние на сознание, поведение и ценности людей, а также подвергается воздействию различных внешних и внутренних факторов, которые могут способствовать его развитию или деградации, его сохранению или разрушению.

Формирование образа здоровья происходит посредством социальной регуляции в процессе установления и поддержания в обществе здоровьесберегающей деятельности. По мнению Ю. А. Зубок и В. И. Чупрова, социальная регуляция «может происходить целенаправленно или приобретать саморегулируемые формы» [9]. Целенаправленная регуляция здоровьесберегающей деятельности может осуществляться посредством:

- Формальных (законы, правила, стандарты, кодексы и др.) и неформальных социальных норм (обычай, традиции, мораль и др.), которые регулируют поведение индивидов и групп в соответствии с общепринятыми ценностями и целями. Например, правила личной гигиены или здорового образа жизни.
- Системы ценностей (совокупности убеждений, идеалов, принципов и мотивов и др.), которые определяют желательность, значимость и направленность поведения индивидов и групп.
- Социальных ролей (совокупности ожиданий, обязанностей, прав и образцов поведения), которые связаны с определенным социальным положением или статусом индивида или группы.

Саморегуляция представляет собой процесс, в котором индивиды и группы управляют своим поведением в соответствии с социальными нормами и ценностями, которые они внутренне принимают и разделяют [10]. Целенаправленная регуляция и саморегуляция взаимосвязаны и взаимодействуют друг с другом, образуя сложную и динамичную систему. С одной стороны, целенаправленная регуляция способствует саморегуляции, так как она создает условия, стимулы и ограничения для поведения индивидов и групп, а также формирует их социальную идентичность, самосознание и самооценку. С другой стороны, саморегуляция позволяет индивидам и группам адаптироваться к изменениям социальной среды, корректировать свое поведение в соответствии с обратной связью и вносить свой вклад в сохранение общественного здоровья.

Формирование образа здоровья связано также с особенностями культурного пространства текущей жизнедеятельности. Например, коронавирусная пандемия оказала сильное влияние на различные сферы российского общества, такие как экономика, здравоохранение, образование, а также на социокультурные особенности здоровьесберегающего поведения, в том числе на образ здоровья. Следовательно, образ здоровья в предметном поле социологии культуры представляется феноменом, объединяющим в смысловом поле совокупность сложившихся представлений о здоровье, а его формирование происходит в сложном процессе социальной регуляции здоровьесберегающей деятельности индивидов и групп в условиях стремительно изменяющейся социальной реальности.

Материалы и методы

Для исследования образа здоровья и саморегуляции здоровьесберегающего поведения в культурном пространстве коронавирусной пандемии был проведен формализованный опрос взрослого населения старше 18 лет Тюменской области ($n = 384$ чел., полевой этап исследования — апрель 2022 г., статистическая погрешность составляет $\pm 5,0\%$, доверительный уровень — 95%) и фокус-группы ($N = 1$, ноябрь 2021 г., $N = 2$ апрель, ноябрь 2022 г.).

В статье представлен фрагмент результатов мониторинга социальных практик здоровьесбережения, проводимого автором на протяжении периода распространения коронавирусной инфекции на территории региона в 2020–2022 гг.

Результаты и обсуждение

Исследуя особенности образа здоровья представителей современного общества, важно отметить ключевую ассоциацию здоровья с жизнью, что подтверждает витальную значимость здоровья в сознании индивида (рис. 1 а).

Рассматривая частоту упоминаний образов и ассоциаций при описании респондентами своего понимания здоровья, наиболее выделяется описание здоровья как «ничего не болит» и «отсутствие болезней». В описании здоровья также наиболее часто используется слово «состояние» в контексте фразы «здоровье — это состояние полного благополучия» или «здоровье — это состояние души и тела...» (в соотношении с общим числом упоминаний слова в общем числе ответов).

Важно отметить доминирование связи здоровья с физическим и психическим благополучием среди респондентов старшего возраста, а среди молодежи сделан большой акцент на физическом здоровье и отсутствии болезней. У опрошенных старше 60 лет в образе здоровья преобладают смыслы «не болит» и «возможность жить».

При формировании образа здоровья важен образ идеального здоровья, так как сформированный смысл этого образа является мотиватором здоровьесберегающей деятельности. Описывая образ идеального здоровья, респонденты конструировали его из своих ведущих мотиваторов избегания боли и болезни, а также потребности в физическом и эмоциональном благополучии. При этом в ответах часто упоминалось слово «когда», используемое как условие в контексте: «когда ничего не болит» или «когда ничего не беспокоит» (рис. 1 б).

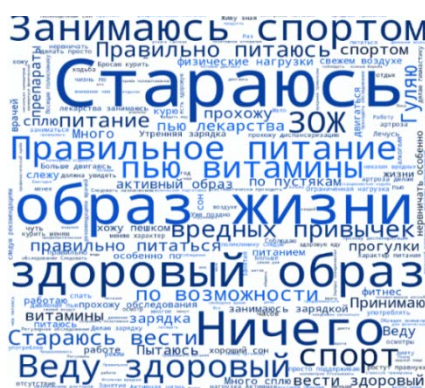
Образ здоровья, сформированный в сознании индивида, является основой для его здоровьесберегающей деятельности, определяя направленность и целерациональность его деятельности. В описании своего здоровьесберегающего поведения преобладало слово «стараюсь» в контексте смысла «стараюсь вести здоровый образ жизни» или «стараюсь правильно питаться/избегать вредных привычек/больше двигаться, гулять/заниматься спортом/проходить медицинский осмотр/следить за давлением/пить витамины» (рис. 1 в). 13% респондентов признались, что «ничего не делают» для сохранения или улучшения своего здоровья.



а) Спектр ассоциаций о понимании категории «здоровье»



б) Спектр представлений о категории «идеальное здоровье»



в) Спектр предпринимаемых действий для сохранения здоровья

Рис. 1. Спектр ассоциаций о понимании категорий «здоровье», «идеальное здоровье» и предпринимаемых действий для сохранения здоровья, $n = 384$ в соотношении с числом упоминаний слова в общем числе ответов

Обсуждая предпринимаемые меры по сохранению здоровья, респонденты приводили общепринятые и социально одобряемые нормы здорового образа жизни:

- жен., 24 года: «Занятие спортом, повышенный контроль питания, не имею вредных привычек, стараюсь есть здоровую пищу»;
- жен., 32 года: «Активный образ жизни, регулярные медицинские осмотры, стараюсь все-таки питаться не во вред своему организму — он мне «подсказывает»;
- муж., 35 лет: «Правильное и рациональное питание, режим дня, физическая подготовка, профилактический прием поливитаминов весной и осенью, борьба с вредными привычками»;
- жен., 44 года: «Питание! Вода! Спорт и ходьба пешком, в свободное время приседания! Витамины! Стараюсь спать 8 часов и засыпать до 22! Стараюсь не нервничать по пустякам»;
- жен., 40 лет: «Хорошо сплю, правильно питаюсь, занимаюсь спортом (хотелось бы чаще), принимаю витамины, отдыхаю и встречаюсь с друзьями, чтобы наполнить свои эмоциональные чувства!»;

- муж., 46 лет: «Немного. Стараюсь меньше ему вредить. Не курю. Выпиваю изредка и небольшие дозы алкоголя. Иногда гуляю, дышу свежим воздухом. Возжу организм летом на море и солнце. Пью витамины и микроэлементы»;
- муж., 59 лет: «Соблюдаю режим труда и отдыха, не употребляю алкоголь, соблюдаю режим сна, принимаю витамины и необходимые лекарственные препараты, стараюсь придерживаться правильного питания, регулярно совершаю пешие прогулки, по выходным физическая нагрузка на даче».

Рассматривая образ здоровья, отметим, что коронавирусная пандемия оказала влияние на здоровьесберегающее поведение через появление новых смыслов и трансформацию социальных норм сохранения здоровья в культурном пространстве современного человека.

Коронавирусная пандемия COVID-19 началась с первого зафиксированного случая заражения вирусом 30 декабря 2019 года в г. Ухань Китайской Народной Республики (КНР). Окончание чрезвычайной фазы пандемии было объявлено главой Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) 5 мая 2023 года, а заболевание коронавирусом SARS-CoV-2 было переведено в разряд «сезонных» заболеваний. За период чрезвычайной фазы пандемии COVID-19 ВОЗ было зарегистрировано более 774 млн заражений и более 7 млн смертей (рис. 2) [11].

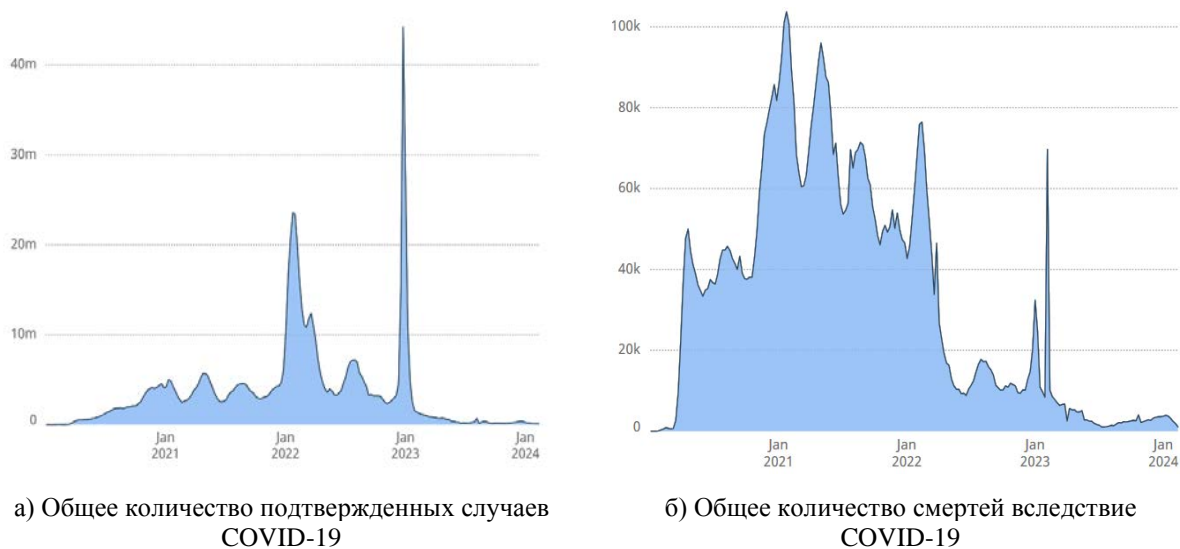


Рис. 2. Подтвержденные случаи заболеваний COVID-19 и смерти в мире, зарегистрированные Всемирной организацией здравоохранения с 30.12.2019 г. по 01.02.2024 г., чел. [11]

Развитие пандемии происходило стремительно, распространяясь по континентам и регионам мира. Если в апреле 2020 г. по численности заболевших лидировал Европейский регион, то в конце ноября 2020 г. число заболевших стремительно росло в Америке, тенденция сохранялась до февраля 2021 г. [11]. Развитие пандемии шло волнообразно, рост волн был вызван новыми штаммами вируса, имевшими разную степень вирулентности и

смертности. В Российской Федерации пик смертности вследствие COVID-19 был зарегистрирован 21 ноября 2021 года (8,7 тыс. человек за неделю), а наибольшее число зараженных 13 февраля 2022 года (1,3 млн человек за неделю). Всего, по данным ВОЗ, в Российской Федерации с 3 января 2020 г. до 30 ноября 2023 г. было зарегистрировано 23 258 444 подтвержденных случаев заболевания COVID-19 с 400 488 летальными исходами [11].

Для сдерживания распространения COVID-19 принимались следующие беспрецедентные меры, комплексно не используемые ранее на протяжении жизни современных поколений [12–16]:

- Социальное дистанцирование для физического ограничения контактов и предотвращения заражения. Рекомендовалась дистанция более полутора метров между людьми, находящимися в учреждениях.
- Карантин и изоляция. Изоляции подвергались инфицированные лица, рекомендовалось не покидать места проживания и ожидать медицинской помощи. Закрытие учебных, культурных, общественных заведений или ограничение их работы. Например, к середине апреля 2020 года 192 стран закрыли школы (по возможности переведя на дистанционное обучение), что затронуло более 90 % мирового контингента учащихся [17].
- Тестирование на COVID-19 и выявление контактов с инфицированными.
- Ношение средств индивидуальной защиты (СИЗ) (лицевых масок и респираторов) для снижения передачи вируса через капли слюны.
- Усиление санитарных мер: от требования ношения перчаток, регулярного мытья рук до дезинфекции поверхностей в общественных местах.
- Ограничение перемещений: от требования не покидать место жительства до закрытия границ регионов и стран; и другие.

Анализируя самооценку образа коронавируса COVID-19, сформировавшегося в сознании населения в период пандемии, отметим доминирование страха перед заражением COVID-19. В спектре ассоциаций о COVID-19 преобладали слова «болезнь», «пандемия», «вирус», «смерть», «страх», «пневмония», «карантин», «умереть», «опасность» (рис. 3).



Рис. 3. Спектр представлений о коронавирусе COVID-19, в соотношении с числом упоминаний слова в общем числе ответов, n = 384

Описанные респондентами образы демонстрируют связь сформировавшегося образа восприятия пандемии с образом здоровья, ценностью жизни и здоровья. Среди респондентов у перенесших заболевание COVID-19 тесная связь со страхом заразиться повторно, что подтверждает и статистически достоверная связь между этими переменными (V Крамера = 0,182, $p = 0,013$).

На трансформацию образа здоровья в условиях пандемии оказывало влияние личное восприятие индивидом угрозы заражения вирусом, которое становилось мотиватором его профилактического поведения и стимулировало его готовность следовать новым социальным нормам сдерживания распространения вируса. Для расчета показателя «восприятие угрозы» были использованы эмпирические референты, отражающие оценочные суждения, мнения и жизненный опыт, поддерживающие высокий уровень страха, тревожности и ощущения опасности от угрозы коронавируса для жизни и здоровья (рис. 4).

Согласие с утверждением:	Факт события/ последствия пандемии:
<ul style="list-style-type: none"> • «Я имею высокий риск заразиться COVID-19» (1 балл). • «Я имею высокий риск заразиться и заболеть COVID-19» (1 балл). • «Мои близкие люди имеют высокую вероятность заболеть COVID-19» (1 балл) • «Я сильно боюсь COVID-19» (1 балл). 	<ul style="list-style-type: none"> • Знакомые, друзья, родственники тяжело перенесли болезнь (1 балл). • Были случаи летального исхода среди родных, друзей и знакомых (1 балл).
Максимальный результат - 6 баллов. Уровни «восприятия угрозы»: высокий – 5-6 баллов, средний – 3-4 балла, низкий – 1-2 балла, отсутствует – 0 баллов.	
<ul style="list-style-type: none"> • Апрель-июнь 2021 года: высокий – 7,3%, средний – 11,9%, низкий – 61,3%, отсутствует – 19,5%. • Апрель 2022 года: высокий 10,4%, средний – 44,9%, низкий – 38,3%, отсутствует – 6,4%. 	

Рис. 4. Показатели оценки уровня восприятия угрозы COVID-19

Согласие с утверждением и/или пережитый опыт последствий коронавируса в референтных группах респондента оценивались баллами, сумма которых определяла персональный уровень восприятия угрозы COVID-19. Согласно авторской методике, уровень «восприятия угрозы» за два года пандемии сместился с низкого (61,3 %) в сторону доминирующего среднего уровня (44,9 %).

Перенесенное заболевание COVID-19 впоследствии повлияло на здоровьесберегающее поведение респондентов. Среди перенесших коронавирус 41,7 % респондентов декларировали о последующем соблюдении норм профилактического поведения, а среди не болевших только 18,8 % были готовы защищать себя и окружающих от заражения коронавирусом.

Оценивая уровни «восприятия угрозы» и соблюдение социальных норм защиты от заражения COVID-19, были выявлены модели здоровьесберегающего поведения в пандемию (рис. 5). Модели отражают социокультурные особенности восприятия пандемии и сложившегося образа здоровья и его сохранения.



Рис. 5. Модели здоровьесберегающего поведения в пандемию COVID-19 и типы респондентов

Модель 1 «Профилактикоориентированная». Ее представители демонстрируют активное стремление соблюдать практики здорового образа жизни и следовать социальным нормам защиты от COVID-19, объективно оценивать риски, получать информацию приоритетно из официальных источников. Эта модель поведения характеризу-

ется осознанием ценности сохранения здоровья не только личного и ближнего окружения, но и на уровне общества в целом. В этой группе выделяются «Ценностно-ориентированные. Активные» (1А) и «Ценностно-ориентированные. Тревожные» (1Б). Отличие подгрупп в уровне восприятия риска заражения коронавирусом и угрозы здоровью в целом. Для профилактикоориентированного здоровьесберегающего поведения характерно следующее:

- осознанный выбор индивидом профилактической деятельности как в условиях пандемии, так и в отношении общественно значимых хронических заболеваний;
- приоритет ценности здоровья и активной жизни;
- активная информационная включенность в проблемы здоровьесбережения;
- следование социальным нормам сохранения здоровья;
- поддержание высокого уровня культуры здоровья;
- соблюдение принципов здорового образа жизни, что, как следствие, увеличивает шансы на активное долголетие.

Модель 2 «Конформистская». Самая многочисленная группа, ее представители следуют за практиками здоровьесбережения референтных групп или лидеров мнений при пассивном принятии новых социальных норм профилактики, стремясь избежать возможных санкций за нарушение или в силу конформности.

Эта модель разделяется на две группы: «Законопослушные» (2А) и «Безразличные» (2Б). «Законопослушные» используют средства индивидуальной защиты, соблюдают правила и ориентируются на поведение референтной группы, при этом ценность здоровья для них важна и соответствует общественно принятым нормам. Они также активно следуют информации, получаемой из официальных источников, и проходят вакцинацию, считая это важным и эффективным средством защиты.

Примеры конформистского поведения в контексте здоровьесберегающего поведения в условиях пандемии можно описать следующими ситуациями:

- Представители группы «Законопослушные» строго следуют правилам и рекомендациям, например носят маски и соблюдают социальное дистанцирование, потому что считают важным соблюдение установленных правил или опасаются нарушить социальную норму. Они также ориентируются на поведение, принятое в их референтной группе, и ценят здоровье, но понимают и принимают его с учетом общественно принятых норм.
- Представители группы «Безразличные» также следуют правилам, но делают это без особого внимания к возможности заражения других, страху перед заражением или болезнью. Они используют средства индивидуальной защиты и проходят вакцинацию, если это становится социальным требованием, подкрепляемым санкциями за нарушение.

Эти примеры показывают, как конформистская модель поведения выражается через принятие и следование установленным правилам и нормам, особенно когда это подкрепляется поведением референтной группы или социальным давлением.

Модель 3 «Осторожно-тревожная». Представители этой модели поведения имеют высокий уровень тревожности и страха, интересуются информацией о развитии пандемии, но в разной мере следуют нормам самозащиты (используют СИЗ, если верят в их эффективность, а вакцинацию проходят, если верят в ее безопасность). Среди представителей этой модели выделяются «Послушные» (3А), которые доверяют официальной информации и стараются использовать средства индивидуальной защиты как для предотвращения заражения, так и по причине понимания важности исполнения правил.

Группа «Послушные» характеризуется высоким уровнем доверия к официальным источникам информации и стремлением следовать рекомендациям и правилам, установленными властями. Люди из этой категории используют средства индивидуальной защиты, проходят вакцинацию, и делают это не из страха, а из понимания важности соблюдения правил для общественного блага. Они демонстрируют высокую ответственность не только за свое здоровье, но и за здоровье окружающих, и одновременно имеют высокий уровень страха перед пандемией.

Представители следующей группы «Сомневающиеся» (3Б) высказывают много опасений об эффективности вакцинации или лечения, возможных осложнениях, доверяют «фейкам» и «теориям заговора», склонны верить непроверенной информации, которую в последующем транслируют в социальных сетях, а также более критически относятся к вводимым мерам предосторожности, связанным с COVID-19. Эта группа может испытывать внутренний конфликт между желанием следовать общественным нормам и личными убеждениями, что приводит к игнорированию соблюдения рекомендаций по профилактике COVID-19.

Таким образом, основное отличие между «Послушными» и «Сомневающимися» заключается в степени готовности следовать установленным правилам при высоком уровне осознаваемого риска здоровью. При этом «Послушные» демонстрируют более высокий уровень соблюдения социальных норм и доверия к официальным источникам, в то время как «Сомневающиеся» проявляют критическое отношение и могут испытывать сомнения в необходимости или эффективности предписанных мер.

Модель 4 «Нарушительная» характеризуется игнорированием или неприятием рекомендуемых мер профилактики и защиты в пандемию COVID-19. Это может быть отказ от ношения масок, игнорирование социального дистанцирования, участие в массовых мероприятиях и отказ от вакцинации. Модель широко распространена среди молодых людей. Респонденты имеют низкий страх перед заражением, избегают информации о коронавирусе, в их картине мира пандемия не представляет значимой угрозы.

На основе рассмотренных моделей здоровьесберегающего поведения, образа здоровья и его сохранения выделены три стратегии, используемые индивидами в повседневной жизнедеятельности и трансформируемые в периоды высокого риска ухудшения здоровья, в том числе в пандемии (рис. 6).

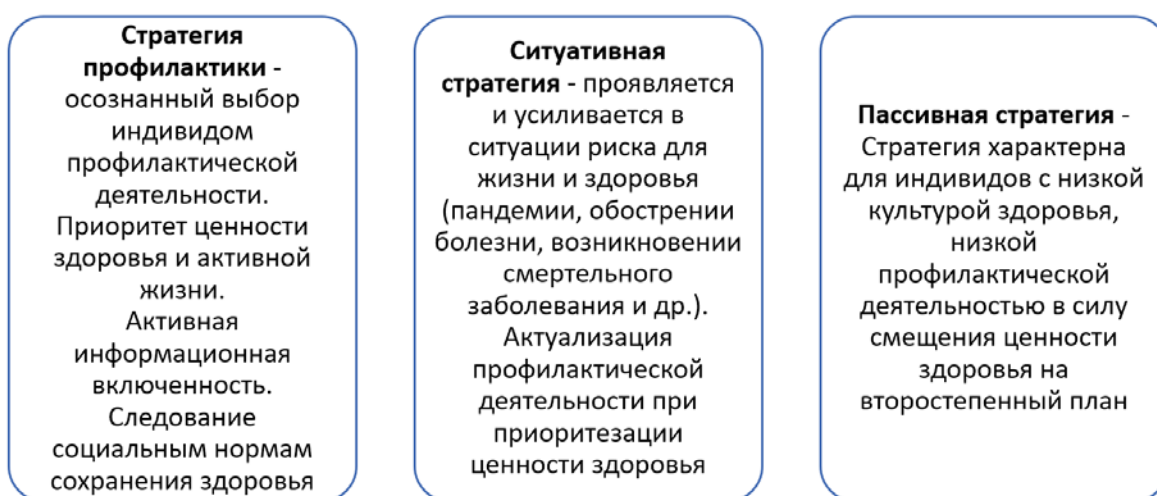


Рис. 6. Стратегии здоровьесберегающего поведения

Стратегия профилактики является самой желательной для общества, так как здоровьесберегающая деятельность индивидов поддерживается самостоятельно за счет саморегуляции посредством высокой мотивации сохранения здоровья и совпадения сформированного образа здоровья с транслируемыми социальными нормами его сохранения. Пассивная стратегия характерна для индивидов с низкой ценностью и культурой здоровья, а ситуативная стратегия приспособления трансформируется в условиях пандемии в стратегию профилактики при целенаправленном насаждении социальных норм защиты от заражения и культуры здоровья в целом.

Выводы

С позиции социологии культуры образ здоровья представляется социокультурным конструктом, отражающим представление индивида и группы о здоровье и способах его сохранения, ценностные ориентации, социальные нормы сохранения здоровья и практики, связанные со здоровьем в разных культурных контекстах. Образ здоровья трансформируется в зависимости от социальных изменений, медиатизации и других факторов, особенно в условиях высокого риска его утраты, которые присущи пандемиям.

Саморегуляция здоровьесберегающего поведения представляет собой способность индивида управлять своим поведением в соответствии с образом идеального здоровья, который он принимает и разделяет, и социальными нормами, доминирующими в обществе. Образ идеального здоровья и саморегуляция здоровьесберегающего поведения связаны между собой, так как образ идеального здоровья является мотиватором, стимулом и критерием для саморегуляции здоровьесберегающего поведения.

В контексте пандемии COVID-19, где индивиды сталкиваются с изменяющимися социальными нормами и новыми требованиями к здоровьесберегающему поведению, сформированные представления об «идеальном здоровье» и «образе здоровья» способствуют принятию этих норм и адаптации к новой реальности. Таким образом, индивидуальное восприятие здоровья и стремление к его идеалу стимулируют приня-

тие мер профилактики и соблюдение рекомендаций в условиях пандемии, что в целом способствует росту здоровьесберегающего поведения населения.

Список источников

1. Вебер, М. Основные социологические понятия / М. Вебер. – Текст : непосредственный // Избранное : Протестантская этика и дух капитализма. – 2-е изд., доп. и испр. – Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. – С. 454.
2. Шютц, А. Смысловая структура повседневного мира : очерки по феноменологической социологии / А. Шютц ; перевод с английского А. Я. Алхасова, Н. Я. Мазлумяновой. – Москва : Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. – 336 с. – Текст : непосредственный.
3. Смирнов, Г. П. Трансляция смысла в социальной коммуникации : критический анализ теории Н. Лумана / Г. П. Смирнов. – Текст : непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. – 2011. – № 2. – С. 293–299.
4. Тощенко, Ж. Т. Смыслы как качественная и сущностная характеристика социологии жизни / Ж. Т. Тощенко. – DOI 10.23683/2227-8656.2017.5.1. – Текст : непосредственный // Гуманитарий Юга России. – 2017. – Т. 6, № 5. – С. 13–28.
5. Зябкина, И. В. Образ здоровья у подростков с умственной отсталостью и задержкой психического развития / И. В. Зябкина, Ю. Е. Сеницкая. – Текст : непосредственный // Проблемы современного педагогического образования. – 2018. – № 60–2. – С. 411–415.
6. Сахно, А. И. Своеобразие образа здоровья у сотрудников противопожарной службы / А. И. Сахно. – Текст : непосредственный // Таврический научный вестник. Педагогика и психология. Выпуск 2 / Под общей редакцией М. Р. Скоробогатовой. – Симферополь : ИТ «Ариал», 2018. – С. 96–100.
7. Изусина, С. В. Внутренняя картина здоровья студентов подростково-юношеского возраста и сирот / С. В. Изусина. – Текст : непосредственный // Психология обучения. – 2013. – № 5. – С. 51–59.
8. Убедительные факты / Под редакцией R. Wilkinson и M. Marmot. – 2-е изд. – Copenhagen : Всемирная организация здравоохранения, 2004. – 41 с. – (Социальные условия и здоровье). – Текст : непосредственный.
9. Саморегуляция жизнедеятельности молодежи : методология и социальные практики : монография / Ю. А. Зубок, О. Н. Безрукова, Ю. Р. Вишневский [и др.] ; под редакцией Ю. А. Зубок. – Белгород : Эпицентр, 2021. – 500 с. – Текст : непосредственный.
10. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности : диспозиционная концепция : коллективная монография / Министерство образования и науки Российской Федерации, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ФГНУ Центр социологических исследований, Институт социологии РАН. – 2-е изд., расширенное. – Москва : ЦСПиМ, 2013. – 374 с. – Текст : непосредственный.
11. WHO COVID-19 dashboard. – Text : electronic // World Health Organization : website. – URL: <https://covid19.who.int/>

12. Координационный совет при Правительстве Российской Федерации по борьбе с распространением новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации. – Текст : электронный // Правительство России : официальный сайт. – URL: <http://government.ru/department/554/events/> (дата обращения: 01.02.2024).

13. Рекомендации для населения в отношении инфекции, вызванной новым коронавирусом (COVID-19). – Текст : электронный // Всемирная организация здравоохранения : официальный сайт. – URL: <http://www.who.int/ru/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019/advice-for-public> (дата обращения: 01.02.2024).

14. Правила профилактики коронавирусной инфекции. – Текст : электронный // Роспотребнадзор : сайт. – URL: https://www.rosпотребнадзор.ru/region/korono_virus/koron_pnk.php?clear_cache=Y (дата обращения: 01.02.2024).

15. Все о коронавирусе. – Текст : электронный // Объясняем.рф : сайт. – 2023. – 22 сен. – URL: <https://стопкоронавирус.рф/about-covid/#prevention> (дата обращения: 01.02.2024).

16. Стопкоронавирус. – Текст : электронный // Объясняем.рф : сайт. – URL: <https://стопкоронавирус.рф/information/> (дата обращения: 01.02.2024).

17. Measures implemented in the school setting to contain the COVID-19 pandemic: a rapid scoping review / S. Krishnaratne, L. M. Pfadenhauer, M. Coenen [et al.]. – DOI 10.1002/14651858.CD013812. – Direct text // Cochrane Database of Systematic Reviews. – 2020. – Issue 12 (40).

References

1. Weber, M. (2006). Osnovnye sotsiologicheskie ponyatiya. Izbrannoe : Protestantskaya etika i dukh kapitalizma. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya Publ., pp. 454. (In Russian).

2. Shyutts, A. (2003). Smyslovaya struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoy sotsiologii. Moscow, Institut Fonda "Obshchestvennoe mnenie" Publ., 336 p. (In Russian).

3. Smirnov, G. P. (2011). Transmission of meaning in the process of social communication: a critical analysis of the theory by N. Luman. Vestnik of Saint Petersburg University, (2), pp. 293-299. (In Russian).

4. Toshchenko, Zh. T. (2017). Humanities of the south of Russia Sense as a quality and essential characteristic of sociology of life. Humanitarian of the South of Russia, 6(5), pp. 13-28. (In Russian). DOI: 10.23683/2227-8656.2017.5.1

5. Zyabkina, I. V., & Sinitskaya, Yu. E. (2018). The image of health in adolescents with mental retardation and mental retardation. Problems of modern pedagogical education, (60-2), pp. 411-415. (In Russian).

6. Sakhno, A. I. (2018). Svoeobrazie obraza zdorov'ya u sotrudnikov protivopozharnoy sluzhby. Tavricheskiy nauchnyy vestnik. Pedagogika i psikhologiya. Vypusk 2. Simferopol, PP "Arial" Publ., pp. 96-100. (In Russian).

7. Izusina, S. V. (2013). Internal picture of the health by students-teenagers and orphans. Psychology of education, (5), pp. 51-59. (In Russian).

8. Wilkinson, R., & Marmot, M. (Eds) (2024). Social Determinants of Health: the Solid fact. 2nd Edition. Copenhagen: WHO, 41 p. (In Russian).
9. Zubok, Yu. A., Bezrukova, O. N., Vishnevskiy, Yu. R., Gnevasheva, V. A., Golovchin, M. A., Didkovskaya, Ya. V.,... Shushpanova, I. S. (2021). Samoregulyatsiya zhiznedeyatel'nosti molodezhi: metodologiya i sotsial'nye praktiki. Belgorod. Epitsentr Publ., 500 p. (In Russian).
10. Samoregulyatsiya i prognozirovaniye sotsial'nogo povedeniya lichnosti : dispozitsionnaya kontseptsiya : kollektivnaya monografiya. (2013). 2nd expanded ed. Moscow, TsSPiM Publ., 376 p. (In Russian).
11. WHO COVID-19 dashboard. (2024). (In English). Available at: <https://covid19.who.int>
12. Koordinatsionnyy sovet pri Pravitel'stve Rossiyskoy Federatsii po bor'be s rasprostraneniem novoy koronavirusnoy infektsii na territorii Rossiyskoy Federatsii. (In Russian). Available at: <http://government.ru/department/554/events/>
13. Advice for the public: Coronavirus disease (COVID-19). (In Russian). Available at: <http://www.who.int/ru/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019/advice-for-public>
14. Pravila profilaktiki koronavirusnoy infektsii. (In Russian). Available at: https://www.rospotrebnadzor.ru/region/korono_virus/koron_pnk.php?clear_cache=Y
15. Vse o koronaviruse. (2023). (In Russian). Available at: <https://stopcoronavirus.rf/about-covid/#prevention>
16. Stopkoronavirus. (In Russian). Available at: <https://stopcoronavirus.rf/information/>
17. Krishnaratne, S., Pfadenhauer, L. M., Coenen, M., Geffert, K., Jung-Sievers, C., Klinger, C.,... Burns, J. (2020). Measures implemented in the school setting to contain the COVID-19 pandemic: a rapid scoping review. Cochrane Database of Systematic Reviews, (12). (In English). DOI: 10.1002/14651858.cd013812

Информация об авторе / Information about the author

Ковальжина Лариса Сергеевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры менеджмента в отраслях топливно-энергетического комплекса, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, kovalzhinals@tyuiu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1650-1243>

Kovalzhina Larisa Sergeevna, Candidate of Sociology, Associate Professor at the Department of Management in the Branches of the Fuel and Energy Complex, Industrial University of Tyumen, kovalzhinals@tyuiu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1650-1243>

Статья поступила в редакцию 28.02.2024; одобрена после рецензирования 13.03.2024; принята к публикации 18.03.2024.

The article was submitted 28.02.2024; approved after reviewing 13.03.2024; accepted for publication 18.03.2024.

УДК 316.354.2

DOI: 10.31660/1993-1824-2024-1-85-100

Идеологически-ориентированные модели изучения социального управления в Китайской Народной Республике

Е. В. Кремнёв

*Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия
Kremnyov2005@mail.ru*

Аннотация. В данной статье представлен анализ влияния партийно-государственной идеологии Китайской Народной Республики (КНР), ядром которой является китаизированная коммунистическая идеология, на формирование современных моделей изучения социального управления. Целью работы является выявление китайских регион-специфичных моделей сочленения идеологизированного и прагматического научного знания. На основе изучения китайских диссертаций по социальному управлению, отобранных методом сплошной выборки с применением системного моделирующего подхода и факторного анализа, было установлено, что современная партийно-государственная идеология в КНР является одним из трех базовых факторов, влияющих на процесс изучения социального управления, наряду с традиционализмом, играющим для китаизированного марксизма вспомогательную роль, и прагматизмом, позволяющим достигать обоснованного, общественно полезного решения текущих задач. В работе описаны этапы становления государственной идеологии Китая, ее взаимосвязь с традицией на различных этапах развития, современное соотношение трех указанных феноменов в рамках процесса научного исследования. Выявляются три типа исследовательских моделей: прагматико-, традиционалистски- и идеологически-ориентированные модели. Прагматико-ориентированные модели отличаются рациональным научным подходом, направленным на решение реальных проблем социального управления. Идеологически-ориентированные модели направлены на обоснование в научном тексте партийно-государственных идеологем. Традиционалистски-ориентированные модели, выступающие как вспомогательные к идеологически-ориентированным, обеспечивают удовлетворение социального и политического запроса на рекультивирование китаецентризма, проявляющегося в науке через обоснование уникальности китайского пути развития и самодостаточности китайской культуры. Соединение трех факторов (прагматизма, идеологии и традиционализма) позволяет достичь равновесия в решении собственно научных и навязанных науке социально-политических задач: часть исследований посвящена научно-обоснованным методам решения задач социального управления (прагматизм), другие направлены на удовлетворение требований политического курса (идеология), третьи созданы для обоснования упора на традиционные ценности как базовый компонент управленческих концепций с целью формирования и поддержания консерватизма (традиционализм). Соединение всех трех факторов порождает субмодели с различной степенью влияния каждого из них. Вместе с тем в настоящее время идеологически-ориентированный тип моделей начинает играть все более значительную роль в представлении научного исследования в связи с усилением влияния партийно-государственной идеологии на все сферы общественной жизни. Зафиксировано, что из проанализированных моделей указанного типа наиболее востребованной является идеологически-ориентированная субмодель с активным прагматическим фактором, позволяющим направлять усилия исследователей на решение реальных социальных задач. От сохранения влияния данного фактора будет зависеть дальнейшая жизнеспособность идеологически-ориентированных моделей.

Ключевые слова: Китай, социальное управление, исследовательские модели, идеология, традиция, прагматизм

Для цитирования: Кремнёв, Е. В. Идеологически-ориентированные модели изучения социального управления в Китайской Народной Республике / Е. В. Кремнёв. – DOI 10.31660/1993-1824-2024-1-85-100 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2024. – № 1. – С. 85–100.

Ideologically-oriented models for the study of social management in the People's Republic of China

Evgeny V. Kremnyov

*Irkutsk State University, Irkutsk, Russia
Kremnyov2005@mail.ru*

Abstract. The article analyses the influence of the party and state ideology of the People's Republic of China, the core of which is the Chinese communist ideology, on the formation of modern research models for social management studies. The article aims to identify patterns of conjunction between ideologised and pragmatic scientific knowledge specific to regions in China. The study analyses Chinese social management dissertations selected through a continuous sampling method using a systemic modelling approach and factor analysis. The findings suggest that the process of studying social management in China is influenced by three basic factors: modern party and state ideology, traditionalism, and pragmatism. Chineseised Marxism is supported by traditionalism, while pragmatism enables the achievement of sound and socially useful solutions to current problems. The article describes the stages of formation of state ideology in China, its relationship at different stages of development with tradition and the current correlation of these three phenomena within the scientific research process. Three types of research models are identified: pragmatically-, traditionally-, and ideologically-oriented models. Pragmatically-oriented models are characterised by a rational scientific approach aimed at solving real problems of social management. Ideologically-oriented models aim to justify party and state ideologemes in the scholarly text. Traditionally-oriented models, acting as auxiliary to ideologically-oriented models, meet the social and political demand for the recultivation of Chinese ethnocentrism, which manifests itself in scholarship through the justification of the uniqueness of the Chinese way of development and the self-sufficiency of Chinese culture. The combination of the three factors (pragmatism, ideology, and traditionalism) makes it possible to achieve a balance between scientific and imposed social and political tasks: some studies focus on scientifically grounded methods for solving social management problems (pragmatism), some are aimed at satisfying the requirements of political course (ideology), while the others are created to justify the emphasis on traditional values as a basic component of managerial concepts in order to form and maintain conservatism (tradition). The combination of all three factors generates submodels with varying degrees of influence of each of them. At the same time, nowadays the ideologically-oriented type of models begins to play a significant role in the presentation of scientific research due to the increasing influence of the party and state ideology on all spheres of social life. It has been noted that among the analyzed models of this type, the most in demand is the ideologically-oriented submodel with an active pragmatic factor, which allows directing the efforts of researchers towards solving real social problems. The continued viability of ideologically-oriented models will depend on maintaining the influence of this factor.

Keywords: China, social management, research models, ideology, tradition, pragmatism

For citation: Kremnyov, E. V. (2024). Ideologically-oriented models for the study of social management in the People's Republic of China. Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics, (1), pp. 85-100. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2024-1-85-100

Введение

В современном Китае все чаще фиксируются два разнонаправленных процесса. С одной стороны, в научных и пропагандистских материалах пишут про необходимость формулирования концепции социального управления в Китайской Народной Республике (КНР) как процесса «социализации» управленческой системы, диверсификации ее субъектов и отхода от сугубо административных способов упорядочивания общественной жизни. С другой — эта тенденция сталкивается с противоположной: усилением партийно-государственного влияния на все сферы жизни и централизацией власти в руках Коммунистической партии Китая. Указанное противоречие между этими двумя тенденциями требует разрешения, в том числе в работах социологов, уделяющих пристальное внимание функционированию системы социального управления в самых разных сферах социальной жизни [1]. Поиски баланса между первым и вторым в социально-политическом поле отражается на результатах китайских научных исследований, что представляет собой важную исследовательскую проблему для современной социологии управления, раскрывающей в том числе скрытые закономерности научного процесса в этой области.

Идеология по-разному трактуется в современной науке. Она признается неоднозначным феноменом, который получил множество интерпретаций, с момента создания А. Д. де Траси работы «Элементы идеологии» до настоящего времени [2]. Так, Н. Аберкромби и его соавторы по «Словарю социологии» приводят как минимум три трактовки: 1) идеология как специфический вид убеждений вокруг нескольких основополагающих ценностей; 2) идеология как искаженные или в какой-то степени ложные идеи и суждения (в марксистской традиции); 3) идеология как любая совокупность убеждений, от научных до религиозных и бытовых, вне зависимости от их истинности и ложности (в социологии знания) [3].

Несмотря на то что марксизм изначально определил идеологию как навязываемую правящим классом и выгодную ему искаженную систему социальных ценностей [4], в большинстве социалистических стран государственная идеология стала важным инструментом государственного управления, в значительной степени по примеру Советского Союза, где идеология затрагивала все сферы общественной жизни, в том числе научно-образовательную [5]. Если же следовать гораздо более распространенному пониманию идеологии как системной совокупности убеждений, имеющей базовое значение для социальной интеграции, то любая научная школа, национальная или региональная, может обладать признаками идеологии, поскольку базируется на определенных ценностных установках. Что касается КНР, то там официально признанной является лишь партийно-государственная идеология, основы которой закреплены конституцией. В этой ситуации никакая другая идеология не имеет правовых основ для существования и не имеет права активно влиять на научный процесс и его результат. Таким образом, роль базовой выполняет партийно-государственная идеология КНР, представляющая собой китаизированный марксизм. Она может быть охарактеризована как совокупность ценностей, норм и ориентиров, официально закрепленных на уровне партии и государства и направленных на сохранение целостности сложившейся государственно-партийной системы. К ней могут также применяться термины «государственная идеология» (в связи с фактическим слиянием в КНР партийных и государственных органов даже при наличии формальных механизмов их разделения) и «официальная идеология».

Китаизированная часть этой идеологии сегодня — не только наработки лидеров последних нескольких десятилетий, но и традиционализм (как базовый принцип консервативной идеологии). Несмотря на то что ранее традиционализм порицался марксизмом как явление, тормозящее социальное развитие, в последние годы, с усилением консервативных позиций партии и государства в КНР, он становится частью официальных идеологических установок, а вслед за этим все более выражено проявляется и в научном тексте. В такой ситуации в китайской науке появляется базовое противоречие между догматами партийно-государственной идеологии, принимаемыми в неизменном виде «сверху», и стремлением науки достичь рациональных решений современных социальных, экономических и политических проблем. Разрешение этого противоречия, как полагают многие исследователи Китая, лежит в китайском прагматизме [6; 7], позволяющем решать поставленные научные задачи ровно настолько, насколько это дает

общественно полезный результат, но не выходит за поставленные государственной идеологией рамки или дает возможность расширять их мягко, без конфликта с властью.

Таким образом, среди базовых факторов, влияющих на научное знание, выявляются прагматизм с одной стороны и партийно-государственная идеология с традиционализмом, выполняющим вспомогательную роль, с другой. В фокусе нашей статьи — степень влияния партийно-государственной идеологии КНР на исследовательские модели, реализуемые в рамках социологии для изучения такого феномена, как социальное управление.

В западной науке социальное управление нередко определяют как новую область управленческих знаний и практик, ключевыми аспектами которой являются социальное участие и коллективное принятие решений на основе принципов этики и солидарности, ориентированных на социальное как результат и как процесс. Такое определение на основе обобщения и осмысления значительного числа исследовательских подходов дает Д. Х. С. Оливейра [8]. Среди китайских ученых довольно типичным является определение Ли Чэнвэя, в его трактовке социальное управление подразумевает управленческую деятельность, которую осуществляют правительство и неправительственные общественные организации в отношении всех сфер общественной деятельности, включая политическую, экономическую, культурную, социальную и иные сферы, в эту деятельность входит и государственное управление [9]. Нетрудно заметить, насколько сильно эти два определения отличаются в концептуальном аспекте. С одной стороны, и то, и другое подразумевает некоторую диверсификацию субъектов управления, что предполагает определенную «социализацию» управленческих процессов. Вместе с тем первый из указанных подходов выводит государственную власть «за скобки»: это проблема все чаще ставится в западных концепциях социального управления [10]. Китайские же подходы, напротив, концентрируют внимание на роли государственной власти, это можно увидеть как в работах со строго этатистской направленностью [11], так и в исследованиях, предлагающих постепенный отход от тотальной роли государства во всех социальных процессах [12]. В этом единстве различных подходов выражается не только то, что конгломерат партии и государства выступает главным актором социального управления, но и то, как он формирует, форматирует научное поле, задействуя его в качестве инструмента формирования партийно-государственной идеологии.

В связи с этим важным становится вопрос, как решаются научные задачи в этих условиях и насколько значим фактор партийно-государственной идеологии.

Материалы и методы

В основу данной работы положены концепция социальной ориентации управления Э. Мэйо [13; 14] и эпистемологически-обоснованная концепция социального управления, сформулированная в трудах бразильского социолога Х. Р. Перейры, а также А. С. Канкадо, Д. Х. С. Оливейры, Ф. Г. Тенорио [8; 15]. Среди китайских подходов была взята за основу концепция мультиядерной субъектности социального управления, разрабатываемая Люй Чжикуем, Ху Вэйвэем и Шэн Мэйцзюанем [16; 17].

Для решения центральной проблемы исследования мы изучили 110 китайских социологических диссертаций по социальному управлению (в статье цитируются из-

бранные работы, репрезентирующие изучаемые модели). Диссертации были отобраны методом сплошной выборки из общенациональной китайской базы данных научных работ China National Knowledge Infrastructure (CNKI). Временные рамки отобранных работ — с 2000 года по настоящее время. На основе применения факторного анализа нам удалось проследить, как проявляется в работах влияние описанных выше трех базовых факторов, определяющих модели изучения социального управления: прагматизм с одной стороны, государственная идеология и традиционализм с другой. Несмотря на то, что традиционализм выступает скорее вспомогательным элементом, чем самостоятельным, тем не менее нами был зафиксирован ряд научных работ, в которых он выходит на первый план. Типичное построение текста исследования в зависимости от указанных трех факторов можно формализовать как проявление трех типов исследовательских моделей: прагматико-ориентированных (преобладание в работе направленности на научное решение проблем социального управления с учетом полезности этого решения и вклада в развитие социума), идеологически-ориентированных (направленность работы на обоснование партийно-государственных идей об управлении) и традиционалистски-ориентированных (упор на традиционные ценности как базовый компонент управленческих концепций). Модели не изолированы друг от друга, в каждой из них присутствует влияние всех трех факторов, но преобладает один. При этом китайская специфика моделирования научного текста выражается не в уникальности самих моделей (всякая региональная наука может нести на себе отпечаток идеологии и прагматизма), а в том, как именно модели проявляются в Китае, их реальное наполнение. В данной статье мы хотели бы сделать фокус на работах, в которых фактор партийно-государственной идеологии (китаизированного марксизма) является преобладающим. Как уже было сказано, мы относим такие работы к созданным по идеологически-ориентированной модели.

Для того чтобы понять, как такие модели реализуются, была предпринята попытка разобраться, как в целом сформировалась китайская государственная идеология и каким образом она функционирует. Решению этой задачи способствовало применение принципа историзма и континуальности культурно-социального развития.

Наконец, сами модели изучались с использованием системного моделирующего подхода, представляющего процесс моделирования научного процесса как систему, включающую элементы, уровни и принципы их взаимодействия.

Результаты и обсуждение

Государственная идеология в Китае: этапы формирования, связь с традицией и прагматизмом. Если в современном Китае под партийно-государственной идеологией следует понимать китаизированный марксизм, то сама по себе идеологизация управленческого процесса в широком смысле — один из базовых инструментов государственного управления в Китае на протяжении всей истории развития китайской цивилизации. Этот процесс можно проследить по описанным Т. В. Колпаковой четырем моделям/этапам государственного управления в Китае: традиционной, тоталитарной, партийной, инновационной [18].

В традиционной модели управления, применявшейся с древнейших времен вплоть до падения династии Цин в 1911 г., функции государственной идеологии выполняли традиционные ценности, в эпоху Чжоу (с 1045 года до н. э. по 221 год до н. э.) достаточно цельно оформившиеся в рамках философских школ и зафиксированные в значимых текстах культуры. В период Чжоу закладываются важные для китайской системы управления идеологические концепции: 1) нравственные качества правителя как условия доверия к нему и гарантии легитимности власти; 2) ритуал как базовый инструмент передачи норм поведения от правителя к подданным; 3) забота о народе как главная цель управления; 4) примат культуры как основа существования государства и самосовершенствования правителя [7].

По настоящему традиция закрепились в идеологии государства в эпоху Хань (206 год до н. э. — 220 год н. э.), которую характеризуют как время «компромиссов в политике и синкретизма в идеологии, когда сложились незыблемые до XX века основы имперского правления, и стала очевидной главенствующая роль культуры в деле консолидации китайской ойкумены» [7]. Заложенная в эпоху Хань традиционная модель была основанием для имперского Китая вплоть до падения последней династии Цин в 1911 г. В последние годы правления Цинов в стране развернулась серьезная дискуссия по поводу того, какой официальный идеологический курс должен выбрать Китай, и может ли традиционная культура быть его основой и далее [19].

В китайской историографии период Китайской Республики с 1912 до 1949 гг. принято определять как период политической смуты и децентрализации системы управления, в связи с чем, как правило, не выделяется относительно устойчивых моделей социального управления и, как следствие, государственных идеологических доктрин. Вместе с тем именно в этот период начинает складываться китайский марксизм (в том числе в рамках марксистской социологии — ее основы заимствованы китайскими коммунистами в работах российских и советских марксистов) [20], именно он на следующих этапах станет основной идеологической системой.

Тоталитарная модель управления сформировалась и реализовалась в период с момента образования Китайской Народной Республики в 1949 г. до смерти Мао Цзэдуна в 1976 году. На этом этапе произошла важная идеологическая трансформация: государственная идеология стала строиться на совершенно иных принципах (китайская традиционная культура была признана отсталой, а в ценностном ядре официальной идеологии оказались принципы строительства коммунизма). Вместе с тем политические практики этого периода не демонстрируют реальную приверженность указанным принципам. Современные китайские идеологи эту модель характеризуют как этатистскую и вертикальную: государство ограничивает участие общества в процессах принятия решений, культивируя низкий уровень самоорганизации и низкие темпы социокультурного развития [21].

Со смертью Мао Цзэдуна на смену тоталитарной постепенно приходит *партийная модель*. Партийно-государственная идеология постепенно приобретает новые формы.

Во-первых, она выстраивается в строгих теоретических рамках. К настоящему моменту в Китае официально действующими являются марксизм-ленинизм, а также пять собственно китайских идеологических доктрин, представляющих собой последовательно сформированные теоретико-идеологические концепции всех поколений лиде-

ров, от Мао Цзэдуна до Си Цзиньпина. По всем концепциям проведена основательная теоретическая работа: проанализированы труды самих лидеров компартии, а также многочисленные разъяснительные, аналитические и уточняющие материалы других авторов.

Во-вторых, партийно-государственная идеология демонстрирует мобильность: каждая новая идеологическая доктрина не просто продолжает и развивает предыдущие, она переосмысливает их в новых исторических условиях, а местами — обоснованно противоречит им. В теории Дэн Сяопина актуализируется необходимость масштабного внедрения рыночной экономики в социалистический строй, а важные идеи тройного представительства позволили принимать в Коммунистическую партию Китая предпринимателей как новую социально значимую силу.

В-третьих, официальная идеологическая доктрина обрела широкую институциональность. Марксизм-ленинизм и пять китайских идеологических доктрин включены в Устав Коммунистической партии Китая и Конституцию КНР, а также множество других партийных и государственных документов.

В-четвертых, партийно-государственная идеология установила связь с традицией. Она преодолела марксистскую установку на восприятие традиции как отсталой феодальной морали, созданной для управления массами. При этом современный китайский марксизм обращается к традиции осторожно и только там, где она подтверждает его положения, а также на уровне создания новых идеологием на основе традиционной терминологии. Таким образом, базовая роль современного китайского традиционализма — не в возврате к прошлому, а поиск в прошлом аргументов для обоснования современных концепций (в том числе марксизма). Это позволяет усваивать новые модели управления через соответствие одной из важных черт китайской картины мира — глубокого этноцентризма, который конструирует в сознании современных китайцев образ уникального Китая, с древности знавшего то, что западной цивилизации пришлось «переоткрыть» гораздо позже.

Переход к так называемой «современной инновационной модели» управления социокультурным развитием, датируемый, как правило, состоявшимся в 2012 году XVIII съездом Коммунистической партии Китая (КПК), обоснован партийными теоретиками как новая ступень развития системы социального управления, применяющая инновационные средства управления (привлечение к принятию решений широких общественных масс, общественных акторов, представителей бизнеса и т. п.). Вместе с тем Т. В. Колпакова указывает, что идейным ядром модели является концепция построения «гармоничного общества», а структурная организация представлена «пятичленной моделью» (строительство материальной, духовной, политической, социальной и экологической цивилизаций) [18]. И то, и другое являются партийно-государственными идеологемами, построенными на традиционных концепциях, поэтому представляется возможным предположить, что на самом деле идеология КПК по-прежнему находится на этапе применения предыдущей, партийной модели, а заявленная инновационность пока остается на уровне теории, но не практики, поскольку период Си Цзиньпина остается временем усиления идеологизации управления и укрепления партийно-государственной вертикали.

Таким образом, исторически шедшие в спайке традиции и официальная идеология в XX веке были разведены, но к началу XXI века снова установили тесную связь, в

которой традиционализм стал дополнительным инструментом партийно-государственной идеологии. Подвижность этих границ проявляется и в науке, в частности в реализуемых моделях изучения социального управления, в которых государственная идеология и традиция с одной стороны и прагматизм с другой уравнивают друг друга: часть исследовательской работы содержит научно-обоснованные, общественно-полезные способы решения проблемы (прагматика), часть — удовлетворяет требованиям системы (официальная идеология) и дополнительно подкрепляется опорой на консерватизм (традиция).

Партийно-государственная идеология как фактор формирования моделей изучения социального управления в китайской социологии. Процесс моделирования регион-специфичного социолого-управленческого знания на основе таких факторов его формирования, как прагматизм, официальная идеология и традиционализм, предполагает наличие базовых параметров выявления феноменологии китайских регион-специфичных моделей.

В работах по социальному управлению может доминировать любой фактор при обязательном присутствии двух других. В исследованиях, создаваемых по идеологически-ориентированной модели, наблюдается приоритет официальной идеологии над иными факторами (традиционализмом и прагматизмом), он выявляется через такой параметр, как ориентация исследования на обоснование и актуализацию управленческих идей, внедряемых со стороны партии и государства. В этом случае в работе наблюдается прямая связь научного материала с партийными и правительственными документами идеологического характера. Дополнительным параметром такой модели будет вторичность прагматики и традиционализма. При этом идеологизированные работы могут носить активно-прагматический характер (если в работе на первом месте стоит проблема реальной апробации, анализа и внедрения продиктованных партией и правительством управленческих стратегий) или пассивно-прагматический характер (если цель работы — апология или поиск обоснования общих идей КПК о социальном управлении без привязки к реально внедряемым управленческим практикам). Что касается третьего, вспомогательного для государственной идеологии фактора (традиционализма), то он в случае приоритета идеологического фактора проявляется настолько, насколько традиционные идеи соположимы с конкретными идеологическими доктринами, а также в связи с декларированием возможности их сопоставления и, как итог, подтверждения правильности идеологического курса.

Таким образом, идеологически-ориентированные модели направлены на обоснование и толкование устоявшихся и актуальных управленческих идеологем, институционально закрепленных на официальном уровне, а также стратегий управления, объявленных партией и государством в качестве принципиальных. При анализе китайских социологических работ по социальному управлению удалось выявить три идеологически-ориентированные субмодели: 1) с пассивными дополнительными факторами (когда прагматика в работе представлена слабо, поскольку работа ориентирована исключительно на воспроизведение партийно-государственных идей общего характера, а традиционализм присутствует только формально); 2) с активным традиционалистским фактором (когда государственная идеология укрепляется наличием в тра-

диционной культуре и философии Китая сходных концепций); 3) с активным прагматическим фактором (когда авторы анализируют выдвинутые на официальном уровне идеологии как способы преодоления реальных проблем социального управления). Работ по возможно существующей субмодели с двумя активными факторами на данный момент нами не зафиксировано, что может служить косвенным признаком наличия у официальной идеологии свойства «выдавливания» из текста признаков влияния других факторов.

Идеологически-ориентированная субмодель с пассивно-выраженными дополнительными факторами дает возможность создания работ исключительно для продвижения положений о социальном управлении, выдвинутых партийно-государственными лидерами, а также идеологами всех уровней.

Такого рода труды довольно типичны по структуре, их сущность можно увидеть по результатам работы Сунь Говэня «Переход от [социального управления в концепции] “шэхуэй гуаньли” к [социальному управлению в концепции] “шэхуэй чжили”» [22]. Диссертация полностью посвящена обоснованию положений, изложенных в «Постановлении Центрального комитета КПК по некоторым важным вопросам всестороннего углубления реформ», принятом в 2013 году на 3-й пленум ЦК КПК XVIII-го созыва. Основной метод — сравнительно-сопоставительный анализ, он позволил автору провести сравнение концепций «шэхуэй гуаньли» и «шэхуэй чжили», не в пользу первой, которая, вслед за идеологическими установками государства, признается устаревшей. Исследователь развивает идею о том, что традиционная концепция социального управления не учитывает интересы общества, построена на примате административно-командных способов управления, препятствует диверсификации субъектов управления. Новая же концепция, предложенная партией и государством в 2013 году, подается в работе как инновационная, расширяющая полномочия различных общественных сил в системе социального управления. Тем не менее повторный анализ того же материала, проведенный нами вслед за автором, дает возможность установить высокую условность выводов автора, обусловленную тем, что для анализа им были отобраны лишь те теоретические работы, которые позволяют подтвердить официальную точку зрения. Кроме того, прежняя концепция («шэхуэй гуаньли») уже давно разрабатывалась китайскими учеными в новом, «социальном», измерении [23], в нее еще в 1990–2000-е годы включались в качестве субъекта управления общественные организации, бизнес-круги, сельские и городские сообщества [24]. Другими словами, внедрение новой концепции социального управления было не столько инновацией, сколько попыткой перехватить актуальную повестку со стороны партийно-государственных органов. Таким образом, проанализированная работа представляет собой исключительно агитационный текст. Попыток решения прагматических задач в работе обнаружено не было, а традиции эксплицитно упоминаются исключительно в значениях «устаревший», «прежний» и только в связке с «отменяемой» китайскими идеологами концепцией социального управления «шэхуэй гуаньли».

Как итог, отличительная черта работ по такой модели — их слабая научная прагматика, поскольку они выполняют, скорее, пропагандистские задачи, нежели научные. Вместе с тем их востребованность не слишком высока, поскольку исследователи в

целом предпочитают выполнять поставленные перед ними задачи политической агитации параллельно решению основной исследовательской задачи, а не вместо нее.

Идеологически-ориентированная субмодель с активным традиционалистским фактором чаще всего применяется в работах, цель которых — внедрение партийно-идеологических доктрин в социальные сферы с высокой степенью влияния традиционализма, среди наиболее общих таких сфер можно назвать сельское управление и управление национальными автономиями.

Как эта модель позволяет соединить два указанных фактора, можно увидеть на примере работы, в которой пересекаются вышеназванные сферы: в диссертации Ван Лися «Исследование моделей управления сельской общиной народности баоань» [25]. Определяющая функция идеологического фактора проходит через всю работу: автор сосредоточен на том, какие именно методы социального управления будут наиболее эффективными для укрепления в сельских районах с преимущественным проживанием национальных меньшинств влияния партийно-государственных структур. Так, в качестве базовой функции сельского управления исследователь указывает осуществление государственной политики, а также называет две другие функции — обеспечение потребностей местного населения в общественных благах и услугах и организация жителей сел для участия в коллективных мероприятиях.

Ван Лися выделяет три методологических уровня сельского управления: физическое, техническое и нравственное. Первое — это физическое присутствие партии и государства в отдаленных от центра регионах, например агитационные материалы и мероприятия, пропагандистские лозунги, которые можно встретить повсюду на стенах жилых домов в сельских общинах. Второе — это использование технических средств, СМИ, передовых технологий для продвижения национальной идеологии и ценностей. Третье — это назначение на должности управленцев людей с высокими морально-нравственными качествами. Очевидно, что не один из указанных уровней не отделяется от партийно-государственной идеологии как базового инструмента социального управления.

Традиционалистский фактор проявляется в работе в связи с тем, что Ван Лися указывает на значительную роль традиционных устоев в рассматриваемых районах. Источники власти здесь не только институциональные или личностные, но и клановые, а помимо формализованных форм управления сверху, выражающихся в практике «спуска закона в сельскую местность», есть еще и неформализованные традиционные формы поддержания общественного порядка, которые автор характеризует как «управление на основе ритуала». Оно включает нормы традиционной исламской культуры с религиозной этикой в ее основе и учет значимости этих форм социального управления — залог нормализации управленческого присутствия партии и государства в таких районах.

Традиционализм в социологических работах может проявляться и более явно: нередки работы, в которых предпринимаются попытки показать, как идеи традиционной философии влияют на современное социальное управление. Среди наиболее репрезентативных примеров — работа Лу Сяо «Краткое изложение мыслей Лю Цзунъюаня о социальном управлении» [26], диссертация Чжан Сиюня «Исследование идей Гуань Чжуня о социальном управлении» [27] и т. п. Очевидно, что такие работы в российской

и западной практиках трудно отнести к социологическим, однако в КНР подобные диссертации дают социологии возможность «отрабатывать» запрос власти на традиционалистский компонент.

Анализ работ показывает, что данную модель нельзя считать излишне продуктивной. Она используется лишь в тех случаях, когда в исследовании нужно продемонстрировать возможности государственной идеологии при ее опоре на традиционные ценности. В сущности, в этих работах авторы используют традицию как обоснование эффективности китаизированных партийно-государственных идеологов.

Идеологически-ориентированная субмодель с активным прагматическим фактором продиктована необходимостью найти способы практического применения для результатов работы партийно-государственных идеологов. Официальная идеология выступает в данном случае не просто как одно из обязательных условий, которое надо учитывать при разработке рекомендаций по совершенствованию системы социального управления, но как базовый содержательный компонент. Рассматриваемая субмодель берет актуальную идеологию и обосновывает ее в качестве средства решения актуальных проблем социального управления.

Проследить использование такой субмодели можно в работе Хэ Вэя «Формирование общности управления: изучение консультативного управления в городских сообществах (на примере района Путо города Шанхая)» [28]. В основе работы лежит две значимых на сегодня идеологемы из сферы государственного управления: «общность управления» и «консультативное управление». Под первым понимается формирование единой социальной системы управления, консолидирующей общественные интересы, вторая же — это инструмент достижения такого рода консенсуса в отсутствие либерально-демократических рычагов участия в общественно-политической жизни страны. Консультации, то есть заслушивание мнений и предложений по проблемам социального развития во всех сферах общественной жизни, становятся жизненно важным инструментом стабилизации системы, а также способом формирования «консультативной демократии», построенной не на конкуренции социально-политических сил (которая в таких работах представляется как хаотичное противостояние, ведущее к социальной несправедливости), а на консолидации и согласовании их интересов.

Прагматический фактор выражается в попытке представить китайское социальное управление как систему, в которой консультативное управление играет ключевую роль в принятии решений на всех уровнях: на самом высоком политическом уровне в качестве консультирующих сил привлекаются демократические партии, общественные организации, функционирует Народный политический консультативный совет Китая, на низовых уровнях — низовые общественные организации, городские сообщества, районные и уличные комитеты, комитеты городских жителей и т. п.

Традиционалистский фактор представлен в работе слабее: большинство упоминаний традиции идет в значении «устаревший», вместе с тем в работе описана связь современной концепции «общности» с древнекитайскими концепциями «гармония как высшая ценность» и «путь гармонии и согласия». Этого достаточно, чтобы показать связь с традицией и одновременно обосновать «общность управления» и «консультативное управление» как инновации, разработанные и предложенные партией и прави-

тельством для решения современных актуальных проблем, которые невозможно решить устаревшими методами.

Последняя субмодель относится к числу продуктивных, поскольку, с одной стороны, партия и правительство нуждаются в активной идеологической поддержке научных кругов, с другой — научные круги ищут реальные пути внедрения официальных идеологических концепций в социальное управление. По сравнению с другими субмоделями наиболее важным становится наличие сильного прагматического фактора: именно он дает субмодели жизнеспособность и возможность с ее помощью решать проблемы социального управления, а как минимум — эти проблемы озвучивать.

Выводы

Установлено, что в современной китайской социологии при исследовании социального управления применяется три типа моделей, выбор которых зависит от одного из базовых факторов: прагматизма с одной стороны, официальной идеологии и вспомогательного для нее традиционализма с другой. Ни одна из моделей не может опираться только на один из факторов, напротив, они влияют на любую работу и уравнивают друг друга. Партийно-государственная идеология, под влиянием которой формируются идеологически-ориентированные модели, играет довольно значительную роль при планировании и осуществлении исследования, в особенности при представлении его результатов.

В работах, созданных по идеологически-ориентированным моделям, социальное управление как феномен обретает определенные черты. Во-первых, в его структуре прослеживается недвусмысленная иерархия: на верхней ступени находятся партийно-государственные органы, задающие управленческие стратегии, на нижней — социальные объединения, принимающие эти стратегии и работающие с ними как с заданными, неотменяемыми условиями развития социума. Во-вторых, социальное управление предстает как способ достижения социальной гармонии и справедливости, преодоления хаотичности и иррациональности социума. Самоорганизация общества в этой системе не отделена от государства: социальное управление в его иерархичности — важнейший компонент развития общества и двигатель управляемой самоорганизации. В-третьих, указанные модели продвигают партийно-государственные идеологемы в их соединении с традиционными ценностями как базовые инструменты социального управления. В рамках такого подхода они подаются как поведенческие нормы для управленцев всех уровней и как инструмент морально-нравственного воспитания общества на основе традиционных ценностей. Другими словами, передача и формирование традиции, как это уже происходило на протяжении долгого времени в истории Китая, становится ответственностью и прерогативой правящих кругов.

При этом из всех проанализированных моделей наиболее востребованной становится идеологически-ориентированная субмодель с активным прагматическим фактором, позволяющая решать как идеологические, так и собственно научные задачи. Представляется, что благодаря усилению роли партии и государства в общественных процессах в КНР роль идеологически-ориентированных моделей будет только возрастать. Вместе с тем очевидно, что эффективность их научного применения будет зависеть от

того, насколько будет сохраняться роль прагматического фактора, который позволяет отслеживать запрос граждан на участие в социальном управлении и предлагать эффективные формы такого участия.

Список источников

1. Deriugin, P. Social Transformations of Chinese Society in the Focus of Modern Sociological Science / P. Deriugin, L. Lebedintseva, L. Veselova. – Direct text // The Routledge Handbook of Chinese Studies. – Abingdon-on-Thames : Routledge, 2021. – P. 389–401.
2. Маслова, Е. А. Эволюция представлений об идеологии в политической теории / Е. А. Маслова. – Текст : непосредственный // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Международные отношения. Политология. Регионоведение. – 2011. – № 6 (1). – С. 315–319.
3. Abercrombie, N. The Penguin Dictionary of Sociology / N. Abercrombie, S. Hill, B. S. Turner. – 5th edition. – London : Penguin Books, 2006. – 496 p. – Direct text.
4. Маркс, К. Немецкая идеология / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Текст : непосредственный // Сочинения. – 2-е изд., Т. 3. – Москва : Государственное издательство политической литературы, 1955. – С. 7–544.
5. Тюрина, Ю. А. Власть как фактор социально-групповых изменений в образовании советской и постсоветской России / Ю. А. Тюрина. – Текст : непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2009. – № 4 (44). – С. 156–162.
6. Кобзев, А. И. Китайский путь человечества / А. И. Кобзев. – Текст : непосредственный // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2016. – № 4. – С. 16–27.
7. Малявин, В. В. Китайская цивилизация: монография / В. В. Малявин Москва : Апрель, ООО «Издательство АСТ», Издательско-продюсерский центр «Дизайн. Информация. Картография», 2000. – 632 с. – Текст: непосредственный.
8. Oliveira, D. J. S. Social Management : Epistemology Beyond Paradigms / D. J. S. Oliveira. – Direct text // Organizações & Sociedade. – 2021. – 28 (98). – P. 582–606.
9. 李程伟. 社会管理体制创新: 公共管理学视角的解读 // 中国行政管理. – 2005. – 第5期. – 第39-41页.
10. Reddel, T. Third Way Social Governance : Where is the State / T. Reddel. – Direct text // Australian Journal of Social Issues. – 2004. – Vol. 39, Issue 2. – P. 129–142.
11. 俞可平. 推进社会管理体制的改革创新 // 学习时报. – 2007年. – 第388期.
12. 于景辉. 全球化背景下的我国社会管理机制创新研究. – 博士学位论文: 社会学. – 长春: 吉林大学, 2011. – 120页
13. Mayo, G. E. The human problems of an industrial civilization / G. E. Mayo. – New York : Macmillan, 1933. – 194 p. – Direct text.
14. Mayo, G. E. The social problems of an industrial civilization / G. E. Mayo. – Boston : Division of Research, Graduate School of Business Administration, Harvard University, 1945. – 150 p. – Direct text.

15. Social management beyond procrustes' bed : Ontological, Epistemological and Methodological Considerations/ A. C. Cançado, J. R. Pereira, F. G. Tenório, A. A. Vilas Boas. – Direct text // *Business and Management Review*. – 2015. – Vol. 4, Issue 5. – P. 208–222.
16. 吕志奎, 胡薇薇. 强化我国政府社会管理职能的对策思考 ——《“政府社会管理”课题的研究报告》之四 // *东南学术*. – 2005. – 第4期.
17. 盛美娟. 中国社会转型与社会管理方式创新研究 // *兰州学刊*. – 2008年. – 第12期. – 第77-80页.
18. Колпакова, Т. В. Эволюция управленческой мысли в Китае / Т. В. Колпакова. – Текст : непосредственный // *Россия и Китай : проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра*. – 2017. – № 19. – С. 14–17.
19. Кремнёв, Е. В. Зарождение социолого-управленческой традиции в китайском обществе на рубеже XIX–XX веков / Е. В. Кремнёв. – DOI 10.17323/1728-192x-2019-3-116-142. – Текст : непосредственный // *Социологическое обозрение*. – 2019. – № 18 (3). – С. 116–142.
20. Кремнёв, Е. В. Властно-управленческие концепции китайской марксистской социологии начала XX века : традиции и революция / Е. В. Кремнёв. – DOI 10.31857/S013216250009479-9. – Текст : непосредственный // *Социологические исследования*. – 2020. – № 5. – С. 102–112.
21. 竇玉沛. 从社会管理到社会治理: 理论和实践的重大创新 // *行政管理改革*. – 2014. – №4.
22. 孙国文. 从社会管理到社会治理的嬗变. 硕士学位论文: 社会学. – 南京: 南京师范大学, 2016. – 51页.
23. 何增科. 社会管理体制改革的总体思路: 走向新的社会管理模式 // *毛泽东邓小平理论研究*. – 2007. – 第9期.
24. 风笑天, 张小山, 周清平. *社会管理学概论*. – 武汉: 华中理工大学出版社, 1999.
25. 王丽霞. 保安族乡村社区治理模式研究. – 博士学位论文. 专业: 社会学 (民族社会学). – 兰州: 兰州大学, 2014. – 173页.
26. 卢啸. 柳宗元社会治理思想初探. – 硕士学位论文: 社会学 (社会学). – 济南: 山东大学, 2021. – 37页.
27. 张曦赞. 管仲社会治理思想研究. – 硕士学位论文. 专业: 社会学. – 安徽: 安徽大学, 2017. – 41页.
28. 何威. 治理共同体建构: 城市社区协商治理研究 —— 以上海市普陀区为例. – 博士学位论文: 社会学 (城市社会学). – 上海: 华东师范大学, 2018. – 208页.

References

1. Deriugin, P., Lebedintseva, L., & Veselova, L. (2021). Social transformations of Chinese society in the focus of modern sociological science. *The Routledge Handbook of Chinese Studies*, pp. 389-401. (In English).

2. Maslova, E. A. (2011). Evolution of the concept of ideology in political theory. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Mezhdunarodnye otnosheniya. Politologiya. Regionovedenie*, (6 (1)), pp. 315-319. (In Russian).
3. Abercrombie, N., Hill, S., & Turner, B. S. (2006). *The Penguin Dictionary of Sociology*. 5th edition. London, Penguin Books, 496 p. (In English).
4. Marx, K., Engels, F. (1955). *Nemetskaya ideologiya. Sochineniya*. 2nd edition. Vol. 3. Moscow, State Publishing House of Political Literature Publ. (In Russian).
5. Tyurina, Yu. A. (2009). Power as a factor of social and group transformations in education of Soviet and post-Soviet Russia. *Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, (4(44)), pp. 156-162. (In Russian).
6. Kobzev, A. I. (2016). Chinese way of humanity. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost*, (4), pp. 16-27. (In Russian).
7. Malyavyn, V. V. (2000). *Kitayskaya tsivilizatsiya*. Moscow, April', OOO "Izdatel'stvo AST", Izdatel'sko-prodyuserskiy tsentr "Dizayn. Informatsiya. Kartografiya" Publ., 632 p. (In Russian).
8. Oliveira, D. J. S. (2021). Social management: Epistemology beyond paradigms. *Organizações & Sociedade*, (28 (98)), pp. 582-606. (In English).
9. Li, Chengwei. (2005). Social management system innovation: A public management perspective. *Chinese Administration Management*, 5, pp. 39-41. (In Chinese).
10. Reddel, T. (2004). Third way social governance: where is the state? *Australian Journal of Social Issues*, 39(2), pp. 129-142. (In English).
11. Yu, Keping. (2007). Promoting the reform and innovation of social management system. *Learning Times*, 388 p. (In Chinese).
12. Yu, Jinghui. (2011). Research on the innovation of China's social management mechanism under the globalization background. PhD thesis, Jilin University, Changchun, China, 120 p. (In Chinese).
13. Mayo, G. E. (1933). *The human problems of an industrial civilization*. New York, Macmillan, 194 p. (In English).
14. Mayo, G. E. (1945). *The social problems of an industrial civilization*. Boston, Division of Research, Graduate School of Business Administration, Harvard University, 150 p. (In English).
15. Cançado, A. C., Pereira, J. R., Tenório, F. G., & Vilas Boas, A. A. (2015). Social management beyond procrustes' bed: Ontological, Epistemological and Methodological Considerations. *Business and Management Review*, 4(5), pp. 208-222. (In English).
16. Lyu, Zh., & Hu, W. (2005). Strengthening the countermeasures of our government's social management functions. *Southeast Academic*, 4. (In Chinese).
17. Sheng, M. (2008). Chinese social transformation and social management innovation research. *Lanzhou Academic Journal*, 12, pp. 77-80. (In Chinese).
18. Kolpakova, T. V. (2017). Evolution of management thought in China. *Rossiia i Kitay: problemy strategicheskogo vzaimodeystviya: sbornik Vostochnogo tsentra*, (19), pp. 14-17. (In Russian).
19. Kremnyov, E. V. (2019). The origin of management ideas in sociology in Chinese society at the turn of the 19th and 20th centuries. *Russian Sociological review*, (18(3)), pp. 116-142. (In Russian). DOI: 10.17323/1728-192x-2019-3-116-142

20. Kremnyov, E. V. (2020). Governance concepts in Chinese Marxist sociology of the Early 20th century: tradition and revolution. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, (5), pp. 102-112. (In Russian). DOI: 10.31857/S013216250009479-9
21. Dou, Yupei. (2014). From social management to social governance: A major innovation in theory and practice. *Administrative Reform*, 4. (In Chinese).
22. Sun, Guowen. (2016). Transition from social management to social governance. Master's thesis, Nanjing Normal University, Nanjing, China. (In Chinese).
23. He, Zengke. (2007). The overall approach to social management system reform: Towards a new social management model. *Mao Zedong and Deng Xiaoping Theory Research*, 9. (In Chinese).
24. Feng, Xiaotian, Zhang, Xiaoshan, & Zhou, Qingping (1999). Introduction to social management. Wuhan: Huazhong University of Science and Technology Press. (In Chinese).
25. Wang, Lixia. (2014). Research on the Governance Model of Rural Communities in Baoan District. PhD thesis, Lanzhou University, Lanzhou, China. (In Chinese).
26. Lu, Xiao. (2021). Preliminary study on Liu Zongyuan's social governance thought. (Master's thesis, Shandong University, Jinan, China). (In Chinese).
27. Zhang, Xiyun. (2017). Research on Guan Zhong's social governance thought. Master's thesis, Anhui University, Anhui, China. (In Chinese).
28. He, Wei. (2018). The construction of governance community: A study of consultative governance in urban communities: the case of Putuo District, Shanghai. PhD thesis, East China Normal University, Shanghai, China. (In Chinese).

Информация об авторе / Information about the author

Кремнёв Евгений Владимирович, кандидат социологических наук, доцент, ведущий кафедрой китаеведения, руководитель научно-исследовательского центра трансдисциплинарной регионологии АТР, ассоциированный научный сотрудник Российско-китайского центра междисциплинарных исследований СИ РАН — ФНИСЦ РАН, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Kremnyov2005@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5255-3772>

Evgeny V. Kremnyov, Candidate of Sociology, Associate Professor, Head of the Department of Sinology, Head of the Research Center for Transdisciplinary Regionology of Asia Pacific, Associate Researcher at the Russian-Chinese Center for Interdisciplinary Research, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences - a branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Irkutsk State University, Kremnyov2005@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5255-3772>

Статья поступила в редакцию 26.01.2024; одобрена после рецензирования 26.02.2024; принята к публикации 05.03.2024.

The article was submitted 26.01.2024; approved after reviewing 26.02.2024; accepted for publication 05.03.2024.

УДК 352.071

DOI: 10.31660/1993-1824-2024-1-101-115

Факторы и направления политики обеспечения информационной безопасности России

А. А. Попкова*, К. В. Парфенов

Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия

**popkovaaa@tyuiu.ru*

Аннотация. Трансформационные процессы, происходящие в обществе, в настоящее время усилили роль информации в обеспечении функционирования государства и поставили обеспечение информационной безопасности в качестве одной из ключевых целей национальной политики. Геополитические аспекты информационного противоборства вышли в стадию когнитивной войны, в которой информационное воздействие направлено в первую очередь на дестабилизацию социально-политических и экономических процессов. Существенную роль в достижении данной цели играют возникновение и распространение недостоверной общественно значимой информации, более известной как фейковая в системе информационного пространства России. Несмотря на разрабатываемые документы политики обеспечения информационной безопасности, которые направлены на предотвращение распространения подобной информации, складывается обратная тенденция — количество фейков и их распространенность растет. Цель исследования — систематизация факторов и направлений политики обеспечения информационной безопасности России и определение значения фейковой информации в выстраивании приоритетов ее реализации. В статье представлен анализ правовых положений политики обеспечения информационной безопасности России, систематизация основных направлений ее реализации, а также вторичный анализ результатов исследования распространения фейковой информации в информационном пространстве государства. Систематизация предложенных факторов позволяет определить условия формирования и реализации эффективной политики обеспечения информационной безопасности в направлении противодействия деструктивному информационному воздействию на граждан.

Ключевые слова: информационная безопасность, политика обеспечения информационной безопасности, фейк, недостоверная общественно значимая информация

Для цитирования: Попкова, А. А. Факторы и направления политики обеспечения информационной безопасности России / А. А. Попкова, К. В. Парфенов. – DOI 10.31660/1993-1824-2024-1-101-115 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2024. – № 1. – С. 101–115.

Factors and directions of information security policy in Russia

Alena A. Popkova*, Konstantin V. Parfenov

Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia

**popkovaaa@tyuiu.ru*

Abstract. The transformational processes taking place in society have now strengthened the role of information in ensuring the functioning of the state and put information security as one of the key objectives of national policy. Geopolitical aspects of information confrontation have entered the stage of cognitive warfare, in which the information impact is primarily aimed at destabilising socio-political and economic processes. The emergence and dissemination of inaccurate information of public importance, commonly referred to as fake news, plays a

significant role in compromising information security within information space of Russia. Although information security policy documents aim to prevent the dissemination of false information, the number of fake news and their prevalence are increasing. The aim of the study is to systematise the factors and directions of information security policy in Russia and to determine the significance of fake news. The article analyses the legal provisions of the policy for ensuring information security in Russia. It systematises the main directions of its implementation and provides a secondary analysis of the results of the study on the spread of fake news in information space of Russia. The proposed factors have been systematised to enable the determination of conditions for the formation and implementation of an effective information security policy. This policy aims to counteract destructive information influence on citizens.

Keywords: information security, information security policy, fake, unreliable socially significant information

For citation: Popkova, A. A., & Parfenov, K. V. (2024). Factors and directions of information security policy in Russia. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, (1), pp. 101-115. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2024-1-101-115

Введение

Развитие информационного общества привело к доминирующей роли информации как в геополитических, так и в политических, экономических и социальных процессах отдельных государств и регионов. Все это потребовало активного вмешательства государства в конструирование информационного пространства, развитие информационных систем и инструментов информационного противоборства, формирования политики обеспечения информационной безопасности.

На сегодняшний день процессы, происходящие в информационной сфере, требуют от государств включения в политическую повестку обеспечения национальной безопасности вопроса информационной безопасности, охватывающей сферу не только функционирования государственных органов и учреждений, крупных экономических субъектов страны, но и обычных граждан, в жизнь которых информационные атаки и угрозы вносят существенный социальный дисбаланс.

По данным Лаборатории Касперского, Российская Федерация (РФ) стабильно занимает первое место по количеству кибератак, которых ежедневно осуществляется более двух миллионов [1]. Количество случаев мошенничества с использованием информационных технологий в 2023 году возросло на 86 %, их доля в общем количестве преступлений в России, по данным Министерства внутренних дел (МВД) РФ, составляет 30 %, а ущерб исчисляется 15 млрд руб. [2; 3]. Количество фейковой информации в информационном пространстве нашей страны за последние два года увеличилось в 8 раз и составило в 2023 году 12,5 млн, а в прогнозе на 2024 год определяется дальнейший рост ссылок на недостоверную информацию до 15 млн. Социальный эффект от данного информационного воздействия усиливается быстрой распространяемостью фейковой информации, только 5 наиболее топовых фейков 2023 года набрали 617,2 млн просмотров [4].

Постоянная трансформация информационной среды, механизмов ее конструирования требует изменения подходов к формированию и реализации политики информационной безопасности. Президент РФ В. В. Путин в 2023 году трижды инициировал заседание Совета Безопасности по вопросам информационной безопасности России с

целью обсуждения вопроса повышения эффективности мер в данной сфере. Оперативное реагирование на возникающие угрозы, формирующийся опыт Российской Федерации в ведении информационного противоборства требуют системного осмысления происходящих процессов и определения стратегических мер, направленных на снижение социальных последствий информационных атак, формирования информационного иммунитета среди населения и постоянного совершенствования политики информационной безопасности не догоняющего, а опережающего характера.

Материалы и методы

Исследование факторов и направлений политики обеспечения информационной безопасности основано, в первую очередь, на теоретико-методологическом анализе базовых категорий, позволившем сформировать понятие политики обеспечения информационной безопасности.

Выделение ключевых направлений реализации политики основано на правовом анализе Доктрин информационной безопасности, принятых в 2000 и в 2016 гг. [5; 6], Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [7], Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [8], Указа Президента РФ от 12.04.2021 № 213 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности» [9].

Эмпирическая часть статьи основана на вторичном анализе данных результатов социологических исследований, проведенных Всероссийским центром изучения общественного мнения в 2021–2023 гг. по различным аспектам информационной безопасности [10; 11], а также автономной некоммерческой организацией «Диалог. Регионы» в 2023 году по вопросам распространенности фейковой информации [12].

Результаты и обсуждение

«Развитие безопасного информационного пространства, защита российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия» было определено в 2021 году в качестве одного из ключевых национальных интересов России, а информационная безопасность стратегическим национальным приоритетом [7]. Развитие информационно-коммуникационных технологий, противодействие инициативам России в развитии системы международной информационной безопасности, распространение недостоверной и заведомо ложной информации, стремление к выведению из строя объектов критической информационной инфраструктуры государства определило необходимость трансформации действующей политики обеспечения информационной безопасности, целью которой является «укрепление суверенитета России в информационном пространстве».

По мнению Л. А. Кравченко и Д. В. Субоч, информационная безопасность в обществе достигается «проведением единой государственной политики в области обеспечения безопасности, системой мер экономического, политического и иного характера, адекватных угрозам жизненно важных интересов личности, общества и государства» [13].

Рост внимания к данным процессам определяется существенным ростом объема информации, распространяемой и используемой в сети Интернет. По данным Global Business Data Platform Statista поток данных в глобальном Интернете только за последние пять лет вырос более чем в три раза, с 46 600 гигабайт трафика в секунду в 2017 году до 150 700 гигабайт в 2024 году.

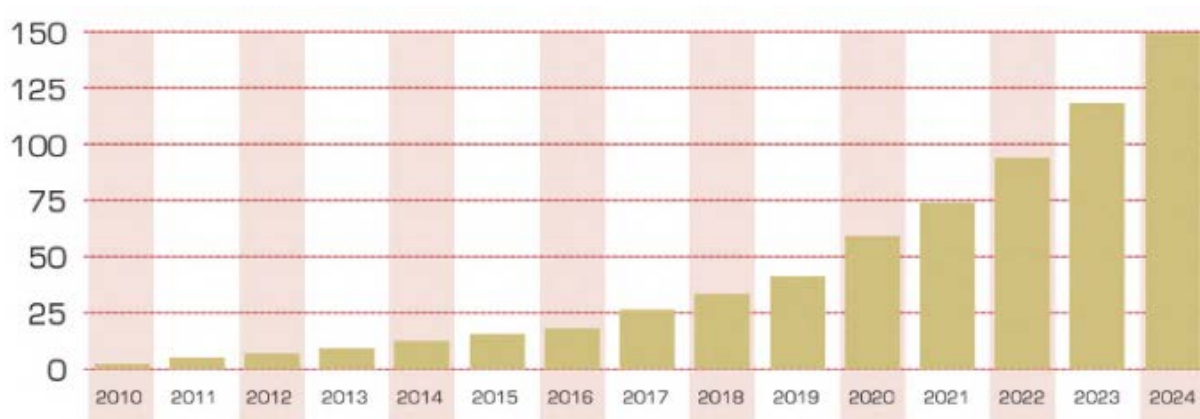


Рис. 1. Поток данных в глобальной сети Интернет [14]

Развитие активности пользователей Сети отмечается и в нашей стране. По результатам исследования, проведенного социологическим агентством «Вебер», на конец 2023 года 93 % граждан РФ ежедневно используют Интернет, более половины из которых тратят на это до 4 часов в день, а 17 % — более 8 часов. Вторичный анализ результатов исследования показывает, что большинство россиян используют Сеть для получения информации о процессах, происходящих в стране и мире (63 %), а также в качестве поискового информационного ресурса (58 %) и коммуникативного пространства для общения (42 %) [14]. Распределение запрашиваемой информации по отраслям показывает, что на первом месте по запросам сфера политики (41 %), социальная сфера (33 %) и сфера международных отношений (31 %). Следовательно, Интернет на сегодняшний день стал информационно-коммуникативной средой, предоставляющей информацию по значимым для россиян вопросам. В связи с этим значимыми являются вопросы о достоверности этих данных, качестве формирования информационного пространства и минимизации рисков негативного информационного воздействия.

Информационная безопасность как объект политического воздействия сформировалась не сейчас, а в эпоху активизации кибервойн, кибермошенничества и тотального производства фэйковой информации. В Российской Федерации в 2000 году была принята Доктрина информационной безопасности, определившая под объектом политики обеспечения информационной безопасности «состояние защищенности национальных интересов России в информационной сфере, определяемой совокупностью сбалансированных интересов личности, общества и государства» [5]. Усложнение информационного пространства, его глобализация и повышение значимости информационно-коммуникационных технологий для обеспечения эффективного функционирования

государства, его политической, экономической и социальной системы привело к нарастанию свойств и факторов информационной безопасности как объекта политики — «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспечивается реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальная целостность и устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации, оборона и безопасность государства» [6]. Принятие указа Президента РФ «Об утверждении основ государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности» в 2021 году подчеркнуло значимость и признание геополитического фактора в обеспечении информационной безопасности и становлении ее не только в качестве объекта внутренней, но и внешней политики государства [9].

На основе практики реализации политики обеспечения информационной безопасности ее базовые составляющие делятся на два блока:

- информационно-техническая безопасность: защита от несанкционированного доступа, хакерских взломов компьютерных сетей и сайтов, логических бомб, компьютерных вирусов и вредоносных программ, несанкционированного использования частот, радиоэлектронных атак и др.; защита критических инфраструктур государства;
- информационно-психологическая безопасность: защита психологического состояния общества и государства от негативного информационного воздействия; проблема противостояния фейковым новостям.

Формулируя современное сущностное определение информационной безопасности, можно выделить следующее: под информационной безопасностью понимаются такие информационные условия функционирования объекта, в которых он сохраняет способность и возможность принимать и реализовывать решения в соответствии со своими целями и интересами и способен сопротивляться деструктивному информационному воздействию в интересах других субъектов.

В соответствии с анализом документов, принятых в сфере обеспечения информационной безопасности, можно выделить содержательные характеристики государственной политики обеспечения информационной безопасности как комплекса мер политического, социального, экономического и технического характера, направленных на формирование системы информационной безопасности страны.

Ключевыми направлениями реализации политики обеспечения информационной безопасности на современном этапе являются следующие:

- развитие активной информационной среды для предоставления достоверной информации;
- обеспечение защищенности и устойчивости информационной инфраструктуры государства;
- прогнозирование, выявление, предупреждение, ликвидация угроз информационной безопасности;
- предотвращение негативного информационно-технического воздействия на информационные ресурсы федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного само-

управления, государственных корпораций и учреждений, хозяйствующих субъектов, имеющих важное стратегическое значение;

- выявление, пресечение и предупреждение преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий;
- защищенность и устойчивость функционирования объектов информационно-коммуникационной инфраструктуры и сфер, обеспечивающих ее деятельность;
- создание условий для снижения рисков утечек информации ограниченного доступа и персональных данных;
- предотвращение ущерба национальной безопасности государства в результате технической разведки иностранных государств;
- защита прав и свобод человека во время обработки персональных данных в информационных системах;
- укрепление информационной безопасности в военной сфере и сфере оборонно-промышленного комплекса;
- совершенствование системы информационного противоборства;
- противодействие деструктивному информационному воздействию на граждан и общество экстремистских и террористических организаций, специальных служб и пропагандистских структур иностранных государств;
- расширение применения технологии искусственного интеллекта при обеспечении информационной безопасности;
- реализация национальных программ проектов в области цифровизации экономики и государственного управления;
- развитие сотрудничества в сфере международной информационной безопасности;
- формирование системы распространения достоверной информации о внутренней и внешней политике России;
- обеспечение взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления и некоммерческих организаций в сфере обеспечения информационной безопасности.

Комплексный подход к формированию и реализации политики обеспечения информационной безопасности позволит обеспечить своевременное реагирование на угрозы, возникающие в информационном пространстве и направленные на дестабилизацию общегосударственных процессов.

Одним из наиболее значимых для общества направлений государственной политики обеспечения информационной безопасности является распространение достоверной информации и противодействие деструктивному информационному воздействию на граждан. Необходимость реализации государственных мер в данной сфере вызвана значительным ростом и распространением недостоверной (фейковой) информации. Сама сущностная природа фейка определяется недостоверностью произведенной информации и вирусном ее распространении с целью воздействия на поведение человека, его ценности и мышление, процессы принятия им решений. Сложность противодействия фейкам заключается в том, что каналы распространения данной информации и

каналы ее опровержения не совпадают, и в большинстве случаев потребитель не включен в систему ее опровержения [15].

Законодательно под категорией фейк определяется недостоверная общественно значимая информация, которая распространяется «под видом достоверных сообщений, которая создает угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу, угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности либо угрозу возникновения помех функционированию или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи» [16].

Вторичный анализ результатов социологического исследования, проведенного в конце 2023 года автономной некоммерческой организацией «Диалог. Регионы» (квотная выборка, 3 600 респондентов, распределение по полу и возрасту), показывает, что за период с 2021 по 2023 гг. количество создаваемой фейковой информации увеличилось почти в три раза. Темпы вирусного копирования фейков, несмотря на активную политику противодействия распространению подобной информации, растут и по прогнозам продолжат увеличиваться и в 2024 году достигнут 15 миллионов копий одного фейка (рис. 2).

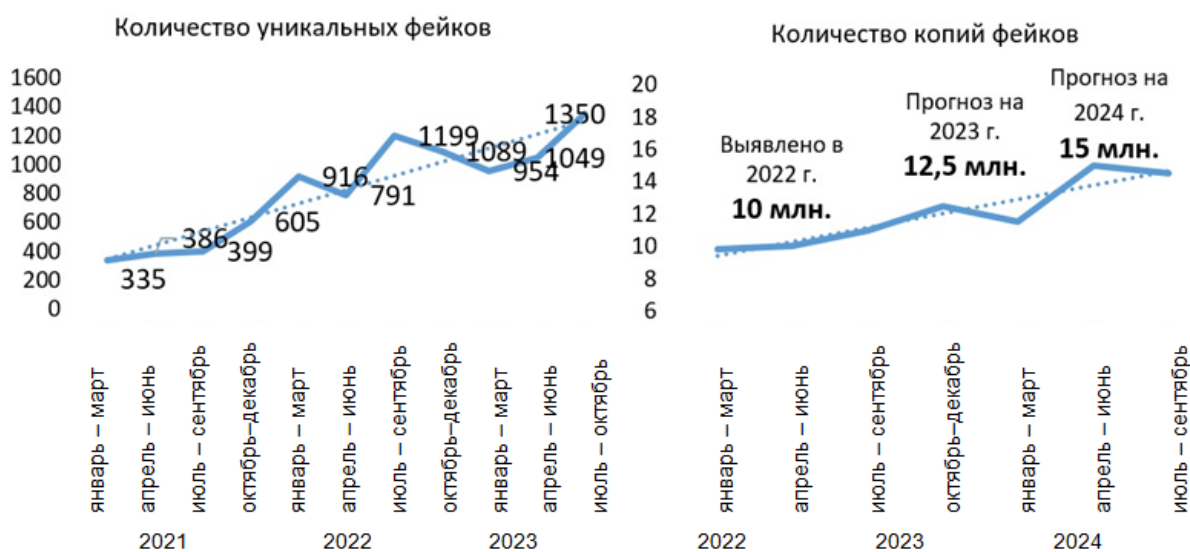


Рис. 2. Количество созданных фейков и степень их распространения (копирование) [13]

Создание фейковой информации является целенаправленным действием, направленным на дезориентацию общества в информационном пространстве посредством разных форм и каналов распространения. Наиболее активно используются механизмы намеренного искажения информации и ложные заявления для деформации объективного понимания происходящего. Для визуального подтверждения и убедительности создаваемой информации активно используются архивные видео и фото, отредактированные для правдоподобности в специализированных программах (рис. 3).



Рис. 3 Механизмы появления фейков

Противодействие созданию и распространению недостоверной информации стало ключевым направлением политики обеспечения информационной безопасности, так как сфера принятия государственных политических решений является наиболее подверженной данным угрозам. По данным исследования, именно вопросы проведения специальной военной операции, политическая сфера и социально значимые происшествия являются лидерами по созданию фейковой информации и ее востребованности среди российской аудитории (рис. 4). Фейковая активность в данных сферах свидетельствует о том, что стремление создателей подобного информационного контента направлена на дестабилизацию в первую очередь общественно-политической жизни общества.



Рис. 4. Распределение по тематике и количеству просмотров фейковой информации

Эффективность фейковых данных определяется не столько созданным информационным продуктом, сколько степенью его проникновения в информационное пространство, достигаемой тиражированием и распространенностью подобной информации по разным каналам. Если в 2022 году среди ключевых каналов распространения фейков доминировали иностранные социальные медиа, то в 2023 году основной объем фейковой информации распространялся в Telegram, Одноклассниках, ВКонтакте и средствах массовой информации.

Существует дифференциация между пользователями и распространителями фейковой информации в нашей стране. Наиболее активно пользуются фейками мужчины в возрасте старше 40 лет. Для данной категории лиц недостоверные данные являются одним из видов информационных материалов, на основе которых они формируют суждения, принимают решения, определяют характер социального поведения.

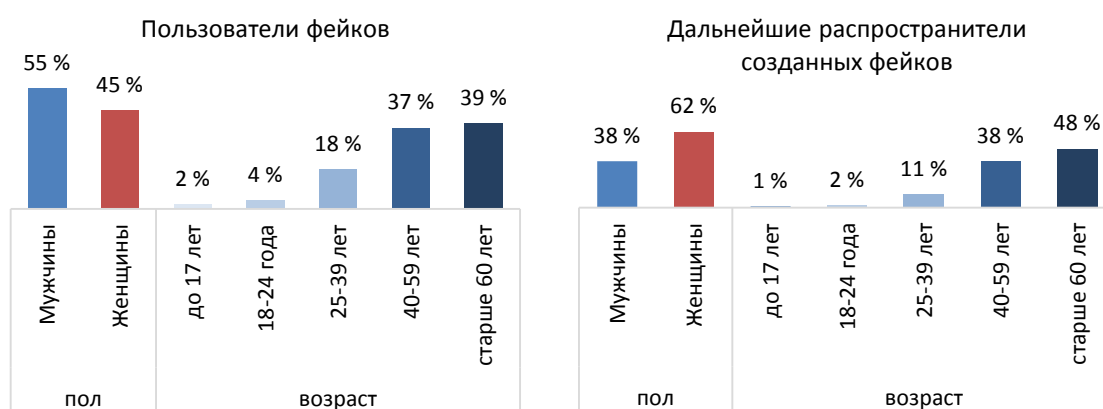


Рис. 5. Половозрастная характеристика пользователей и дальнейших распространителей созданных фейков

В дальнейшем тиражируют фейковую информацию в большинстве женщины старше 40 лет, делясь ей в мессенджерах и увеличивая аудиторию распространения фейков.

Все это происходит на фоне функциональной природы фейков, которую современные исследователи определяют как комплекс задач, ключевой из которых является трансформация информационной повестки с концентрацией на конкретный информационный повод посредством фейковой новости и формирование вокруг него общественного внимания, определяющего социальные тенденции, выступающего в качестве катализатора общественной активности, социальной напряженности, формирующего негативные общественные настроения [17; 18].

Следовательно, активизация политики обеспечения информационной безопасности на современном этапе, одной из задач которой является создание механизмов выявления и опровержения недостоверной информации, является неотъемлемым процессом в деятельности любого государства и его системы национальной безопасности.

Выстраивание эффективной политики обеспечения информационной безопасности происходит в условиях современных социально-технологических и политических трансформаций, вызванных следующими факторами:

1. Технологический фактор — совокупность технологий, имеющих большие возможности по производству и распространению информации. В информационном пространстве на сегодняшний день практически нет барьеров, ограничивающих возможности производства и распространения информации с использованием цифровых технологий для конструирования двойников и профилей, обработки больших массивов данных, применения искусственного интеллекта. Многопрофильность и специфика применения данных технологий развивается такими темпами, что государство не успевает разрабатывать действующие нормы предотвращения формирования недостоверного контента и фактически вырабатывает ответные меры и действия на состоявшиеся факты информационно-психологического воздействия. В результате этого в информационном пространстве накапливается достаточно большой объем фейковой информации, тиражирование которой сложно ограничить, что существенно снижает уровень социального доверия к государству и процессам, происходящим в нем.

2. Реализация информационных прав индивида. Современный человек практически не ограничен в праве генерирования информации вне зависимости от ее природы и отраслевого характера. В современном информационном пространстве индивид имеет право формировать свою позицию относительно общественно-политических и социально-экономических процессов, транслируя ее через комментарии, собственные интерпретации зачастую без привязки к официальным данным и аргументам, определяющим ее достоверность и содержательность. Отсутствие критического мышления и культуры фактчекинга приводит иногда к неосознанному формированию фейков или использованию данного фактора в качестве ключевого для развития вирусности и социально-психологического влияния недостоверной информации в среде массового общественного обсуждения.

3. Субъективность формирования информационного пространства. Нарастивание субъективного основания в деятельности индивида в информационном пространстве привело к растворению его в информационной среде, где зачастую он стремится к созданию «идеального» собственного информационного образа, подменяя факты, избегая реальность, конструируя мнимые образы, оторванные от действительности, теряющие смыслы. Это формирует его уязвимость в информационной среде, неспособность осваивать и применять знания и, как следствие, массовое поверхностное восприятие информации. Подобное упрощенное восприятие информации на окружающую действительность способствует проникновению транслируемых конструируемых моделей поведения и достижению целей в политической и экономической среде, которые преследуют создатели и распространители недостоверного контента.

4. Разнообразие подходов к конструированию и распространению недостоверной информации. Результативность воздействия фейковой информации определяется интенсивностью информационного потока ее распространяющего. Первоначальная стадия социального восприятия сконструированной недостоверной информации — это психоэмоциональная реакция, способствующая включенности граждан в поглощение информационного контента, формированию устойчивого образа и соответствующего ему поведения. На фоне высокой скорости и массовости распространения, всепогло-

щающего восприятия фейковой информации политика опровержения, реализуемая со стороны органов государственной власти, не является эффективной.

Таким образом, в современных условиях цифровизации главной целью негативного информационного воздействия является трансформация массового и индивидуального сознания в интересах определенных лиц, организаций государств, что существенным образом подрывает безопасность государства и его граждан. Включенность в информационное пространство всех аспектов жизнедеятельности человека приводит к усложнению государственной политики обеспечения информационной безопасности и ограниченности ее реализации в отдельных направлениях, связанных с личностно-субъективным поведением индивида в информационном пространстве. Постоянная трансформация технологий конструирования информации, ее передачи и распространения не позволяет на сегодняшний день выработать эффективную политику предотвращения ее социально-психологического воздействия на население. Все это используется заинтересованными сторонами для дестабилизации функционирования основных социальных систем через воздействие на личности. Фейковая информация становится неотъемлемой частью информационного пространства, конструирование которой основывается на приемах социальной инженерии, накопленных данных, изменениях структуры информации, способствующих возникновению эффектов массовости распространения, социально-психологической деформации поведения, инертности восприятия официальной информации, снижению функциональной роли государства в конструировании информационного пространства.

Выводы

В трансформационных процессах общественного развития информация приобрела стратегическое значение, определяющее специфику социальных процессов, поведение индивида и социальных групп, развитие государства и его системы управления.

Цифровизация и развитие всесторонних коммуникативных связей привело к тому, что конструирование информационного пространства стало ограничено регулируемым процессом со стороны органов государственной власти, и в результате в его формировании оказались включены различные заинтересованные субъекты, деятельность которых зачастую направлена на дестабилизацию внутриполитических процессов в России и активное воздействие на массовое сознание граждан.

В этих условиях на протяжении последних десятилетий органами государственной власти РФ ведется поиск эффективных механизмов реализации политики обеспечения информационной безопасности, которая на сегодняшний день включает в себя два основных блока. Первый блок направлен на развитие информационно-технологической независимости управленческих систем различных уровней от возможных киберугроз, нарушений нормального функционирования и способности обработки и передачи данных, снижения рисков их утечки и потери. И это возможно при реализации комплекса мер, направленных на достижение информационно-технологического суверенитета, которые в настоящее время реализуются в Российской Федерации. Второй блок направлен на предотвращение деструктивного воздействия

фейковой информации на общество, социальные группы и личности, которое вызвано активным распространением недостоверной, специально сформированной информации, преследующей цель дестабилизировать социальные процессы в российском обществе. В связи с постоянными изменениями технологий конструирования недостоверного контента меры, предпринимаемые государством, не являются достаточно эффективными и постоянно трансформируются.

Политика обеспечения информационной безопасности имеет стратегическое значение и является одной из ключевых подсистем национальной безопасности государства. Комплекс нормативно-правовых документов, принятых в России, сформировал системный подход к правовому обеспечению национальной безопасности.

Список источников

1. Интерактивная карта киберугроз. – URL: <https://cybermap.kaspersky.com/ru/stats> (дата обращения: 18.01.2024). – Текст : электронный.
2. Черноусов, И. Фишинговая прямая : число мошеннических сайтов в 2023 году выросло на 86 %. С чем связано увеличение количества таких порталов и почему преступники переносят их за границу / И. Черноусов. – Текст : электронный // Известия : сайт. – 2023. – 27 дек. – URL: <https://iz.ru/1625951/ivan-chernousov/fishingovaia-priamaia-chislo-moshennicheskikh-saitov-v-2023-godu-vyroslo-na-86> (дата обращения: 18.01.2024).
3. МВД РФ сообщило, что мошенники стали применять элементы ИИ при атаках на граждан. – Текст : электронный // Интерфакс : сайт. – 2024. – 15 фев. – URL: <https://www.interfax.ru/russia/946188>.
4. В России определили главные фейки 2023 года. – Текст : электронный // Регнум : сайт. – 2023. – 22 нояб. – URL: <https://regnum.ru/news/3847932> (дата обращения: 11.01.2024).
5. Доктрина информационной безопасности РФ 2000 г. – Текст : электронный // Гарант : сайт. – URL: <https://base.garant.ru/182535/?ysclid=lt44vzlhdt965536224> (дата обращения: 13.01.2024).
6. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации 2016 г. – Текст : электронный // Гарант : сайт. – URL: <https://base.garant.ru/71556224/?ysclid=lt44sifgv346243997> (дата обращения: 13.01.2024).
7. Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 2 июля 2021 г. № 400. – Москва, 2021. – URL: <https://base.garant.ru/401425792/?ysclid=lt450uou35234098396> (дата обращения: 16.01.2024). – Текст : электронный.
8. Российская Федерация. Законы. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон № 149-ФЗ : [принят Государственной Думой 8 июля 2006 года : одобрен Советом Федерации 14 июля 2006 года]. – Москва, 2006. – URL: <https://base.garant.ru/12148555/?ysclid=lt4582gmxn515844527> (дата обращения: 16.01.2024) – Текст: электронный.

9. Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности» от 12.04.2021 № 213. – Москва, 2021. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400473497/> (дата обращения: 16.01.2024). – Текст: электронный.
10. Абрамов, К. Информационная безопасность россиян в условиях внешних цифровых угроз / К. Абрамов. – Текст : электронный. – URL: https://profi.wciom.ru/fileadmin/file/nauka/prof_conversation/strategii-kiberoborony/2022_04_07_Abramov_kiberbezopasnost.pdf (дата обращения: 05.01.2024).
11. Стратегии киберобороны : как обеспечить информационную безопасность граждан. – Текст : электронный // ВЦИОМ : сайт. – URL: <https://profi.wciom.ru/strategii-kiberoborony/> (дата обращения: 18.01.2024).
12. Число уникальных фейков в сети в 2023 году может достичь 4 тыс. – Текст : электронный // ТАСС : сайт. – 2023. – 22 нояб. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/19351319?ysclid=lt46h7fzun5629775> (дата обращения: 11.01.2024).
13. Кравченко, Л. А. Государственная политика информационной безопасности / Л. А. Кравченко, Д. В. Субоч. – Текст : непосредственный // Проблемы информационной безопасности социально-экономических систем : Труды IX Международной научно-практической конференции, Гурзуф, 02–04 марта 2023 года / Под редакцией О. В. Бойченко. – Симферополь : Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, 2023. – С. 40–41.
14. Global Business Data Platform Statista – URL: www.statista.com/statistics/631151/wordwide-data-cjlllected-by-smart-buildings/и (дата обращения: 17.01.2024). – Текст : электронный.
15. Медиапотребление V2.0. – Текст : электронный // Диалог : сайт. – 2023. – 17 окт. – URL: <https://dialog.info/mediapotreblenie-v2-0/> (дата обращения: 25.12.2023).
16. Почепцов, Г. Г. Когнитивные войны в соцмедиа, массовой культуре и массовых коммуникациях / Г. Г. Почепцов. – Москва : ОМКО, 2019. – 390 с. – (Современные технологии). – Текст : непосредственный.
17. Манойло, А. В. «Фейковые новости» как угроза национальной безопасности и инструмент информационного управления / А. В. Манойло. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2019. – № 2. – С. 37–45.
18. Напсо, М. Б. К вопросу о социально-психологических последствиях оборота недостоверной информации в условиях цифровизации / М. Б. Напсо. – DOI 10.25629/НС.2024.01.19. – Текст : непосредственный // Человеческий капитал. – 2024. – № 1 (181). – С. 181–191.

References

1. Interaktivnaya karta kiberugroz. (In Russian). Available at: <https://cybermap.kaspersky.com/ru/stats>

2. Chernousov, I. (2023). Fishingovaya pryamaya: chislo moshennicheskikh saytov v 2023 godu vyroslo na 86 %. S chem svyazano uvelichenie kolichestva takikh portalov i pochemu prestupniki perenosyat ikh za granitsu. (In Russian). Available at: <https://iz.ru/1625951/ivan-chernousov/fishingovaia-priamaia-chislo-moshennicheskikh-saitov-v-2023-godu-vyroslo-na-86>
3. MVD RF soobshchilo, chto moshenniki stali primenyat' elementy II pri atakakh na grazhdan. (2024). (In Russian). Available at: <https://www.interfax.ru/russia/946188>
4. V Rossii opredelili glavnye feyki 2023 goda. (2023). (In Russian). Available at: <https://regnum.ru/news/3847932>
5. Doktrina informatsionnoy bezopasnosti RF 2000 g. (In Russian). Available at: <https://base.garant.ru/182535/?ysclid=lt44vzlhdt965536224>
6. Doktrina informatsionnoy bezopasnosti RF 2016 g. (In Russian). Available at: <https://base.garant.ru/71556224/?ysclid=lt44sifgv346243997>
7. Ukaz Prezidenta RF "O Strategii natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii" ot 2 iyulya 2021 g. No 400. (In Russian). Available at: <https://base.garant.ru/401425792/?ysclid=lt450uou35234098396>
8. Rossiyskaya Federatsiya. Zakony. Ob informatsii, informatsionnykh tekhnologiyakh i o zashchite informatsii: Federal'nyy zakon No 149-FZ. (In Russian). Available at: <https://base.garant.ru/12148555/?ysclid=lt4582gmxn515844527>
9. Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii "Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy Federatsii v oblasti mezhdunarodnoy informatsionnoy bezopasnosti" ot 12.04.2021 No 213. (In Russian). Available at: <https://base.garant.ru/12148555/?ysclid=lt4582gmxn515844527> (In Russian).
10. Abramov, K. Informatsionnaya bezopasnost' rossiyan v usloviyakh vneshnikh tsifrovyykh ugroz. (In Russian). Available at: https://profi.wciom.ru/fileadmin/file_nauka/prof_conversation/strategii-kiberoborony/2022_04_07_Abramov_kiberbezopasnost.pdf
11. Strategii kiberoborony: kak obespechit' informatsionnyu bezopasnost' grazhdan. (In Russian). Available at: <https://profi.wciom.ru/strategii-kiberoborony>
12. Chislo unikal'nykh feykov v seti v 2023 godu mozhet dostich' 4 tys. (2023). (In Russian). Available at: <https://tass.ru/obschestvo/19351319?ysclid=lt46h7fzun5629775>
13. Kravchenko, L. A., & Suboch, D. V. (2023). Gosudarstvennaya politika informatsionnoy bezopasnosti. Problemy informatsionnoy bezopasnosti sotsial'no-ekonomicheskikh system. Simferopol, V. I. Vernadsky Crimean Federal University Publ., pp. 40-41. (In Russian).
14. Global Business Data Platform Statista (In English). Available at: www.statista.com/statistics/631151/worldwide-data-collected-by-smart-buildings/
15. Mediapotreblenie V2.0. (2023). (In Russian). Available at: <https://dialog.info/mediapotreblenie-v2-0/>
16. Pocheptsov, G. G. (2019) Kognitivnye voyny v sotsmedia, massovoy kul'ture i massovykh kommunikatsiyakh. Moscow, OMIKO Publ., 390 p. (In Russian).

17. Manoylo, A. V. (2019). Fake news as a threat to national security and as a tool information management. *Moscow University Bulletin, Series 12. Political Sciences*, (2), pp. 37-45. (In Russian).

18. Napso, M. B. (2024). On the issue of the socio-psychological consequences of the circulation of unreliable information in the conditions of digitalization. *Chelovecheskiy capital*, (1(181)), pp.181-191. (In Russian). DOI: 10.25629/HC.2024.01.19

Информация об авторах / Information about the authors

Попкова Алена Анатольевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, popkovaaa@tyuiu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8507-8151>

Alena A. Popkova, Candidate of Sociology, Associate Professor at the Department of Marketing and Government Administration, Industrial University of Tyumen, popkovaaa@tyuiu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8507-8151>

Парфенов Константин Владимирович, аспирант кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень

Konstantin V. Parfenov, Postgraduate at the Department of Marketing and Government Administration, Industrial University of Tyumen

Статья поступила в редакцию 28.02.2024; одобрена после рецензирования 05.03.2024; принята к публикации 18.03.2024.

The article was submitted 28.02.2024; approved after reviewing 05.03.2024; accepted for publication 18.03.2024.

УДК 394:314.15

DOI: 10.31660/1993-1824-2024-1-116-133

Социальные риски при организации работы персонала бизнес-структур в режиме online

С. Г. Симонов*, О. Н. Кузяков

Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия

*simonovsg@tyuiu.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме корпоративной информационной безопасности в таком ее аспекте, как выявление, идентификация и минимизация социальных рисков при организации работы персонала бизнес-структуры в режиме online. За ее основу взяты эмпирический материал по результатам авторского исследования различных вопросов возникающих социальных рисков и связанного с ними обеспечения информационной безопасности деятельности компаний, использующих удаленный формат работы сотрудников. Исследование реализовано на юге Тюменской области, пилотной территории для федеральной программы «Производительность труда и поддержка занятости», и проведено с применением таких методов, как экспертная оценка, анкетирование, анализ вторичных данных. Приведены статистические данные прироста IT-преступлений за последние годы в разрезе регионов страны и статистические расчеты удельных весов корпоративных сотрудников в зависимости от формата, в котором они хотели бы работать в своей компании. В работе описываются основные результаты исследования: выяснена социальная природа предпринимательских рисков, связанных с удаленным форматом работы персонала; выявлены пять основных видов социальных рисков при организации работы сотрудников компаний в режиме online; дана статистическая оценка киберпреступлений против отечественных компаний; проанализированы последствия фишинговых атак на IT-инфраструктуру российских бизнес-структур; рассмотрены причины утечки корпоративных данных и потери бизнеса, связанные с рисками организации удаленной работы персонала; охарактеризованы финансовые потери компаний, функционирующих в режиме online; изучены риски возвращения сотрудников бизнес-структуры с релокации к офисной работе и приведены результаты социологического исследования, в каком формате они предпочитают трудиться в течение рабочей недели; обоснованы и систематизированы риски несоблюдения корпоративных правил информационной безопасности удаленно занятыми сотрудниками компании; указаны наиболее уязвимые звенья корпоративной системы информационной безопасности. Приводится мнение авторов статьи о роли и месте государственных органов в решении проблемы корпоративной информационной безопасности в таком ее аспекте, как выявление, идентификация и минимизация социальных рисков при организации работы персонала бизнес-структуры в режиме online. В заключительном разделе статьи даны интерпретация и применение полученных результатов, описана польза проведенного исследования для научного сообщества. Обоснована позиция авторов о том, что при всей важности поддержки и участия государственных органов в решении данной проблемы следует иметь в виду, что они устраняют лишь социально-экономические последствия, а не причины.

Ключевые слова: социальные риски, информационная безопасность, кибератака, фишинг, персонал, бизнес-структура, хакеры, мессенджеры, программное обеспечение

Для цитирования: Симонов, С. Г. Социальные риски при организации работы персонала бизнес-структур в режиме online / С. Г. Симонов, О. Н. Кузяков. – DOI 10.31660/1993-1824-2024-1-116-133 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2024. – № 1. – С. 116–133.

Social risks in the organization of the work of the personnel of business structures in online mode

Sergey G. Simonov*, Oleg N. Kuzyakov

Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia

*simonovsg@tyuiu.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of corporate information security in such an aspect as the identification, identification and minimization of social risks in the organization of the work of the staff of a business structure in online mode. It is based on empirical material based on the results of the author's research on various issues of emerging social risks and related information security of companies using the remote format of employee work, implemented in the south of Tyumen region, which is a pilot territory for the federal program "Labor Productivity and employment support". The study was conducted using such methods as expert assessment, questionnaires, and analysis of secondary data. Statistical data on the increase in IT crimes in recent years by regions of the country and statistical calculations of the specific weights of corporate employees, depending on the format in which they would like to work in their company, are presented. The article describes the main results of the study: the social nature of entrepreneurial risks associated with the remote format of staff work is clarified; five main types of social risks are identified when organizing the work of company employees online; a statistical assessment of cybercrimes against domestic companies is given; the consequences of phishing attacks on the IT infrastructure of Russian business structures are analyzed; the causes of corporate data leakage and business losses associated with the risks of organizing remote work of personnel are considered; financial losses of companies operating online are characterized; the risks of returning employees of a business structure from relocation to office work are studied and the results of a sociological study are presented in which format they prefer to work during the working week; the risks of non-compliance with corporate information security rules by remotely employed employees of the company are substantiated and systematized; the most vulnerable links of the corporate information security system are indicated. The opinion of the authors of the article on the role and place of government agencies in solving the problem of corporate information security in such an aspect as the identification, identification and minimization of social risks in the organization of the work of the staff of a business structure in online mode is given. In the final section of the article the interpretation and application of the results obtained are given, and the benefits of the conducted research for the scientific community are described. The authors' position is substantiated that, despite the importance of the support and participation of state bodies in solving this problem, it should be borne in mind that they eliminate only the socio-economic consequences, not the causes.

Keywords: social risks, information security, online mode, cyber attacks, phishing, personnel, business structure, hackers, messengers, software

For citation: Simonov, S. G., & Kuzyakov, O. N. (2024). Social risks in the organization of the work of the personnel of business structures in online mode. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, (1), pp. 116-133. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2024-1-116-133

Введение

В условиях удаленной работы многие отечественные бизнес-структуры вынуждены решать проблему обеспечения информационной безопасности в режиме online, при котором границы киберзащиты расширяются далеко за пределы офиса. Это обуславливает известные социальные риски, поскольку поведение персонала бизнес-структуры в неожиданно изменившейся внешней хозяйственной среде часто бывает непредсказуемым и способно привести к утечке важных корпоративных данных, росту количества киберпреступлений, репутационным издержкам и др.

В настоящее время многими учеными и специалистами понятие социального риска рассматривается как вероятность, потенциальная возможность возникновения негативных последствий, связанных с социальными проблемами и вызванных недостаточным или неэффективным функционированием социальных институтов, политик и программ [1–3]. В широком смысле социальные риски можно рассматривать как целенаправленные действия субъектов, совершаемые в условиях неопределенности результатов. Главной отличительной чертой такого рода рисков является их социальное происхождение: они связаны с угрозами нормальному функционированию субъектов (отдельного работника, персонала компании, населения региона и пр.) ввиду нарушений со-

циально значимых элементов, то есть отклонения от социальной нормы фундаментальных параметров их положения во внешней и внутренней хозяйственной среде.

Следует сказать, что до определенного времени категория «социальные риски» признавалась научным сообществом как устоявшееся, достаточно изученное понятие. Однако с усложнением жизни современного социума, появлением новых обстоятельств и на их основе новых общественных отношений возникла объективная необходимость в дальнейшем исследовании данного феномена. Результатом последнего явилось разделение социальных рисков на традиционные (классические) и новые (современные) социальные риски.

Первые из них ученые связывают с высоким уровнем технологической и региональной безработицы, угрозой попадания значительной части населения за черту бедности, учащением случаев нарушения прав человека, большой дифференциацией в доходах людей и компаний, ведущей к конфликтам и социальной напряженности, и др.

Новые социальные риски в известной мере можно рассматривать как естественную реакцию на современные вызовы реалиям сегодняшнего российского общества.

В числе последних следующие:

- пандемии в форме глобальных эпидемий, такие как COVID-19, способные привести к тяжелым последствиям для здоровья населения и для экономики страны, приостановке транспортных систем и потоков, массовому сокращению средних и малых бизнес-структур и т. д.;

- участвовавшие случаи экстремизма и терроризма, которые вызывают панику и страх у населения, отечественных предпринимателей и персонала компаний, а также могут привести к разрушению производственной и социально-бытовой инфраструктуры, потере большей части активов и др.;

- демографический кризис, нашедший свое выражение в снижении рождаемости, увеличении смертности и старении российского населения, что обуславливает сокращение рабочей силы, ухудшение ее качества, увеличение бремени налогов на трудоспособное население;

- возникновение проблемы кибербезопасности на фоне развития в стране рынка IT-услуг (рост киберпреступлений, фишинговых атак на бизнес и население, утечки корпоративных и персональных данных, компьютерное мошенничество и т. п.);

- набирающее обороты распространение фейковой информации в предпринимательской и обывательской среде, приводящее на микроуровне к неэффективным хозяйственным решениям, ошибкам в управлении бизнес-процессами, ухудшению морально-психологического климата в трудовом коллективе и ложным потребительским ожиданиям, а на макроуровне — к общей экономической нестабильности и снижению качества жизни населения в стране и ее регионах.

Актуализация выявления и анализа новых социальных рисков, а также путей минимизации их последствий не вызывает сомнения. Однако в рамках одной статьи сделать это не представляется возможным, в силу чего акцент был сделан на последних из указанных видов социальных рисков.

Методы исследования

Исследование проблемы социальных рисков и связанного с ними обеспечения информационной безопасности деятельности бизнес-структур, использующих удаленный формат ра-

боты сотрудников, реализовано на юге Тюменской области, которая выступает пилотной территорией для федеральной программы «Производительность труда и поддержка занятости». Для сбора эмпирического материала, лежащего в основе настоящей работы, использовались такие методы, как экспертная оценка, анкетирование, анализ вторичных данных.

Так, первым из них были охвачены две группы экспертов:

- менеджеры высшего и среднего звеньев тюменских компаний, принимающих участие в отмеченной федеральной программе;
- представители местных органов власти, общественных организаций и научного сообщества региона, напрямую не связанные с бизнес-деятельностью.

Такой метод исследования, как анкетирование, позволил обнаружить у возвращающихся с «удаленки» сотрудников тюменских бизнес-структур проблемы с адаптацией и необходимость на первых порах в поддерживающих мерах для вхождения в рабочий ритм офиса, а также некоторое снижение мотивации и желание сменить работу.

Анализ вторичных данных предполагал тщательное изучение материалов, которые были получены по данной тематике другими отечественными и зарубежными учеными. С помощью вторичного анализа удалось верифицировать и в известной степени интерпретировать полученные результаты исследования. Кроме того, он дал возможность сопоставить социальные риски при организации работы персонала бизнес-структур в режиме online, имеющие место в Тюменской области и других регионах. В качестве гипотезы постановки исследуемой проблемы нами предложен алгоритм превентивных шагов по созданию корпоративной системы информационной безопасности персонала при удаленном формате работы (рис. 1).

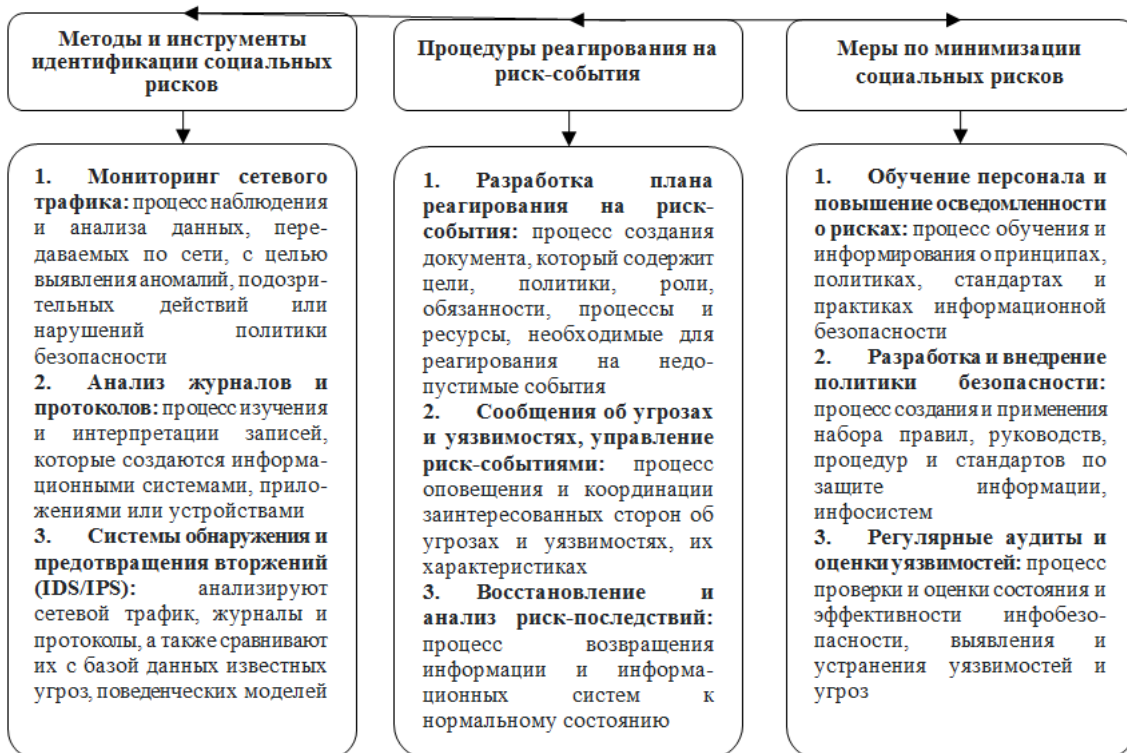


Рис. 1. Алгоритм превентивных шагов по созданию корпоративной системы корпоративной информационной безопасности персонала при удаленном формате работы

Результаты и обсуждение

Шаг 1. Методы и инструменты идентификации социальных рисков.

Обнаружение, регистрация и классификация социальных рисков является начальным и наиболее важным шагом на пути решения поставленной проблемы, от которого зависит, по нашему мнению, 70–75 % конечного успеха. Для этого используются следующие методы и инструменты.

- Мониторинг сетевого трафика, представляющий собой процесс наблюдения и анализа данных, передаваемых по сети, с целью выявления аномалий, подозрительных действий или нарушений политики безопасности. Подобный мониторинг осуществляется с помощью специализированного программного обеспечения или оборудования (снифферов, прокси-серверов, межсетевых экранов и др.).

- Экспресс-анализ журналов и протоколов, который можно рассматривать как процесс изучения и интерпретации записей, создаваемых информационными системами, приложениями или устройствами при выполнении различных операций, событий или действий. Он позволяет выявить рисковые события, такие как неудачные попытки входа, несанкционированный доступ, изменение или удаление корпоративных или персональных данных, нарушение правил доступа и пр.

- Системы обнаружения и предотвращения вторжений (IDS/IPS) в виде программных или аппаратных решений, которые автоматически «мониторят» сетевой трафик, журналы и протоколы, сравнивают их с базой данных известных угроз, уязвимостей или поведенческих моделей. Системы обнаружения вторжений (IDS) предназначены для оповещения менеджмента компании о риск-событиях, блокировки и приостановки последних. Отметим, что системы IDS/IPS могут быть развернуты на разных уровнях сети (например, таких как хост, сетевой уровень, прикладной уровень).

Основные виды рисков при организации работы персонала тюменских компаний в режиме online

№ п/п	Наименование видов рисков при организации работы персонала компаний в режиме online	Ранг значимости видов рисков при организации работы персонала компаний в режиме online
1	Риски фишинговых атак	I
2	Риски роста количества киберпреступлений	II
3	Риски утечки корпоративных данных	III
4	Риски, следствием которых являются потери компании	IV
5	Риски возвращения персонала бизнес-структуры с релокации к офисной работе	V
6	Риски несоблюдения корпоративных правил информационной безопасности сотрудниками компании при организации удаленной работы	VI

Изучение литературы по исследуемой проблеме дало возможность выявить пять основных видов социальных рисков при организации работы персонала компаний в

режиме online: риски роста количества киберпреступлений и фишинговых атак; риски утечки корпоративных данных; риски, следствием которых являются потери бизнес-структуры; риски возвращения персонала бизнес-структуры с релокации к офисной работе; риски несоблюдения корпоративных правил информационной безопасности сотрудниками компании при организации удаленной работы. Используя метод экспертной оценки, нам удалось установить ранг их значимости при организации работы персонала бизнес-структур г. Тюмени в режиме online (таблица).

Риски роста количества киберпреступлений и фишинговых атак

Как заявила официальный представитель МВД И. Волк, за первое полугодие 2023 года по сравнению с аналогичным периодом 2022 года количество киберпреступлений выросло на 27,9 %, в то время как их раскрываемость — лишь на 5,4 % [4].

За период январь–май 2023 года против отечественных компаний совершено 261 тысяча преступлений. При этом киберпреступники имеют финансовые мотивы, в связи с чем они выбирали предпринимателей, готовых платить за сохранность своих корпоративных данных. Атаки чаще всего приходились на промышленные, логистические, финансовые и медицинские компании, а также IT-компании, занимающиеся разработкой программного обеспечения.

Для получения доступа к внутренним сетям компании киберпреступники использовали уязвимости в устаревших версиях Bitrix, Confluence и Webmin на серверах под управлением Linux. Далее загружалось и закреплялось в системе собственное вредоносное программное обеспечение для получения доступа к корпоративным данным. Причем киберпреступники не шифруют данные, а анализируют их вручную и копируют важную бизнес-информацию. И только после получения конфиденциальных данных о деятельности бизнес-структуры начинается привычный ее шантаж.

Более чем три четверти (76,3 %), или 199,2 тысячи, преступлений в РФ совершается через интернет, почти половина из них (45 %), или 117,5 тысячи, — с помощью средств мобильной связи. Симптоматично, что это количество за первые пять месяцев 2023 года увеличилось на 51 % по сравнению с тем же периодом 2022 года. В региональном разрезе наибольший прирост IT-преступлений зафиксирован в Ингушетии (в 2,17 раза), Ненецком АО (в 2,15 раза), Томской (+88,8 %), Ярославской (+77,3 %), Липецкой (+66,1 %) областях, Ямало-Ненецком АО (+64,8 %), Мордовии (+59,3 %), Новгородской (+58,2 %), Белгородской (+57,4 %) и Тульской (+57,2 %) областях. В то же время число зарегистрированных в сфере IT-преступлений сократилось в Чечне (–52,9 %), Дагестане (–23 %), Туве (–22 %), Адыгее (–9,5 %) и Подмосковье (–0,3 %) [5].

Работающие в режиме online сотрудники бизнес-структуры могут легко стать жертвами фишинга. Преступники могут, например, сделать недоступным на время шлюз удаленного доступа, а затем, представившись службой технической поддержки компании, сделать вид, что решают проблему конкретного пользователя, попутно выманив у него учетные данные. Фишинг применяется для кражи конфиденциальной корпоративной информации, банковских счетов, паролей, номеров карт и т. п.

Чаще всего фишинговая атака представляет собой выдачу фейковых сайтов, которые имитируют интернет-страницы популярных компаний (соцсетей, интернет-

магазинов, стриминговых сервисов и др.). Расчет делается на то, что пользователь не заметит подделки и укажет на странице конфиденциальную информацию о компании, корпоративные или личные данные.

Основная проблема, связанная с фишингом, состоит в том, что не существует программного обеспечения, которое защитило бы бизнес-структуру и ее персонал, особенно в условиях удаленной работы, поскольку сайты-фейки трудно отличить от оригиналов. Все зависит от сотрудников бизнес-структуры — насколько они будут внимательны, компетентны для распознавания фейка.

В нашей стране количество фишинговых атак растет из года в год. Чаще всего с их помощью подделываются следующие ресурсы: онлайн-сервисы (39,6 %); почтовые сервисы (15,6 %); финансовые учреждения (15 %); облачные хранилища (14,5 %); платежные сервисы (6,6 %); букмекерские конторы (2,2 %). В первую очередь фишинговые атаки используются для получения доступа к инфраструктуре компании, далее в ход идут другие способы взлома. По данным разработчика решений по предотвращению и расследованию киберпреступлений Group-IB, около 70 % всех целенаправленных атак на российский бизнес начинаются с фишинга. Получив с его помощью доступ хотя бы к одному корпоративному компьютеру, киберпреступники способны закрепиться в сети компании и получить контроль над всей ее инфраструктурой [6].

Риски утечки корпоративных данных

В научной литературе утечка корпоративных данных при организации работы персонала в режиме online рассматривается как инцидент, в результате которого произошло неправомерное раскрытие конфиденциальной информации. К сожалению, работающие на «удаленке» сотрудники взломанных ресурсов не спешат делиться с руководством бизнес-структуры информацией о том, как именно это произошло. Чаще всего основной причиной являются уязвимости в прикладном программном обеспечении, через которые становится возможным доступ к данным аутентификации. Не редки ситуации, когда должным образом не защищен удаленный доступ на сами серверы. Кибермошенники представляются специалистами по информационной или компьютерной безопасности (ИБ-специалистами) известных IT-компаний и предлагают загрузить приложение, которое якобы будет искать уязвимости. На самом деле, устанавливая программное обеспечение, сотрудники бизнес-структуры, работающие в режиме online, дают им право удаленного доступа к своему устройству. Чаще всего кибермошенники связываются с потенциальными жертвами через популярные мессенджеры, иногда — через телефонную связь.

Кроме того, утечки корпоративных данных могут явиться следствием действий инсайдеров. Дело в том, что разработчики программного обеспечения зачастую не тестируют его должным образом и не применяют практики безопасной разработки, а это в свою очередь также делает утечки возможными [7].

Отметим, что в современной теории информационной безопасности бизнеса причины утечек корпоративных данных делят на два вида:

- случайные ошибки персонала бизнес-структуры, которые могут произойти из-за человеческого фактора (например, сотрудник перепутал адреса электронной по-

чты клиентов и направил данные не тому, по ошибке предоставил общий доступ к документу с конфиденциальными корпоративными данными и т. п.);

- намеренные действия кибермошенников, решивших нажать на украденной базе данных.

Таким образом, специально разгласить конфиденциальные корпоративные данные могут как «свои» люди (персонал бизнес-структуры, подрядчики, клиенты, партнеры), так и кибермошенники и хакеры. Это, по нашему мнению, происходит из-за недостаточной защищенности информационной базы компании, отсутствия регулярного пересмотра системы ее защиты, неустранения уязвимости, избыточного хранения корпоративных данных и неорганизованности порядка их обработки, в результате чего они могут попасть не тем субъектам.

Риски, следствием которых являются потери бизнес-структуры

Поскольку корпоративные данные могут быть самыми разными, то и последствия их потери бизнес-структурой, являющейся результатом социальных рисков при организации работы персонала в режиме online, тоже весьма дифференцированы. Условно их можно разделить на прямые и косвенные. К первым, на наш взгляд, относятся следующие:

- компенсации пострадавшим хозяйствующим субъектам;
- штрафы от регулирующих органов (например, суда или Роскомнадзора);
- затраты бизнес-структуры на проведение расследования инцидента и степени его тяжести, определение виновных лиц;
- восстановление правомерного порядка обработки корпоративных данных, установление нового порядка, закупка более надежного информационного оборудования;
- расходы, связанные с невозможностью исполнения обязательств и вытекающими отсюда санкциями (расторжение договоров и контрактов с субъектами, кого «задела» утечка, выплата договорных неустоек и штрафов).

Косвенные потери бизнес-структуры включают следующие:

- уход части потенциальных клиентов компании и контрагентов;
- снижение уровня конкурентоспособности бизнес-структуры на рынке;
- уменьшение стоимости активов бизнес-структуры (акций и других ценных бумаг, нематериальных активов и т. п.);
- определенный удар по репутации компании;
- рост затрат на поддержание имиджа и рекламу для восстановления позиций на рынке;
- дополнительное, не всегда выгодное компании внимание со стороны регулирующих органов (правоохранительных, судебных, надзорных, органов власти на местах) [8].

По результатам ежегодного исследования «Cost of a Data Breach Report», проведенного Ponemon Institute при спонсорской и аналитической поддержке IBM Security, были выявлены следующие тенденции размера финансовых потерь компаний, функционирующих в режиме online .

1. Переход на удаленную работу персонала компании увеличивает размеры финансовых потерь от утечек данных в среднем на один миллион долларов США, чем в ситуациях, в которых дистанционный фактор не задействован (\$4,96 млн против \$3,89 млн).

2. В отраслевом разрезе рост финансовых потерь компаний от утечек корпоративных данных особо наблюдается в здравоохранении, розничной торговле, гостиничном и ресторанном бизнесах, а также в отраслях, производящих потребительские товары. Самые дорогостоящие утечки корпоративной информации — в здравоохранении: \$9,23 млн на каждый случай в 2021 году, что на \$2 млн больше, чем в 2020 году.

3. Компрометация учетных записей приводит к краже корпоративных данных. Причиной большей части потерь является доступ с помощью украденных учетных данных.

4. Современные инструменты помогают снизить убытки. Речь идет о применении искусственного интеллекта, ИБ-аналитики и шифрования, доказавших свою эффективность в плане уменьшения финансовых потерь, связанных с утечками данных компании. Экономия составляет от \$1,25 млн до \$1,49 млн по сравнению с бизнес-структурами, где данные инструменты практически не используются. Что касается утечек корпоративных данных, находящихся в облаке, то компаниям, применяющим гибридные облака, они обходятся дешевле (\$3,61 млн), чем тем, кто использует только публичное облако (\$4,80 млн) или только частное облако (\$4,55 млн) [9].

Риски возвращения персонала бизнес-структуры с релокации к офисной работе

Как показали наши исследования и исследования других ученых, психологически вернуться с удаленного формата работы, к которому привык и который во многом удобен персоналу компании, к прежнему офисному часто бывает весьма непросто. Например, по завершению в нашей стране периода пандемии коронавируса, в течение которого большинство компаний функционировало в режиме online, у многих сотрудников при возвращении в офис обнаружились проблемы адаптации и потребовались на первое время поддерживающие меры для вхождения в рабочий ритм, а также обнаружились невысокая мотивация и желание сменить эту работу [10; 11].

В значительной степени это коррелирует с результатами нашего социологического исследования, которое было проведено в 2023 году и в котором приняли участие около 400 сотрудников тюменских бизнес-структур, имеющих опыт работы в удаленном формате (рис. 2).

Как показало исследование, почти 2/3 опрошенных сотрудников тюменских компаний, которые имеют опыт за период пандемии коронавируса работы в режиме online, предпочитают проводить в офисе только часть рабочей недели. По их мнению, выполнение своих прямых трудовых обязанностей, например, дома в течение 2–3 дней рабочей недели несколько не сказывается на производительности и качестве труда. В то же время данная группа респондентов считает, что находиться определенную часть рабочей недели непосредственно в офисе компании необходимо и даже полезно, объясняя это стремлением быть постоянно в курсе дел компании, осуществлять живой контакт с корпоративным руководством (особенно если сотрудник включен в кадровый резерв), владеть внутренней информацией, которую невозможно получить в удаленном формате.

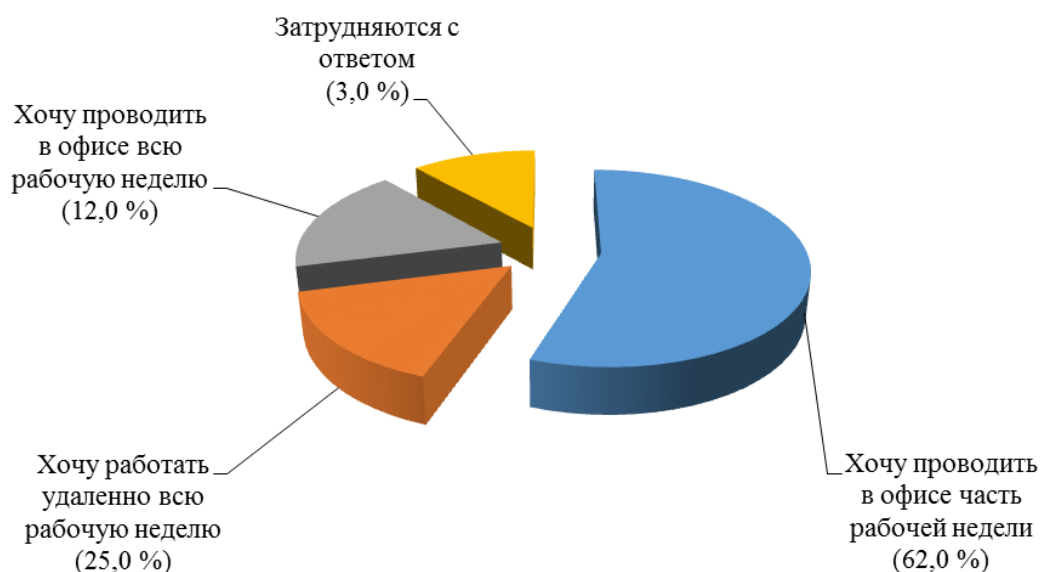


Рис. 2. Результаты ответов на вопрос: «В каком формате Вы хотели бы работать в Вашей компании?»

Четверть опрошенного персонала тюменских бизнес-структур (25,0 %) выразили желание работать в режиме online всю рабочую неделю. Из беседы с этой группой опрошенных сотрудников выяснилось следующее:

- Значительная ее часть перешагнула 50-летний рубеж, не строит иллюзий относительно своего карьерного роста, семейные ценности и интересы явно доминируют над корпоративными. Вместе с тем она держится за свое рабочее место и дорожит им, осознавая высокие риски смены компании.

- Другая ее часть (возрастной диапазон 40–50 лет) полагает, что знает о своей работе все и способна выполнять ее качественно и, главное, быстро, в силу чего не видит смысла в офисном пребывании. Здесь важным мотивом является потенциальная возможность подработки в другом месте в границах традиционной пятидневки.

- Третью часть данной группы образует в основном молодой персонал не старше 30 лет. Она весьма неоднородна, поскольку сюда входят те, кто осознанно пришел временно, переждать, пока найдется более «доходное» место, кого коллектив не принял и не видит в «своей команде», кому нужна просто запись в трудовой книжке или не хватает амбиций и т. д.

Риски несоблюдения корпоративных правил информационной безопасности сотрудниками компании при организации удаленной работы

Как свидетельствует статистика, более половины персонала компании (52 %), работающего в режиме online, не соблюдают правила информационной безопасности [12]. В связи с этим от корпоративного менеджмента требуется спланировать бизнес-деятельность таким образом, чтобы получить преимущества от новой реальности и удаленного формата работы своих сотрудников. В противном случае ошибки в планировании могут привести к целому ряду следующих социальных рисков.

Риски несанкционированного доступа к программному обеспечению. В настоящее время во многих компаниях нет четкой политики самого удаленного доступа. Работая в режиме online, они просто открывают какой-то доступ к своей корпоративной системе, рассчитывая, что все будет в порядке. Вместе с тем в реальной бизнес-практике без грамотной политики удаленного доступа любая уязвимость может повлечь взлом IT-инфраструктуры компании [13]. Причем в данной политике должны быть подробно расписаны все необходимые положения, что позволит, на наш взгляд, минимизировать для бизнес-структуры риски информационного характера.

Риски перезагрузки системы удаленного обновления оборудования и модернизации софта бизнес-структуры. При организации удаленной работы персонала компании корпоративное оборудование с настроенными инструментами защиты переустанавливается из офисов в жилье сотрудников. При этом зачастую компании не удается рассчитать технические мощности оборудования, которое должно будет выдержать нагрузку при подключении всех «удаленщиков». Возникают определенные риски, устранение которых требует регулярного обновления программного обеспечения, модернизации софта, оптимальной загрузки технических мощностей оборудования.

Добавим, что сегодня в России имеется всего лишь несколько компаний, которые разработали системы удаленного обновления оборудования и модернизации софта, тем самым серьезно повысив уровень собственной информационной безопасности. Ряд компаний также продвигаются в этом направлении, планируя у себя внедрение той же двухфакторной аутентификации [14] или контроля доступа к сети (Network Fccess Control — NAC) [15].

Риски использования корпоративного оборудования в собственных целях сотрудниками компании. Часто персонал бизнес-структуры, используя в режиме online корпоративное программное обеспечение, устанавливает на нем личные приложения и игры. Такое «скачивание» из непроверенных источников — прямой путь попадания в корпоративную сеть «вредоноса». В результате компании приходится внепланово проводить проверку всех устройств на наличие угроз и уязвимостей информационного характера. Заметим, что этого бы не потребовалось, если бы менеджмент компании своевременно установил управляющее программное обеспечение.

Риски допуска к корпоративному оборудованию третьих лиц из числа домочадцев «удаленщика» — сотрудника бизнес-структуры. В условиях удаленной работы корпоративное оборудование становится не только рабочим инструментом для сотрудника компании, но и предметом досуга для членов его семьи, имеющих, как правило, свой гаджет. При этом система защиты просто отключается или же в лучшем случае создается новая учетная запись. Как итог, учетные данные сотрудника-«удаленщика» становятся достоянием его домочадцев со всеми вытекающими отсюда негативными для бизнес-структуры последствиями. После отмены режима online и возвращения персонала в офисы большинство учетных записей можно считать скомпрометированными, что потребует скрупулезной и продолжительной по времени процедуры замены имеющихся данных на новые.

Риски решения корпоративных задач на личных устройствах сотрудников бизнес-структур у себя дома в период удаленного формата работы. Подобные риски

возникают в ситуациях, когда сотрудники, находясь в режиме online, вообще не прибегают к корпоративному оборудованию. Они работают со своего домашнего телефона или на своем устройстве, используют личные USB-Flash и другие накопители, что для них привычнее и удобнее. В результате для компании возникает риск обнаружения в своей корпоративной сети новых устройств, которые могут являться источником заражения вредоносным программным обеспечением. Для выяснения всех обстоятельств и последствий этого необходимо запустить процесс сканирования сети.

Шаг 2. Процедуры реагирования на риск-события.

Чтобы эффективно справиться с риск-событиями, необходимо иметь четкие и согласованные процедуры реагирования, которые определяют, как действовать в случае обнаружения, управления и восстановления после превращения потенциальной угрозы или уязвимости в реальную. Процедуры реагирования на риск-события включают в себя следующие процессы:

- Процесс создания документа, который содержит цели, политики, роли, обязанности, процессы и ресурсы, необходимые для реагирования на риск-события, заканчивающийся составлением плана реагирования. Он должен быть разработан заранее, с учетом различных сценариев, угроз, уязвимостей, а также регулярно обновляться и тестироваться.

- Процесс оповещения и координации заинтересованных сторон (руководство компании, ее персонал, клиенты, партнеры, поставщики, правоохранительные органы и др.) о риск-событиях и их характеристиках, таких как время, место, источник, цель, вектор, эффект и т. д. Подобные сообщения также включают в себя анализ, оценку, приоритеты, назначение, исполнение и контроль действий, направленных на устранение риск-событий и их последствий.

- Процесс возвращения информации и информационных систем к нормальному состоянию после риск-событий, выяснения причин и ранга их значимости, хода и результатов превращения потенциальных угроз или уязвимостей в реальные. Кроме этого, сюда относится разработка рекомендаций и выводов, направленных на предотвращение реализации угроз и уязвимостей и снижение рисков вероятности в будущем.

Шаг 3. Превентивные меры по минимизации социальных рисков.

Для предотвращения или снижения вероятности наступления риск-события важно принимать превентивные меры по минимизации его последствий и повышению уровня информационной безопасности в целом. Данные меры включают в себя следующие действия:

- Процесс обучения и информирования персонала компании, ее клиентов и бизнес-партнеров о принципах, политике, стандартах и практиках информационной безопасности, о типах, методах и последствиях риск-событий и др. Обучение сотрудников и повышение осведомленности о социальных рисках может быть осуществлено с помощью различных форм и методов (лекций, семинаров, вебинаров, тренингов, брошюр, плакатов, электронных писем и т. п.).

- Процесс создания и внедрения политики безопасности, применения набора правил, руководств, процедур и стандартов, которые определяют, как информация и информационные системы должны быть защищены, использованы, управляемы и поддерживаемы. Такая политика призвана быть основанной на анализе социальных рисков, согласованной с бизнес-целями и требованиями, а также соблюдаться всеми заинтересованными сторонами. Она должна быть документирована, распространена, контролируется, периодически пересматриваться и обновляться.

- Процесс проверки состояния и оценки эффективности информационной безопасности, выявления и устранения угроз и уязвимостей, нарушений в информационных системах. Регулярные аудиты риск-событий, их последствий могут быть проведены компанией с помощью как своих специалистов, так и аутстаффинга с широким применением самых разнообразных методик и инструментов (например, тестирования, сканирования, наблюдения, интервью, анкетирования и пр.).

Заявленный социологический инструментарий в рамках проводимого исследования был использован для выяснения, какие звенья корпоративной системы информационной безопасности являются наиболее уязвимыми. Для этого нами было предложено менеджерам высшего и среднего звеньев компаний юга Тюменской области, а также представителям местных органов власти, общественных организаций и научного сообщества региона ответить на вопрос «Какие звенья компании являются, по Вашему мнению, наиболее уязвимыми с точки зрения информационной безопасности?» (рис. 3).

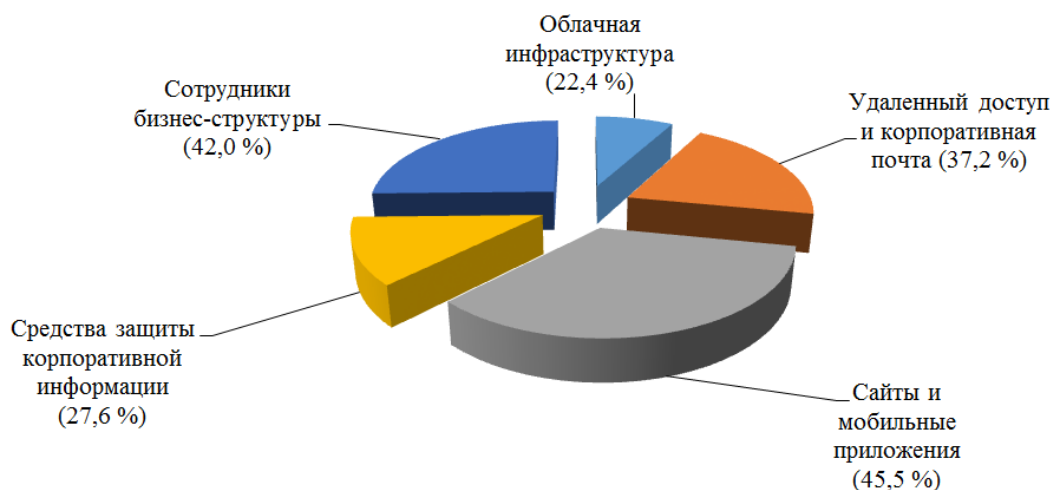


Рис. 3. Результаты ответов на вопрос: «Какие звенья компании являются, по Вашему мнению, наиболее уязвимыми с точки зрения информационной безопасности?»

Как выяснилось, «болевыми точками» с позиции информационной безопасности тюменских компаний в первую очередь выступают сайты и мобильные приложения, персонал, удаленный доступ и корпоративная почта. Очевидно, что именно этим уязвимостям бизнес должен уделять особое внимание для повышения эффективности корпоративной системы информационной безопасности в целом.

Нельзя не отметить, что определенные надежды на улучшение работы данной системы и, соответственно, локализацию социальных рисков при организации работы персонала компаний в режиме online ученые и специалисты возлагают на само государство в лице Государственной Думы РФ. Принятый недавно Госдумой законопроект об уголовной ответственности за кражи и утечки корпоративных и персональных данных влечет за собой внесение соответствующих изменений не только в Уголовный кодекс (УК), но и в Кодекс РФ об административных правонарушениях (КоАП), предусматривающих оборотные штрафы для компаний, допустивших потерю конфиденциальной информации.

В поддержку данного законопроекта выступил М. Вагнер — представитель другого органа государства в лице заместителя руководителя Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Госкомнадзор). Однако при этом он считает, что наказывать необходимо не только тех, кто крадет и продает корпоративные и персональные данные, но и тех, кто использует их в своих целях [16]. Таким образом, под уголовную ответственность должны попадать операторы, обогащающие свои базы данных слитыми сведениями.

Выводы

При всей важности поддержки и участия государственных органов в решении данной проблемы следует иметь в виду, что они устраняют лишь социально-экономические последствия, а не причины. Такое устранение в большей мере касается крупного бизнеса, в известной мере адаптировавшегося к новым вызовам кибербезопасности, а не многочисленных хозяйствующих субъектов среднего и малого форматов, не полностью оправившихся от ковидных ограничений и опосредованного влияния западных экономических санкций.

В деле минимизации социальных рисков при организации работы персонала в режиме online и повышения уровня кибербезопасности предприятия в целом средним и малым бизнес-структурам надо полагаться, в первую очередь, на самих себя. Учитывая имманентную им ограниченность ресурсов, предложим к выше отмеченному некоторые дополнительные рекомендации на пути к решению настоящей проблемы:

- разработать концепцию удаленного доступа к программному обеспечению, в которой подробно расписать все необходимые положения с привязкой к конкретному предприятию;
- выбрать и внедрить конкретное программное обеспечение, реализующее удаленный доступ, не забыв настроить правила межсетевого экранирования и выделить необходимые сетевые сегменты;
- организовать контроль утечек корпоративных данных, антивирусной защиты, контроль «здоровья» компьютеров пользователей, которые подключаются к IT-инфраструктуре предприятия;
- активнее применять аутстаффинг, то есть одалживать у других бизнес-структур ИБ-специалистов, имеющих опыт работы в удаленном формате;

- больше уделять внимания мониторингу событий, используя Security infor and event management (SIEM), Security operation center (SOC) и другие инструменты для выявления слабых мест корпоративной системы информационной безопасности и отражения кибератак;
- в долгосрочной перспективе вместе с другими средними и малыми бизнес-структурами привлекать технологии искусственного интеллекта при создании корпоративной системы информационной безопасности.

Список источников

1. Осипова, П. А. Социальные риски : понятие, признаки, виды и основные проблемные аспекты / П. А. Осипова. – Текст : электронный // Материалы всероссийской научной интернет-конференции «Актуальные проблемы трудового права и права социального обеспечения» (2023). – URL: <https://conf.siblu.ru/socialnye-riski-ponyatie-priznaki-vidy-i-osnovnyye-problemnye-aspekty> (дата обращения: 10.04.2023).
2. Федорова, М. Ю. Нетипичные наднациональные формы социального обеспечения / М. Ю. Федорова. – Текст : непосредственный // Российский юридический журнал. – 2012. – № 3 (84). – С. 188–198.
3. Захаров, М. Л. Право социального обеспечения / М. Л. Захаров, Э. Г. Тучкова. – Москва : Волтерс Клувер. – 2004. – 560 с. – Текст : непосредственный.
4. В России за полгода почти на 30 % выросло число киберпреступлений. – Текст : электронный // Информационное агентство ТАСС : сайт. – 2023. – 20 июля. – URL: <https://tass.ru/obshchestvo/18322395> (дата обращения: 20.07.2023).
5. Васильева, Н. Ингушетия стала регионом с самым большим приростом киберпреступлений / Н. Васильева. – Текст : электронный // Парламентская газета. – 2023. – 23 июня. – URL: <https://www.pnp.ru/social/chislo-kiberprestupleniy-v-rossii-v-yanvare-mae-vyroslo-pochti-na-28.html> (дата обращения: 23.06.2023).
6. Марков, Д. Что такое фишинг : как не стать жертвой хакеров / Д. Марков. – Текст : электронный // РБК : сайт. – 2023. – 07 фев. – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/602e9fe79a7947a4bd611504> (дата обращения: 07.02.2023).
7. Литвинов, Р. Мошенники обманывают граждан, предлагая установить защитное ПО / Р. Литвинов. – Текст : электронный // Инфобезопасность : сайт. – 2023. – 10 авг. – URL: <https://infobezopasnost.ru/blog/news/moshenniki-obmanyvayut-grazhdan-predlagaya-ustanovit-zashhitnoe-po/> (дата обращения: 10.08.2023).
8. Полунин, С. Прямые и косвенные потери от утечек персональных данных. Мнения экспертов / С. Полунин, Е. Царев. – Текст : электронный // Инфобезопасность : сайт. – 2023. – 07 авг. – URL: <https://infobezopasnost.ru/blog/articles/pryamyie-i-kosvennyie-poteri-ot-utechek-personalnyh-dannyh-mneniya-ekspertov/> (дата обращения: 07.08.2023).

9. Потери от утечек данных. – Текст : электронный // TAdviser : сайт. – 2022. – 10 мая. – URL: https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%9F%D0%BE%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B8_%D0%BE%D1%82_%D1%83%D1%82%D0%B5%D1%87%D0%B5%D0%BA_%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D1%85 (дата обращения: 10.05.2022).

10. Симонов, С. Г. Развитие регионального бизнес-сообщества в период пандемии COVID-19 : корректировка или смена парадигмы? / С. Г. Симонов. – Текст : непосредственный // Известия вузов. Социология. Экономика. Политика. – 2021. – № 1. – С. 97–114.

11. Симонов, С. Г. Проблемы этнического предпринимательства в период COVID-19 / С. Г. Симонов, М. А. Хаматханова. – DOI 10.12737/2587-9111-2022-10-1-44-49. – Текст : непосредственный // Научные исследования и разработки. Экономика. – 2022. – Т. 10, № 1 (55). – С. 44–49.

12. Литвинов, Р. Сотрудники возвращаются в офисы вместе с проблемами безопасности / Р. Литвинов. – Текст : электронный // Инфобезопасность : сайт. – 2023. – 11 авг. – URL: <https://infobezopasnost.ru/blog/articles/sotrudniki-vozvrashhayutsya-v-ofisy-vmeste-s-problemami-bezopasnosti/> (дата обращения: 11.08.2023).

13. Кузяков, О. Н. Исследование угроз информационной безопасности автоматизированной системы диагностики патологий легких при лимфоме / О. Н. Кузяков, С. А. Сорокина, Е. А. Шутова. – Текст : непосредственный // Материалы Международной научно-практической конференции им. Д. И. Менделеева. – Тюмень : ТИУ, 2023. – С. 370–372.

14. Ковалева, И. Двухфакторная аутентификация : защищаемся от взлома в соцсетях и сервисах / И. Ковалева. – Текст : электронный // Unisender : сайт. – 2022. – 06 апр. – URL: <https://www.unisender.com/ru/blog/chto-takoe-dvuhfaktornaya-autentifikaciya/> (дата обращения: 06.04.2022).

15. What is 802.1X Network Access Control (NAC)? – Text : electronic // Juniper networks : website. – URL: <https://www.juniper.net/ru/ru/research-topics/what-is-802-1x-network-access-control.html>

16. РКН поддержал введение уголовной ответственности за использование утекших данных. – Текст : электронный // Информационное агентство ТАСС : сайт. – 2023. – 17 июня. – URL: <https://tass.ru/politika/18047109> (дата обращения: 17.06.2023).

References

1. Osipova, P. A. (2023). Sotsial'nye riski: ponyatie, priznaki, vidy i osnovnye problemnye aspekty. Materialy vserossiyskoy nauchnoy internet-konferentsii "Aktual'nye problemy trudovogo prava i prava sotsial'nogo obespecheniya" (2023). (In Russian). Available at: <https://conf.siblu.ru/socialnye-riski-ponyatie-priznaki-vidy-i-osnovnye-problemnye-aspekty>

2. Fedorova, M. Yu. (2012). Non-typical supranational forms of social security. Russian juridical journal, (3(84)), pp. 188-198. (In Russian).

3. Zakharov, M. L., & Tuchkova, E. G. (2004). Pravo social'nogo obespecheniya. Moscow, Volters Kluwer Publ., 560 p. (In Russian).

4. V Rossii za polgoda pochtu na 30 % vyroslo chislo kiberprestupleniy. (2023) (In Russian). Available at: <https://tass.ru/obschestvo/18322395>
5. Vasil'eva, N. (2023). Ingushetiya stala regionom s samym bol'shim prirostom kiberprestupleniy. *Parlamentskaya gazeta*. (In Russian). Available at: <https://www.pnp.ru/social/chislo-kiberprestupleniy-v-rossii-v-yanvare-mae-vyroslo-pochti-na-28.html>
6. Markov, D. (2023). Chto takoe fishing: kak ne stat' zhertvoy khakerov. (In Russian). Available at: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/602e9fe79a7947a4bd611504>
7. Litvinov, R. (2023). Moshenniki obmanyvayut grazhdan, predlagaya ustanovit' zashchitnoe PO. (In Russian). Available at: <https://infobezopasnost.ru/blog/news/moshenniki-obmanyvayut-grazhdan-predlagaya-ustanovit-zashhitnoe-po/>
8. Polunin, S., & Tsarev, E. (2023). Pryamye i kosvennye poteri ot utechek personal'nykh dannykh. *Mneniya ekspertov*. (In Russian). Available at: <https://infobezopasnost.ru/blog/articles/pryamye-i-kosvennye-poteri-ot-utechek-personalnyh-dannyh-mneniya-ekspertov/>
9. Poteri ot utechek dannykh. (2022). (In Russian). Available at: https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%9F%D0%BE%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B8_%D0%BE%D1%82_%D1%83%D1%82%D0%B5%D1%87%D0%B5%D0%BA_%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D1%85
10. Simonov, S. G. (2021). Development of the regional business community during the COVID-19 pandemic: adjustment or change of the paradigm? *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, (1), pp. 97-114. (In Russian).
11. Simonov, S. G., & Hamathanova, M. A. (2022). Problems of ethnic entrepreneurship in the period of COVID-19. *Scientific research and development. Economics*, 10(1(55)), pp. 44-50. (In Russian). DOI: 10.12737/2587-9111-2022-10-1-44-49
12. Litvinov, R. (2023). Sotrudniki vozvrashchayutsya v ofisy vmeste s problema-mi bezopasnosti. (In Russian). Available at: <https://infobezopasnost.ru/blog/articles/sotrudniki-vozvrashchayutsya-v-ofisy-vmeste-s-problemami-bezopasnosti/>
13. Kuzyakov, O. N., Sorokina, S. A., & Shutova, E. A. (2023). Issledovanie ugroz informatsionnoy bezopasnosti avto-matizirovannoy sistemy diagnostiki patologiy legkikh pri limfome. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii im. D. I. Mendeleeva*. Tyumen, Industrial University of Tyumen Publ., pp. 370-372. (In Russian).
14. Kovaleva, I. (2022). Dvuhfaktornaya autentifikatsiya: zashchishchaemsya ot vzloma v sotssetyakh i servisakh. (In Russian). Available at: <https://www.unisender.com/ru/blog/chto-takoe-dvuhfaktornaya-autentifikatsiya/>
15. What is 802.1X Network Access Control (NAC)? (In English). Available at: <https://www.juniper.net/ru/ru/research-topics/what-is-802-1x-network-access-control.html>
16. RKN podderzhal vvedenie ugovnoy otvetstvennosti za ispol'zovanie utekshikh dannykh. (2023). (In Russian). Available at: <https://tass.ru/politika/18047109>

Информация об авторах / Information about the authors

Симонов Сергей Геннадьевич, доктор социологических наук, кандидат экономических наук, профессор кафедры экономики и организации производства, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, simonovsg@tyuiu.ru

Кузяков Олег Николаевич, доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой кибернетических систем, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень

Sergey G. Simonov, Doctor of Sociology, Candidate of Economics, Professor at the Department of Economics and Organization of Production, Industrial University of Tyumen, simonovsg@tyuiu.ru

Oleg N. Kuzyakov, Doctor of Engineering, Professor, Head of the Department of Cybernetic Systems, Industrial University of Tyumen

Статья поступила в редакцию 08.02.2024; одобрена после рецензирования 27.02.2024; принята к публикации 07.03.2024.

The article was submitted 08.02.2024; approved after reviewing 27.02.2024; accepted for publication 07.03.2024.

УДК 316.42

DOI: 10.31660/1993-1824-2024-1-134-145

Поколение Z выбирает эко

А. А. Солоненко, М. С. Готовкина*

Дмитровский рыбохозяйственный технологический институт (филиал Астраханского государственного технического университета), Рыбное, Россия

*gotovkina.rita@yandex.ru

Аннотация. В соответствии с известной теорией Уильяма Штрауса и Нила Хоува в современном обществе существует четыре вида поколений: «бэби-бумеры», «X», «Y» («миллениалы») и «Z» («зумеры»). Эти поколения имеют различия между собой во многих вопросах, в том числе в вопросе отношения к экологии и окружающей среде в целом. Как известно, в современном, быстро меняющемся мире особое значение имеет экологическая повестка. Проблема экологии является одной из шести глобальных проблем современности, и решение ее зависит от усилий всего мирового сообщества. В этой связи целью данного исследования было выявить, как представители различных поколений относятся к вопросу защиты окружающей среды и эко-активизму. Реализовать данную исследовательскую цель нам позволили общенаучные методы, главными из которых были методы анализа исторических материалов и результатов прикладных социологических опросов. В данной статье мы попытались проследить, как в зависимости от поколения менялись представления и ценности экологичности и заботы об окружающей среде. Так, впервые особый интерес к «зеленой теме» проявили так называемые миллениалы (поколение Y, рожденные в период с 1983 по 2004 гг.). На основе данных проведенного исследования нами был сделан вывод, что представители поколения зумеров (рожденных после 2004 года) более склонны проявлять интерес к экологической повестке, чем другие поколения. В первую очередь это выражается в усиленной эко-повестке в социальном контексте. Они стремятся использовать продукты из переработанного сырья, потреблять экологически чистые продукты, отдыхать на природе, заботиться о ней. Анализ публикаций современных СМИ, а также данных, полученных в ходе социологических опросов, свидетельствует о важном значении эко-повестки в системе ценностных ориентаций современной молодежи. Подобное явление наглядно демонстрирует отличие современного поколения зумеров от предыдущих поколений бэби-бумеров, X и миллениалов.

Ключевые слова: теория поколений, социальная экология, эко-активизм, будущее, эпоха потребления

Для цитирования: Солоненко, А. А. Поколение Z выбирает эко / А. А. Солоненко, М. С. Готовкина. – DOI 10.31660/1993-1824-2024-1-134-145 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2024. – № 1. – С. 134–145.

Generation Z prioritises eco-advocacy

Anna A. Solonenko, Margarita S. Gotovkina*

Dmitrov Fisheries Technological Institute (a branch of Astrakhan State Technical University), Rybnoe, Russia

*gotovkina.rita@yandex.ru

Abstract. According to the well-known theory of William Strauss and Neil Howe, modern society can be divided into four generations: "baby boomers", "X", "Y" and "Z". These generations have differences among themselves in various issues, including the issue of attitudes towards ecology. In the modern world, the environmental

agenda is of particular importance due to the rapidly changing nature of our surroundings. The problem of ecology is one of the six global problems of our time. In this regard, the aim of this study was to investigate the relationship between different generations and environmental protection and eco-activism. General scientific methods were used to achieve this research objective, including the analysis of historical materials and the results of applied sociological surveys. In this article, we tried to trace how, depending on the generation, the ideas and values of environmental friendliness and care for the environment changed. For the first time, the so-called Millennials (generation Y, born between 1983 and 2004) have shown a special interest in the "green theme". According to the study data, representatives of the Zoomer generation (born after 2004) are even more inclined to show interest in the environmental agenda than other generations. This is primarily expressed through strengthened eco-advocacy in the social context. They tend to use products from recycled materials, consume environmentally friendly products, relax in nature, taking care of it. An analysis of contemporary media publications and data obtained from sociological surveys suggests that eco-advocacy is an important value orientation for youth today. This phenomenon highlights the differences between the modern generation of Zoomers and previous generations such as baby boomers, X and Millennials.

Keywords: theory of generations, social ecology, eco-activism, age of consumption

For citation: Solonenko, A. A., & Gotovkina, M. S. (2024). Generation Z prioritises eco-advocacy. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, (1), pp. 134-145. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2024-1-134-145

Введение

Впервые о теории поколений заговорили в конце прошлого века после выхода известной книги Уильяма Штрауса и Нила Хоува «Поколения» [1]. В этот период стала популярна идея о том, что люди определенной возрастной группы склонны разделять особый набор убеждений, отношений, ценностей и моделей поведения, так как они росли в одинаковых исторических условиях. Эта теория в процессе своего развития подвергалась серьезной критике со стороны социологов. Однако она имела и имеет много сторонников среди научной общественности. В соответствии с этой теорией, поколение — это совокупность людей, которые рождаются каждые 20 лет [2; 3]. Сейчас принято говорить о поколении «бэби-бумеров» и еще трех поколениях — «X», «Y» («миллениалы») и «Z» («зумеры»).

Социологами разных стран проводилось множество исследований, чтобы сопоставить и выявить черты отличия и сходства этих больших социальных кластеров-поколений [4]. Нам же эта теория была интересна в контексте их отношения к экологической тематике. Дело в том, что эти поколения не одинаково активно реагируют на экоповестку и не одинаково считают ее одним из ключевых вызовов современности. В связи с этим целью данного исследования было выявить отличия представителей различных групп поколений к вопросам экологии. Материалом для исследования данного вопроса послужили научные статьи, социологические исследования, публикации отечественных и зарубежных ученых.

Материалы и методы

Согласно поставленной цели в нашем исследовании были использованы общенаучные методы: диалектический, системный, синергетический, анализа и синтеза, инструмен-

тальный и другие. Особое внимание было уделено анализу исторической ретроспективы отношения различных групп поколений к вопросам природопользования и защиты окружающей среды. Метод анализа позволил определить, что для современного молодого поколения Z эко-повестка имеет большую степень актуальности, чем для представителей ранних поколений. При этом стоит отметить, что базовой теорией для рассмотрения критериев выделения поколений послужила известная теория межпоколенческих различий Уильяма Штрауса и Нила Хоува. Важное значение для реализации цели исследования имел анализ результатов практических социологических исследований, например социологический опрос Высшей Школы Экономики с N = 10 000 (2020 г.), где критерием выборочной совокупности был возраст респондентов от 14 до 24 лет. В соответствии с теорией Уильяма Штрауса и Нила Хоува именно они являются представителями нового поколения Z. Также в исследовании межпоколенческих различий в вопросе отношения к экологии и природопользования важное значение для нас имел анализ исторической литературы и современных публицистических материалов в сети Интернет, иллюстрирующих социальную идентичность современного поколения Z.

Результаты и обсуждение

Так, бэби-бумеры — это люди, которые родились в период с 1943 по 1963 годы. Символами этого послевоенного поколения стали рок-музыка и сексуальная революция. Бэби-бумерам присущ оптимизм, патриотизм и дух коллективизма [5]. Это люди, которые очень много работали, именно они являются «покорителями природы». Они строили дамбы, гидроузлы на Волге и Днепре, водохранилище на Дону, поворачивали реки вспять. В этот период в обществе превалирует концепция о преобразовании природы. Причем данная тенденция была характерна не только для Советского Союза, но и для стран Запада. Этот период называют «эпохой нещадной эксплуатации природы» [6].

Тем не менее в столь жестких условиях представители этого поколения все же старались проявлять заботу о природе, например улучшая качество жизни населения страны в целом. Для этого необходимо было удовлетворить первичные потребности в еде. Отсюда и освоение целины, и изменение климата для увеличения посевных площадей и т. д. В этот период создавались новые виды энергии, аграрные мегапроекты и прочее [6].

Известен план И. В. Сталина, носящий название «Великое преобразование природы». Он был рассчитан на 16 лет, и начало его датируется 1948 годом. В качестве преграды суховеям планировалась посадка лесных полос, а центральное место в проекте заняло лесоразведение и орошение почв [7].

Надо сказать, что это дало результаты: урожайность зерновых выросла на 30 %, овощей — на 75 %. Однако план свернули после смерти И. В. Сталина. Лесополосы были вырублены. И в 50-х годах взялись за Северное полушарие. Решили перекрыть дамбой Берингов пролив, что должно было растопить льды, и в Гренландии рос бы, по замыслу ученых, виноград. Задуманное не осуществилось, отказались также и от идеи осушить Каспийское море ради добычи нефти, и от ряда других масштабных проектов [8].

Главным лозунгом того времени стала вырванная из контекста цитата Мичурина — «Мы не можем ждать милости от природы, взять их у нее — наша задача!» [8]. Однако Иван Владимирович сказал это применительно к селекции, он обращался к плодоводам. Но эту фразу-символ теперь ассоциируют только с потребительским отношением к природе этого периода.

Далее следует поколение X. Исследователи называют его «поколение с ключом на шее». Это люди, которые родились ориентировочно с 1963 по 1984 год. На данный момент это самое многочисленное поколение нашей страны, которое составляет 30 % от всего ее населения [9]. Это поколение, которое выключает за всеми свет в доме. Оно успешно собирало и сдавало макулатуру, металлолом, стеклотару, участвовало в многочисленных субботниках. Система сбора вторсырья была развернута во всех республиках и регионах СССР [9]. Все школы участвовали в таких программах: классы соревновались между собой за количество собранных килограммов бумаги, победители внутришкольных и городских соревнований получали призы. Города регулярно очищались от мусора. Поэтому идею разных контейнеров для мусора во дворах поколение X восприняло радостно, однако, увидев, как на деле все грузится потом в одну машину, доверие поколения X к такой сортировке было утрачено.

Поколение X первое признало, что статус «царя природы» приведет к экологической катастрофе, и нужно спешить «переформатировать» отношения с природой. Общество в конце 80-х захлестнула волна эко-оптимизма: митинги, демонстрации, гласность. Стали закрываться десятки вредных предприятий. Это время стали называть «анархо-экологизмом» и экологическим популизмом [10]. Можно сказать, что в перестроечное время люди больше ходили на экологические митинги, чем на экологические субботники. Как известно, во время перестройки уровень жизни населения нашей страны резко снизился, и реформатор Егор Гайдар, который, кстати, начинал карьеру общественного деятеля именно в «Зеленом движении», меняет свои взгляды и провозглашает приоритет экономики над экологией [9].

Страна все больше политизируется, появляются «зеленые» партии. При этом в «нулевые» нарастает значимость государственного регулирования вопросов экологии. Серьезное лоббирование своих интересов начинают осуществлять транснациональные корпорации, возникает единый глобальный рынок, а значит, начинаются проблемы: не только налоговое законодательство в странах разное, но и природоохранное. Транснациональные корпорации (ТНК) могут выбирать, где им зарегистрироваться, а значит, нормы какой страны им соблюдать. Конфликт между экономикой и экологией снова обостряется. Принося выгоду региону в виде новых рабочих мест и инфраструктуры, ТНК экологические последствия своей деятельности отодвигают на второй план. Экологические проблемы в начале века, в том числе и появившиеся в результате формирования единого глобального рынка, становятся мировыми. Становится понятно, что «наш дом — планета Земля». Сегодня проблема экологии относится к одной из шести глобальных проблем современности [10].

Следующее поколение Y называют еще миллениалами. Представители его родены в период с 1983 по 2004 годы, это те, кому сейчас от 19 до 40 лет. Миллениалов в нашей стране значительно меньше, чем других поколений. Например, на 11 млн мень-

ше, чем представителей поколения X, и на 7 млн меньше, чем следующих за ними «зумеров». Им приписывают прагматизм, отрицание авторитетов, они ценят свободу, с энтузиазмом восприняли дистанционную форму работы, верят в себя, важнейшая идея поколения — это карьера. Они быстро находят информацию и легко ее систематизируют [11]. И что важно в контексте нашей темы, среди этого поколения все больше появляется представителей «зеленых» — защитников природы, сторонников вегетарианского питания, сортировки мусора и т. д. По опросам 80 % миллениалов заинтересованы в сохранении окружающей среды [12]. Они предпочитают пользоваться услугами «зеленых» компаний, с большей вероятностью они купят продукцию тех, кто поддерживает эту идею.

Миллениалы — это то поколение, которое вынудило мировых производителей начать меняться в соответствии с эко-трендом. Так, борьба с пластиком становится отличным маркетинговым инструментом, который помогает производителям зарабатывать. Например, модно производить спортивную одежду и обувь из переработанных материалов. Так, компания Nike намерена изготавливать изделия из переработанной старой обуви, компания Adidas перешла на производство обуви из переработанного пластика [13]. «Зеленый» тренд активно продвигается, это стало выгодным для развития бизнеса.

Также те, кому сейчас до 35 лет (поколение Y), стали предпочитать путешествовать в те места, где разделяется мусор, используется свежая рыба местного производителя, отдается предпочтение возобновляемым источникам энергии и так далее. Для поколения Y, а тем более для следующего поколения Z, в понятие «хорошего человека» встроено его отношение к вопросу экологии [13].

Последнее поколение зумеров ученые характеризуют как решительных, открытых и технологически продвинутых людей. Это те, кто появился на свет после 2004 года. Они рождаются прямо сейчас, ходят в садик, учатся в школах, колледжах, вузах. Поколенческие ценности здесь отследить пока слишком трудно, они только формируются [14]. Более конкретно можно будет сказать о ценностных ориентациях представителей этого поколения, ближе к 2030 году. Пока мы можем только предполагать и прогнозировать. Опираясь на теорию цикличности поколений, мы можем сравнивать новое поколение с «молчаливым» поколением 1925–1942 гг.

Современное общество от поколения Z ожидает великих научных открытий (в новостях мы слышим о них все чаще). Предполагается, что люди этого поколения будут более бережливыми и осознанными покупателями, что притормозит «эпоху потребления». Они будут осторожнее относиться к потребительским кредитам. Больше всего это поколение ценит безопасность. Если старшее поколение больше всего боится войны, люди среднего возраста — социальной нестабильности, то новое и предыдущее волнует уничтожение лесов, химическое загрязнение Земли, последствия глобального изменения климата [14]. Поколение зумеров по праву можно считать первым «глобальным» поколением.

Не так давно социальная сеть «ВКонтакте» и Высшая школа экономики провели масштабное исследование поколения Z. В нем приняли участие больше 10 тысяч человек [15]. Опрос показал, что этому поколению небезразличны климатический кризис и другие экологические проблемы. Правда в отличие от миллениалов им интересна не

просто идея экологичности, а научно-техническое решение экологических проблем. Поколение Z меньше, чем предыдущее поколение, доверяет упрощенным стереотипам. То есть они понимают, что порой экологичность используется только как слово, но не всегда обозначает реальные действия.

Примерно с 2020 года особо популярным трендом в молодежной среде стали различные марафоны антипотребления. В Западной Европе среди молодежи популярна радикальная тенденция *Köpskam* («стыдно покупать»), предполагающая полный отказ от приобретения новых вещей [16; 17]. Следствием этого стало то, что производителям приходится как-то вытеснять лозунги «покупай меньше» более выгодными с точки зрения сбыта: «покупай экологичное», «покупай местное», «покупай наше» и т. д.

В связи с этим весьма показательна судьба самого влиятельного подростка современности Греты Тунберг, которую называют «мессией» эко-движения. Конечно, вероятно, что «Грета Тунберг» — это проект, и как пишет ряд изданий, использовать ребенка с рядом серьезных заболеваний в таких целях неэтично [18]. Однако ее более чем эмоциональные призывы отказаться от добычи полезных ископаемых и использовать природные источники энергии, выращивать экологически чистые продукты, отказаться от использования самолетов и пересаживаться на поезда — все это поддержало огромное количество ее сверстников. В глобальной экологической забастовке приняли участие свыше 4 миллионов человек из более чем 100 государств. Эко-активизм сделал Грету Тунберг невероятно популярной, она уже неоднократно выступала в ООН, Европарламенте, встречалась с папой Франциском и другими политическими и религиозными деятелями [18].

Безусловно, становится очевидным, что привычный мир экономического роста за счет безгранично потребляемых природных благ переживает стадию упадка. Надо признать, что, если до появления Греты Тунберг экологи спорили или мечтали, то сейчас они «наступают». Однако, по расчетам экологов Римского клуба, без пестицидов, ГМО, стимуляторов роста и антибиотиков биосфера Земли способна прокормить только «экологичные» 500 миллионов. Сейчас население Земли в 16 раз больше [19]. И любой экономист будет прав, сказав, что введение так называемых «зеленых налогов», прежде всего приведет к безработице и снижению уровня качества жизни населения. Бесспорно, переход на безуглеродное топливо крайне важная проблема, однако в этом году мир столкнулся с энергетическим кризисом [20].

В этой связи можно констатировать, что противопоставлять ЭКОномику и ЭКОлогию не рационально. Экологи до настоящего времени пытались сделать экологию фактором сдерживания экономического роста, но платить за это сдерживание придется малообеспеченным слоям населения. Конечно, противопоставление достижений экономики и заботы об экологии — это ошибочная постановка вопроса. Экология должна стать одной из отраслей экономики, она должна стать фактором экономического роста. Не надо запрещать использовать автомобили, надо создавать такие автомобили, которые будут более экологичными. Необходимо продолжать исследования: по переработке различных типов отходов, по биоразлагаемому пластику, опреснению морской воды, изучать перспективы экологической миграции и многие другие.

Эти задачи в первую очередь предстоит решать поколению Z. Можно предположить, что через 10 лет огромный спрос будет на такие профессии, как инженеры технологий возобновляемых источников энергии, консультант по устойчивому развитию, «зеленые» строители, архитекторы и дизайнеры эко-среды, машинисты дронов, эко-аналитики, специалисты по уменьшению экологического следа, системным биотехнологиям и многие другие.

Уже сегодня эко-бренды являются признанными лидерами на рынке продовольственных и иных товаров. Такое направление развития бизнеса поддерживается и со стороны государственных структур. Буквально недавно на форуме «Сильные идеи для нового времени» (июль 2023 г.) были представлены победители конкурса новых отечественных брендов. Среди них лидируют бренды, производящие мороженое из натуральных ингредиентов, ореховую пасту без консервантов и усилителей вкуса, зерно, натуральные кондитерские изделия, натуральные сыры и масла и многое другое из экологически чистых продуктов. Причем эко-бренд — это не только еда. На форуме среди победителей заявлены производители очков в оправе из переработанного пластика, безотходное производство одежды, детская эко-мебель, формирующая правильную осанку у ребенка [21]. Все эти технологии и разработки весьма популярны у представителей современного поколения.

Выводы

В современной социологической науке особое место занимает знаменитая теория межпоколенческих различий У. Штрауса и Н. Хоува. Эта теория основана на отражении основных этапов развития человеческого общества в разрезе поколений. Авторы данной теории выделяют присущие каждому поколению определенные общие черты и свойства. В данной статье мы попытались проследить, как в зависимости от поколения менялись представления и ценности экологичности и заботы об окружающей природе. Не вызывает сомнения тот факт, что вопросы бережного отношения к окружающей среде и экологическая повестка в целом являются особенно актуальными в современном обществе. Подтверждает это и тот факт, что экологическая проблема относится к шести глобальным проблемам современности наряду с терроризмом, бедностью, голодом и т. п.

Первым рассмотренным нами поколением были так называемые бэби-бумеры, рожденные в период с 1943 по 1963 годы. Представители этого поколения нещадно порочили природу, полагая, что она должна служить прогрессу человечества. Для этого периода характерны глобальные проекты по осушению морей, поворачиванию рек вспять и т. п. Однако почти никаким фантастическим задумкам не суждено было сбыться. Тем не менее, в столь жестких условиях представители этого поколения все же старались внимательно относиться к окружающей их природе и проявляли заботу, сопряженную с добыванием «хлеба насущного» для населения страны.

Следующим поколением является самое многочисленное на сегодняшний день поколение X. Именно с этого поколения начинает постепенно актуализироваться экоповестка в массовом сознании. В период с конца 80-х — начала 90-х годов в нашей

стране был отмечен особенный интерес со стороны общественности к вопросам экологии. В этот период проходит множество общественных собраний граждан, которые обращаются в органы власти с требованием ужесточения экологического законодательства и прекращением вредных выбросов в атмосферу и т. п. Далее в 2000-е годы нарастает значимость государственного регулирования вопросов экологии, а также намечается новый тренд развития экономики мирового уровня, который стал оказывать существенное влияние на экологию во всем мире. Этим трендом стало развитие особенно крупных транснациональных корпораций, которые, пользуясь различными законодательными базами в разных странах, не всегда бережно относятся к окружающей среде. Но несмотря на это, в общественное сознание уже прочно вошло понимание того, что «природа — наш общий дом».

Следующим поколением стало поколение Y, которое еще принято называть миллениалами. Они были рождены в период с 1983 по 2004 годы. Для этого поколения стало характерно появление большого числа представителей различных «зеленых» движений. Причем эко-повестка становится ведущим маркетинговым инструментом многих известных мировых брендов от одежды до еды.

Последнее поколение зумеров по праву можно считать первым «глобальным» поколением. Они появились на свет после 2004 года. В отличие от предыдущих поколений им интересна не просто идея экологичности, а научно-техническое решение экологических проблем. Они осознают, что порой экологичность используется только как слово, но не всегда обозначает реальные действия. Представители зумеров понимают, что привычный мир экономического роста за счет безгранично потребляемых природных благ уже не может эффективно существовать. Внушает оптимизм тот факт, что последнее подрастающее поколение зумеров сейчас в большей степени, чем предыдущие поколения, озабочены вопросами экологичности и бережливого природопользования. Поколение Z прекрасно понимает, что современное развитие эко-трендов невозможно без внедрения научных разработок, основанных на бережливом производстве. Для этого нужно продолжать исследования в новых областях по переработке различных типов отходов, по биоразлагаемому пластику, опреснению морской воды, экологическому типу энергоносителей.

Список источников

1. Афолина, Н. Теория поколений : Нейл Хоув и Уильям Штраус / Н. Афолина. – Текст : электронный // Образовательный портал «Справочник». – URL: https://spravochnick.ru/pedagogika/teoriya_pokoleniy_neyl_houv_i_uilyam_shtraus/ (дата обращения: 09.07.2023).

2. Значение слова «Поколение». – Текст : электронный // КАРТАСЛОВ.РУ : сайт – URL: <https://kartaslov.ru/%D0%BA%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%B0-%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%BB%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5/%D0%BF%D0%BE%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5> (дата обращения: 19.07.2023).

3. Исаева, М. А. Поколения кризиса и подъема в теории В. Штрауса и Н. Хоува / М. Исаева. – Текст : непосредственный // Знание. Понимание. Умение. – 2011. – № 3. – С. 290–295.
4. От молчаливых до зумеров : теория поколений в России (и в музыке). – Текст : электронный // Мел : сайт. – 2020. – 25 мар. – URL: <https://mel.fm/blog/vizual-club/94825-ot-molchalivykh-do-zumerov-teoriya-pokoleny-v-rossii-i-v-muzyke?ysclid=lkjhj91nia582038879> (дата обращения: 29.07.2023).
5. Забелин, К. Хранители чистой радуги. История и современность экологического движения в России. – Текст : электронный // НОЖ : сайт. – 2021. – 12 мая. – URL: <https://knife.media/russian-ecoactivism/?ysclid=lju3kgqavk462160883> (дата обращения: 09.07.2023).
6. Храм или мастерская : как относились к природе деятели искусства разных эпох. – Текст : электронный // Дзен : сайт. – 2022. – 02 апр. – URL: <https://dzen.ru/a/Ykd0i3xsEivupSTd> (дата обращения: 09.01.2024).
7. Осушить море и повернуть реки вспять. Главные мегапроекты СССР. – Текст : электронный // Телеканал «Наука» : сайт. – 2020. – 04 мар. – URL: <https://naukatv.ru/articles/704?ysclid=lju2fofly1918015278> (дата обращения: 09.07.2023).
8. Семенова, О. Марксистско-ленинский лозунг покорения природы / О. Семенова – Текст : электронный // Проза.ру : российский литературный портал. – 2023. – URL: <https://proza.ru/2023/01/04/956?ysclid=lju3ggivov511957672> (дата обращения: 09.07.2023).
9. Савельева, И. М. История и время : В поисках утраченного / И. М. Савельева, А. В. Полетаев. – Москва : Языки русской культуры, 1997. – 796 с. – Текст : непосредственный.
10. Александр. Современные экологические проблемы и пути их решения / Александр. – Текст : электронный // Экология : сайт. – 2021. – 14 авг. – URL: <https://ecologyda.ru/ekoproblemy/ekologicheskie-problemy?ysclid=lju4330lcv266260442> (дата обращения: 09.07.2023).
11. Ожиганова, Е. М. Теория поколений Н. Хоува и В. Штрауса. Возможности практического применения / Е. М. Ожиганова. – Текст : электронный // Бизнес-образование в экономике знаний : международный научный электронный журнал. – 2015. – № 1. – С. 94–97. – URL: <https://bibs-science.ru/articles/ar550.pdf>.
12. Атаджанов, М. Переходное поколение в современном социуме : от поколения икс к интернет-поколению / М. Атаджанов. – Текст : непосредственный // Научный вестник воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия : социально-гуманитарные науки. – 2015. – № 4. – С. 69–73.
13. Кобяков, И. Зеленое поколение : как миллениалы вынуждают корпорации бороться с мусором. – Текст : электронный // Forbes : сайт. – 2019. – 25 сен. – URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/382457-zelenoe-pokolenie-kak-millenyaly-vynuzhdayut-korporacii-borotsya-s-musorom> (дата обращения: 09.07.2023).
14. X, Y, Z : чем современное поколение детей отличается от предыдущих. – Текст : электронный // Foxford : сайт. – 2021. – 06 окт. – URL: <https://externat.foxford.ru/polezno-znat/osnovy-teorii-pokolenij-xyz?ysclid=lkjhh1tfoq372080375> (дата обращения: 09.11.2023).

15. ВКонтакте и ВШЭ исследовали поколение Z : от потребления контента до отношения к экологии. – Текст : электронный // ВКонтакте : сайт. – 2020. – 11 сен. – URL: <https://vk.com/press/research-eco-Z?ysclid=lju4hnhi4h984504887> (дата обращения: 09.07.2023).

16. Движение Köpskam. 15 минут славы для миллениалов и поколения Z. – Текст : электронный // ВКонтакте : сайт. – URL: https://vk.com/wall12381243_10673?ysclid=lju4jeru58945292343 (дата обращения: 09.07.2023).

17. «Стыдно покупать» : что известно о новом движении. – Текст : электронный // ЁЖ : онлайн-журнал. – 2020. – 12 янв. – URL: https://ezhonline.ru/articles/trends/stydno-pokupat-cto-izvestno-o-novom-molodezhnom-dvizhenii_56.html (дата обращения: 09.07.2023).

18. Кто такая Грета Тунберг? – Текст : электронный // РБК : сайт. – 2023. – 23 окт. – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/green/5d8b4c929a7947d3b4468fd3> (дата обращения: 09.07.2023).

19. «Поколение я — поколение мы» : парадоксы префигуративной культуры на постсоветском пространстве / Л. В. Турарбекова, А. М. Канагатова, Д. Р. Сапарова, С. Ж. Эдельбай. – DOI 10.32523/2616-7255-2022-139-2-168-188. – Текст : непосредственный // Вестник Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева. Серия : Исторические науки. Философия. Религиоведение. – 2022. – № 2 (139). – С. 168–188.

20. МЭА : наступил первый мировой энергетический кризис. – Текст : электронный // Смотрим : сайт. – 2022. – 06 мая. – URL: <https://smotrim.ru/article/2727104?ysclid=lju4piq5z1519557717> (дата обращения: 09.07.2023).

21. Победители конкурса перспективных брендов России. – Текст : электронный // Рапид Био : сайт. – 2023. – 07 июля. – URL: <https://rapidbio.ru/tpost/u0r4f4xp01-pobediteli-konkursa-perspektivnih-brendo> (дата обращения: 09.07.2023).

References

1. Afonina, N. Teoriya pokoleniy: Neyl Khouv i Uil'yam Shtraus. (In Russian). Available at: https://spravochnick.ru/pedagogika/teoriya_pokoleniy_neyl_houv_i_uilyam_shtraus

2. Znachenie slova «Pokolenie». (In Russian). Available at: <https://kartaslov.ru/%D0%BA%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%B0-%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0/%D1%82%D0%BE%D0%BB%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5/%D0%BF%D0%BE%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5>

3. Isaeva, M. (2011). Crisis and rise generations in W. Strauss and N. Howe's theory. Knowledge. Understanding. Skill, (3), p. 290-295. (In Russian).

4. Ot molchalivyykh do zumerov: teoriya pokoleniy v Rossii (i v muzyke). (2020). (In Russian). Available at: <https://mel.fm/blog/vizual-club/94825-ot-molchalivyykh-do-zumerov-teoriya-pokoleniy-v-rossii-i-v-muzyke?ysclid=lkjhh91nia582038879>

5. Zabelin, K. (2021). Khraniteli chistoy radugi. Istoriya i sovremennost' ekologicheskogo dvizheniya v Rossii. (In Russian). Available at: <https://knife.media/russian-ecoactivism/?ysclid=lju3kgqavk462160883>.
6. Khram ili masterskaya: kak odnosilis' k prirode deyateli iskusstva raznykh epokh. (2022). (In Russian). Available at: <https://dzen.ru/a/Ykd0i3xsEivupSTd>
7. Osushit' more i povernut' reki vspyat'. Glavnye megaproekty SSSR. (2020). (In Russian). Available at: <https://naukatv.ru/articles/704?ysclid=lju2fofly1918015278>
8. Semenova, O. Marksistsko-leninskiy lozung pokoreniya prirody. (2023). (In Russian). Available at: <https://proza.ru/2023/01/04/956?ysclid=lju3ggivov511957672>
9. Savel'eva, I. M., & Poletaev, A. V. (1997). Istoriya i vremya: V poiskakh utrachennogo. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 796 p. (In Russian).
10. Aleksandr. (2021). Sovremennye ekologicheskie problemy i puti ikh resheniya. (In Russian). Available at: <https://ecologyda.ru/ekoproblemy/ekologicheskie-problemy?ysclid=lju4330lcv266260442>
11. Ozhiganova, E. M. (2015). Straus Howe generational theory. Opportunities of practical application. (In Russian). Available at: <https://bibs-science.ru/articles/ar550.pdf>
12. Atajanov, M. (2015). Transitional generational in modern society: from generation X to Internet generation. Nauchnyy vestnik voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Seriya: sotsial'no-gumanitarnye nauki, (4), pp. 69-73.
13. Kobayakov, I. (2019). Zelenoe pokolenie: kak millenialy vynuzhdayut korporatsii borot'sya s musorom. (In Russian). Available at: <https://www.forbes.ru/forbeslife/382457-zelenoe-pokolenie-kak-millenialy-vynuzhdayut-korporatsii-borotsya-s-musorom>
14. X, Y, Z: chem sovremennoe pokolenie detey otlichaetsya ot predydushchikh. (2021). (In Russian). Available at: <https://externat.foxford.ru/polezno-znat/osnovy-teorii-pokolenij-xyz?ysclid=lkjhh1tfoq372080375>
15. VKontakte i VSHE issledovali pokolenie Z: ot potrebleniya kontenta do otnosheniya k ekologii. (2020). (In Russian). Available at: <https://vk.com/press/research-eco-Z?ysclid=lju4hnh14h984504887>
16. Dvizhenie Köpskam. 15 minut slavy dlya millenialov i pokoleniya Z. (In Russian). Available at: https://vk.com/wall12381243_10673?ysclid=lju4jeru58945292343
17. "Stydno pokupat'": chto izvestno o novom dvizhenii. (2020). (In Russian). Available at: https://ezhonline.ru/articles/trends/stydno-pokupat-chto-izvestno-o-novom-molodezhnom-dvizhenii_56.html
18. Kto takaya Greta Tunberg? (2023). (In Russian). Available at: <https://trends.rbc.ru/trends/green/5d8b4c929a7947d3b4468fd3>
19. Turarbekova, L. V., Kanagatova, A. M., Saparova, D. R., & Edelbay, S. Zh. (2022). "Generation me - generation we": paradoxes of prefigurative culture in the post-soviet space. Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University. Historical sciences. Philosophy. Religion series, (2(139)), pp. 168-188. (In Russian). DOI: 10.32523/2616-7255-2022-139-2-168-188
20. MEA: nastupil pervyy mirovoy energeticheskiy krizis. (2022). (In Russian). Available at: <https://smotrim.ru/article/2727104?ysclid=lju4piq5z1519557717>

21. Pobediteli konkursa perspektivnykh brendov Rossii. (2023). (In Russian). Available at: <https://rapidbio.ru/tpost/u0r4f4xp01-pobediteli-konkursa-perspektivnih-brendo>

Информация об авторах / Information about the authors

Солоненко Анна Александровна, кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Дмитровский рыбохозяйственный технологический институт (филиал Астраханского государственного технического университета), п. Рыбное, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3857-9516>

Готовкина Маргарита Сергеевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Дмитровский рыбохозяйственный технологический институт (филиал Астраханского государственного технического университета), п. Рыбное, gotovkina.rita@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5615-5261>

Anna A. Solonenko, Candidate of Economics, Associate Professor, Head of the Department of Humanities and Social and Economic Disciplines, Dmitrov Fisheries Technological Institute (a branch of Astrakhan State Technical University), Rybnoe, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3857-9516>

Margarita S. Gotovkina, Candidate of Sociology, Associate Professor at the Department of Humanities and Social and Economic Disciplines, Dmitrov Fisheries Technological Institute (a branch of Astrakhan State Technical University), Rybnoe, gotovkina.rita@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5615-5261>

Статья поступила в редакцию 04.10.2023; одобрена после рецензирования 15.01.2024; принята к публикации 23.01.2024.

The article was submitted 04.10.2023; approved after reviewing 15.01.2024; accepted for publication 23.01.2024.

На научный журнал

«Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика»

(подписной индекс: 19420) можно оформить **подписку** на сайте Объединенного каталога **«Пресса России»**: <https://www.pressa-rf.ru/cat/1/edition/t19420/>,

а также можно подписаться через интернет-магазин

«Пресса по подписке»:

https://www.akc.ru/itm/izvestiy_a-vy_iss_hih-uc_hebny_ih-zavedeniy-sot_siologiy_a-y_ekonomika-politika/

Дата выхода в свет 01.04.2024. Формат 60x90 1/8.

Уч.-изд. л. 10,01. Усл. печ. л. 18,25 Тираж 500. Заказ № 2816.

Распространяется по подписке. Цена свободная.

Центр развития публикационной активности федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования

«Тюменский индустриальный университет».

625000, Тюмень, ул. Володарского, 38.

Типография библиотечно-издательского комплекса ТИУ

625027, Тюмень, ул. Киевская, 52.